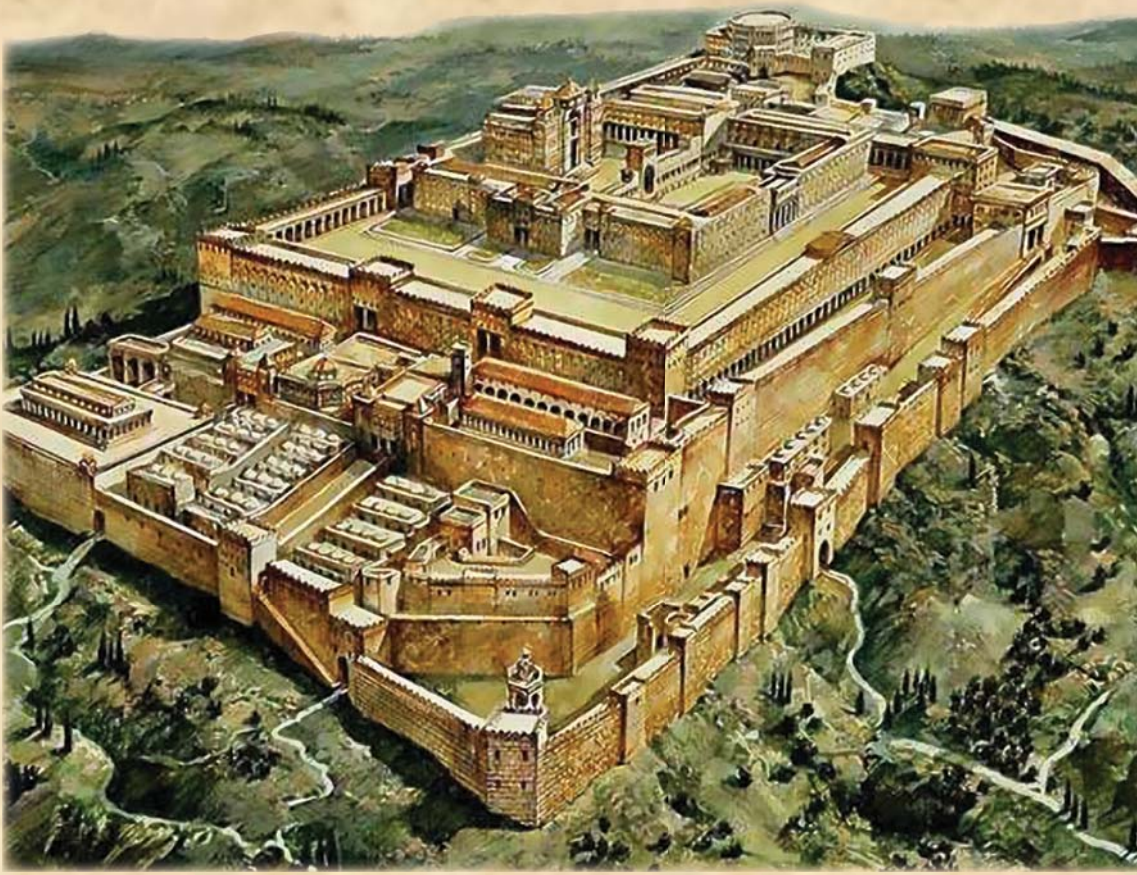
Священник Сергий Коротких

Библейская история Древнего мира:

основы отечественной культурно-исторической традиции

(с древнейших времен до новой эры)



Часть II

Министерство образования и науки Калужской области
Калужский государственный институт модернизации образования

Священник Сергий Коротких

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА:

ОСНОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НОВОЙ ЭРЫ)

Методическое пособие для учителей

Часть II

Калуга
2012

УДК 931: (21+22+23) (07)
ББК 63.3 (0)2 я7
63.3 (0)3 я7
К687

Рецензенты:

А. В. Камкин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Вологодского государственного педагогического университета, член-корреспондент РАЕН;

Е. А. Маслов, кандидат исторических наук, ректор ГОУ ДПО (ПК) С «Калининградский областной институт развития образования».

Священник Сергий Коротких

К687 Библейская история Древнего мира: Основы отечественной культурно-исторической традиции (с древнейших времен до новой эры): методическое пособие для учителей: В 2 ч. — Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2012. — Ч. 2. — 328 с.

Настоящее издание, выполненное в двух частях, представляет собой программу учебного курса для 5 класса общеобразовательной школы и прилагающееся к ней методическое пособие для учителей истории в форме курса лекций.

В издании совершается попытка расширения источниковой и методологической базы преподавания учебного курса «История Древнего мира». Библия предстает в качестве важнейшего исторического источника, а библейская история в качестве неотъемлемой части древней истории человечества.

Предлагаемые материалы, обращенные к культурообразующим корням народа России, являются важной составляющей пропедевтики основ отечественной истории и культуры.

Содержание курса лекций будет полезно в практической деятельности преподавателям религиоведения, литературы, мировой художественной культуры, обществознания, а в некоторых его аспектах преподавателям естественно-научных дисциплин.

УДК 931: (21+22+23) (07)
ББК 63.3 (0)2 я7
63.3 (0)3 я7

ISBN 978-5-905374-13-5

© Священник Сергий Коротких, 2012
© ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт модернизации образования», 2012

Содержание

Библия об истории Древнего Израиля и народов, его окружавших 4

Авраам — отец веры 4
Иаков — Израиль 47
Древний Израиль и Египет 62
Закон Ветхого Завета 106
Борьба за Ханаан. Период судей израильских 141
Цари Израиля 169
Пророки Ветхого Завета 249
Иудея в VI–I вв. до Р. Х. 290

Примерная хронология библейской истории 318

Библиографический список 321

БИБЛИЯ ОБ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ И НАРОДОВ, ЕГО ОКРУЖАВШИХ

Авраам — отец веры

Произошедшее падение человечества в идолопоклонство, на которое мы обратили внимание при попытке раскрыть тему «Вавилонское столпотворение», привело к тому, что к началу II тысячелетия до Р. Х. на Земле уже трудно было сыскать того, кто поклонялся бы Единому Богу — Творцу мира.

Но именно в это время жил человек, которому суждено было стать отцом истинной веры и всех верующих в Единого Бога. Вспомним слова профессора А. П. Лопухина: «...Чтобы сохранить семена истинной веры для будущего, необходимо было выделить какого-нибудь носителя из среды беззакония и сделать его избранным отцом и родоначальником нового поколения верующих. Так и устроено было благим Промыслом Божиим»[1]. Через него, как некогда через Ноя, Бог восстановил утерянную истину и создал новый народ, поклоняющийся Единому Творцу.

Этого человека помнят и почитают представители всех трех монотеистических религий, т. е. религий, основанных на вере в Единого Бога.

МОНО — ТЕИЗМ (*греч.*)
↓ ↓
ЕДИНО — БОЖИЕ (*слав.*)

Таковыми являются христианство, иудаизм и ислам (магометанство). Однако во времена жизни этого человека еще не существовало такого разделения, но была одна монотеистическая религия среди многочисленных языческих вер, которую ныне именуют ветхозаветной религией. Имя этому человеку Авраам.

Авраам явился отцом (родоначальником) многих народов, среди которых наиболее известны израильтяне и измаильтяне. Первые — потомки внука Авраама Иакова-Израиля, а вторые — потомки сына Авраама Измаила. От израильтян происходят современные евреи, а от измаильтян — современные арабы и другие народы Востока. Таким образом, современных евреев и арабов связывают узы кровного родства, восходящие к их праотцу Аврааму, так же, как и всех людей мира, связывают кровные узы, восходящие к Ною.

Но самым главным и важным, за что Авраама почитают и христиане, и иудеи, и мусульмане, является то, что он возродил массовое почитание Единого Бога Творца и заложил твердое основание монотеизму, долгое время сохранявшемуся только лишь в среде одного народа, но затем распространившемуся по всему миру.

Согласно данным Септуагинты, Авраам жил в 2115–1940 гг. до Р. Х. Но как отмечает Н. Василиадис, «датировать научно события этого периода очень трудно, поскольку у нас почти нет хронологических привязок»[1]. При этом Дж. Э. Райт обратил внимание на то, что «возможно, наиболее значительный вклад археологии в изучение Ветхого Завета за последние четыре десятилетия состоит именно в том, что... мы можем показать, что его [Авраама] жизнь и его время, о которых нам рассказывает Писание, прекрасно соответствуют началу II тысячелетия до Р. Х., но никак не более поздней эпохе»[2]. Поэтому чаще всего время жизни и деятельности Авраама указывается лишь примерно — около 2000 лет до Р. Х.

Священное Писание говорит о том, что Фарра, отец Авраама, потомок Сима в восьмом поколении, человек богатый, жил в городе Уре Халдейском, где родил трех сыновей Авраама, Нахора и Арана. Аран рано умер, оставив единственного сына Лота (Быт. 11, 27–28).

[1] *Лопухин А. П.* Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986. С. 32.

[1] *Василиадис Н.* Библия и археология. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. С. 47.

[2] *Райт Дж. Э.* Библейская археология. СПб., 2003. С. 49.

В «Библейском словаре» Э. Нюстрема значится: «Халдея (Быт. 11, 28) — земля халдеев (Иер. 50). По описанию древних географов, она находилась около Персидского залива и граничила с Аравией, т. е. представляла приблизительно южную часть Вавилонских владений, обозначая все Вавилонское царство...»[1] Часто халдеями (евр. — касдим) сопредельные народы называли все население Вавилонского царства. К началу II тысячелетия до Р. Х. южная, прибрежная часть этой страны именовалась Шумер (Сеннаар), а более северная — Аккад[2].

Библия ничего не говорит о традициях этого древнейшего города, о его законах, образе жизни его населения. Однако в данном случае на помощь приходит археология. Дж. Э. Райт писал: «Археология помогла пролить свет и на историю патриархов Книги Бытия: Авраама, Исаака и Иакова. Нет, других письменных свидетельств, помимо тех, которые имеются в Библии, найдено не было, однако ученым удалось приоткрыть завесу таинственности, скрывавшую от нас ту эпоху. Вследствие этого сегодня мы можем с гораздо большей уверенностью говорить о том, к какому типу принадлежали эти люди, об их происхождении, образе жизни, верованиях и о том, какой след оставили в истории великие народы древности»[3].

В главе «Библия как исторический источник» мы кратко обратили внимание на результаты раскопок, начатых в 1854 г. британским консулом Дж. Э. Тейлором, продолженных в 1918 г. сотрудником Британского музея Р. К. Томпсоном и увенчавшихся успехом благодаря трудам английского археолога Ч. Л. Вулли в 1922–1934 гг. Эти раскопки пролили свет на условия жизни, культурные традиции родины Авраама.

Ур Халдейский — один из древнейших городов Южной Месопотамии, а соответственно и один из древнейших городов мира. Он был основан на заре послепотопной истории человечества примерно в IV тысячелетии до Р. Х., наряду с древним Вавилоном, и являлся одним из значительных центров шумерской культуры.

[1] *Нюстрем Э.* Библейский словарь. Торонто, 1979. С. 471.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 47.
[3] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 47.

В древнейшие времена эти земли уже населяли два народа — шумеры (к югу) и аккадцы (к северу). Культура шумеров известна науке уже с IV тысячелетия до Р. Х. Аккадцы, семиты по происхождению, пришли в Сеннаар (Халдею) с северо-запада в III тысячелетии до Р. Х. и мирно поселились в ней. Их царь Саргон I в XXIII в. до Р. Х. объединил эти два народа, и постепенно семиты-аккадцы полностью переняли культуру шумеров, сохранив свой язык. Так возник халдейский народ.

Н. Василиадис писал: «Несмотря на то, что на вопрос, откуда изначально происходили эти семитские племена, еще нет исчерпывающего ответа, можно все-таки сказать, что Фарра, отец Авраама, был главой одного из его объединений, которые жили в пределах города Ура или в его окрестностях. Следовательно, как пишет профессор археологии Томпсон, „нет ничего невероятного в том, что представитель одного из семитских племен, каковым являлся Авраам, мог быть родом из Южной Месопотамии, хотя мы и не можем точно установить, из какой именно группы семитских племен он происходил“»[1].

Первым открытием, сделанным во время раскопок на территории древнего Ура, был знаменитый ныне зиккурат бога луны Наннара. В царских захоронениях, датируемых около 2500 г. до Р. Х., были найдены музыкальные инструменты, драгоценные украшения ювелирной работы, одежда, кухонная утварь, колесницы, оружие, останки вьючных животных и рабов, что свидетельствует о вере в загробную жизнь. Многие другие находки говорили о том, что Ур был богатым центром сильного государства, вел широкую морскую торговлю, обладал прекрасно развитым ремесленным производством, имел развитую законодательную и судебную систему, строился и расширялся согласно плану застройки, который предполагал и улицы, и площади. Дома Ура по сравнению с постройками Вавилона выглядели просторней, уютней и богаче. Их ширина в среднем равнялась 12 м, а высота 15 м, они имели внутренний мощеный дворик шириной 4,5 м. Дома

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 41.

были двухэтажными и имели от десяти до двадцати комнат. Нижний этаж строили из кирпичей, а верхний — из глиняных плит. По периметру внутреннего дворика вдоль комнат второго этажа шла галерея с деревянными решетками. Стены домов штукатурились и белились. Под домом находились сводчатые могилы умерших членов семьи.

Отечественный востоковед В. И. Авдиев указывал на то, что архитектура Шумера и Аккада в свое время, достигнув расцвета при III династии Ура, «оказала влияние на развитие архитектурных форм в Вавилоне и в Ассирии»[1].

«Обучение письму и образование вообще в Уре процветали, — писал Н. Василиадис. — Во время раскопок была обнаружена одна из школ. Найденные там глиняные таблички свидетельствуют, что школьников обучали клинописи. Они учились читать по текстам, которые в основном представляли собой гимны. Их обучали сложению, вычитанию, умножению и делению. На высших ступенях они решали задачи по извлечению квадратных и кубических корней, затем переходили к практическим занятиям геометрией»[2].

З. Косидовский на основании археологических данных попытался следующим образом реконструировать обстановку, в которой жили Фарра и его семья: «Фарра был очень богат. Он жил в прекрасном доме, имел много слуг, рабов, сотни баранов, золото и серебро, а также сыновей, которые помогали ему в работе, присматривали за слугами, пасущими скот на пригородных пастбищах. Кроме того, Фарра, давно расставшись с жизнью кочевника-скотовода, занимался торговлей. Итак, он был уважаемым патрицием знаменитого Ура Халдейского...

Отсутствие в Библии каких-либо сведений об этом городе мы восполним тем, что нам известно из археологии и истории. Столица древнего Шумера к тому времени существовала уже более тысячелетия. На ее узких, извилистых, немощеных улочках всегда было шумно и людно. Сквозь пеструю толпу с трудом пробивались караваны навьюченных ослов или

[1] *Авдиев В. И.* История Древнего Востока: учебник для студентов исторических факультетов вузов. М., 1970. С. 98.

[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 43.

отряды царской стражи. Только когда на улице появлялись торжественные фигуры жрецов в белых полотняных одеждах, люди почтительно расступались. Высоко над крышами города поднималась конусообразная пирамида со святилищем бога луны Наннар Син на вершине. Это была одна из пирамид-зиккуратов, славившихся не только на берегах Тигра и Евфрата, но даже в далеком Египте... Окрестности Ура походили в ту пору на цветущий сад. Среди сети искусственных больших и малых каналов, по которым живительной влагой растекались ленивые волны Евфрата, купались в солнечных лучах квадраты полей, засеянных ячменем и овощами, оливковые и финиковые рощи, сочные, тучные луга. Всюду мелькали загорелые полунагие тела крестьян и рабов, занятых на полевых работах. По Евфрату двигались тяжелые баржи, груженные товарами. У ворот и стен города располагались странствующие купцы и кочевники со своими стадами, уставшими от долгого пути...

Первыми путешественниками и посредниками в торговле были в древности кочевники-скотоводы, которые перегоняли стада с пастбища на пастбище и забирались в своих скитаниях очень далеко. Сначала они просто обменивали свои изделия — кожу, ткани из козьей шерсти, жиры, масло, молоко и мясо — на товары, которые сами не производили. Со временем они обнаружили, что могут получать прибыль, покупая товары в одном городе и продавая их дороже в другом. Такой торговле способствовало то, что кочевники все время были в пути, оседлое население городов и деревень охотно пользовалось их услугами.

Фарра именно таким образом скопил свое состояние. Потом, однако, он пришел к выводу, что ему выгоднее расстаться с кочевой жизнью, поселиться в Уре и заниматься посредничеством между кочевыми племенами и их покупателями...

Дом Фарры стоял в городе у самой крепостной стены. Двухэтажный, кирпичный, побеленный известью, он имел внушительный вид, как и подобает жилищу свободного гражданина Ура...»[1]

[1] *Косидовский З.* Библейские сказания. М., 1975. С. 39–40.

Определенных высот достигла шумерийская культура и в области познания окружающего мира и его законов. Естествознание носило практически-прикладной характер, тесно связанный с основными занятиями (земледелием, животноводством, торговлей, металлургией, другими ремеслами и т. д.). История и филология были развиты слабо. Фиксировались лишь древнейшие сказания, передававшиеся ранее из уст в уста через поколения и претерпевавшие изменения различной степени, а также исторические события, способные послужить цели прославления того или иного правителя[1].

Наиболее развитыми оказались математика, медицина и астрономия. Именно развитие математики, видимо, привело к столь высокому уровню архитектуры и градостроения, а также торговли и землеустроения в древнем Шумере[2].

Известно древнее шумерийское руководство по изготовлению лекарств из минеральных, растительных и других веществ, составленное в III тысячелетии до Р. Х. Зафиксировано существование в первой половине II тысячелетия до Р. Х. различных специализаций в медицине: хирургия, лечение глазных болезней и т. д. Некоторые тексты содержат описания признаков различных болезней желудка и кишечника, органов дыхания, ревматизма, лихорадки, «удара», приводящего к параличу, теплового «удара», печени, желчного пузыря и сердца.

Наиболее часто используемыми веществами в медицине являлись вода и масло, а также вино (в качестве антисептика)[3].

Благодаря развитию астрономии были хорошо развиты и календарные системы, связанные с земледелием и служившие его потребностям. Именно шумерийские астрономические календари предполагают разделение видимого космического пространства на 12 частей и соответственно на 12 созвездий, соотносящихся с 12 великими частями года. Существовало деление года и на 360 малых частей, соответствующих суткам. Разницу между календарным и астрономическим годом периодически восполняли установлением по распоряжению

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 107.
[2] Там же. С. 104.
[3] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С.105–106.

государственной власти вставочного месяца. Данные археологии об астрономических познаниях шумерийцев указывают на то, что они были «значительно развиты»[1].

Однако практическая сторона научных достижений культуры Шумера была тесно связана не только с основными занятиями, но и с религиозными представлениями. Древнейшие обсерватории устраивались обычно на верхних площадках храмовых башен (зиккуратов), там, где располагались алтари. Именно «халдейские жрецы в Вавилонии составляли весьма влиятельную корпорацию ученых, которые, между прочим, занимались предсказыванием будущего по звездам (астрология)»[2].

Занятия астрологией сочетались и основывались на вере в небесные тела (светила) как в божества. Профессор Н. И. Кареев писал: «Религия древних обитателей Халдеи сводилась к вере в духов, соединенной с искусством их заклинания, т. е. к демонологии и магии. Семиты принесли с собою собственные верования уже политеистического характера, но усвоили и верования туземцев. Главными их божествами были Бел, бог солнца, и Иштар, богиня земного плодородия. Кроме того, они поклонялись пяти планетам, носившим имена богов»[3].

Таким образом, Фарра и члены его семьи были погружены в атмосферу язычества. Профессор А. П. Лопухин писал: «К несчастью, вся эта богатая цивилизация насквозь пропитана была самым грубым идолопоклонством с неразлучным с ним нечестием. Вместо жертвенников истинному Богу повсюду возвышались храмы и капища идолам, служение которым часто принимало грубо чувственный и постыдный характер. Главными божествами считались солнце и луна, за которыми следовали другие второстепенные божества, как меньшие планеты и звезды. Им строились храмы, посвящались города, делались с них изображения, получавшие значение домашних богов (терафимы), которым вверялось охранение благососто-

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 105.
[2] *Кареев Н.И.* Учебная книга древней истории. М., 1997. С. 34.
[3] Там же.

яния отдельных семейств. В эту-то страну идолопоклонства переселился один из послепотопных патриархов, именно сын Нахора — Фарра»[1].

В какой же степени эта атмосфера оказывала влияние на мировоззрение семейства Фарры? В исторической литературе существуют два мнения. Одно склоняется к тому, чтобы, полагаясь на имеющуюся массу археологических источников, указывающих на языческий характер общепринятых представлений и образа жизни народа, а значит, и каждого его представителя, признать, что семейство Фарры просто не могло не быть заражено идолопоклонством. Например, З. Косидовский, пытаясь воссоздать сюжеты быта в доме родителя Авраама, писал: «Ежедневно утром и вечером он [Фарра] клал поклоны домашнему божеству, а в праздники отправлялся к подножию пирамиды, где страстно молился богу луны, в то время как жрецы в великолепных одеждах шествовали вверх и вниз по лестнице под серебристые звуки труб и пение хора»[2].

Другое мнение основывается на предположении, что «знание истинного Бога сохранялось в роде Сима по прямой линии до Авраама»[3]. Протоиерей Стефан Ляшевский писал: «Так или иначе... в Уре, главном городе Шумера, сохранилось истинное Богопознание до дней Фарры, отца Авраама, хотя идолопоклонство к тому времени стало проникать в род Фарры, который, по-видимому, на некоторое время склонился к идолопоклонству, о чем упоминает Иисус Навин в своей книге.

Первоначальная Ветхозаветная Церковь существовала по прямой линии наследия Сима до дней Авраама в Шумере и до дней Мелхиседека в Палестине. Этот род иереев Бога Вышнего по чину Мелхиседека (когда старейшина рода или царь были в то же время и первосвященниками) — свидетель того, что хотя основная масса человечества Древнего Востока была уже языческой — островки истинного Богопознания и служения Богу Вышнему продолжали существовать в роде

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 35.
[2] *Косидовский З.* Указ. соч. С. 40.
[3] *Ляшевский С., протоиерей.* Библия и наука о сотворении мира. М., 2001. С. 158.

Сима. Ведь Мелхиседек[1] был не один — народ, царем которого он был, также почитал Единого Бога. Но, без сомнения, эти „островки“ — княжества (как Салим, например), отдельные общины, роды и семьи, разбросанные повсюду, — были уже в значительном меньшинстве и рисковали утонуть в общем языческом развращении»[2].

Профессор А. П. Лопухин выразил полную уверенность в единобожных религиозных воззрениях Фарры: «Отдаленным предком его [Фарры] был Евер, который происходил по прямой линии от Сима, сына Ноева. Происходя от такого славного рода и будучи прямым его представителем, Фарра крепко держался отеческих преданий: хранил не только истинную веру в Бога и связанное с нею обетование, но и все законы Ноевы»[3].

Книга Бытия прямо ничего не говорит о том, какие религиозные воззрения имели Фарра и члены его семьи. Указано только, что первое же, повеленное Богом, Авраам исполнил без рассуждения и далее исполнял беспрекословно до потрясающего воображение самопожертвования. Если бы Авраам не имел никакого представления о Едином Боге, если бы в его семье никогда о Нем не говорили и не умели бы обращаться к Нему, если бы не хранили родовых преданий о Нем, то разве была бы тогда возможна такая вера, какую мы наблюдаем на примере Авраама? Из ничего не рождается что-то. История не знает примеров обращения к Истинному Богу без непосредственного или опосредованного влияния носителей истинных представлений о Нем. Святость рождается только от источника святости, как и огонь возжигается только от источника огня. Существует вместе с тем множество примеров того, как духовные томления и искания Истины приводят человека в Церковь, т. е. к людям, верующим в Единого Творца. В Церкви он обретает Бога и представление о Нем. Такой Церковью для Авраама в описанных условиях язычества и идолопоклонства могла быть только его семья и его благочестивые предки, передавшие ему

[1] О Мелхиседеке — царе города Салима (Иерусалима) и священнике Бога Вышнего будет сказано далее.
[2] *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 158–159.
[3] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 35.

не только знания о Едином Боге, но и основы образа жизни, согласные Его установлениям.

Несмотря на социальные и материальные блага, нажитые в Уре, «взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ним из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую, но, дошедши до Харрана, они остановились (поселились) там» (Быт. 11, 31).

Что побудило Фарру так поступить?

По мнению З. Косидовского, Фарра хотел сохранить свое положение знатного, богатого и свободного гражданина, занимающегося оседлой торговлей и скотоводством, в условиях насильственного насаждения вавилонским царем культа бога Мардука, поставляемого им выше всех других богов Месопотамии. При этом З. Косидовский выразил уверенность в том, что Фарра был безусловным поклонником бога Сина (Луны)[1]. Но стоит заметить, что культ Мардука действительно насаждался царем Хаммурапи (что и утверждает З. Косидовский), который, однако, согласно устоявшемуся в отечественной истории мнению правил в 1792–1750 гг. до Р. Х., т. е. спустя 300–200 лет после Фарры и Авраама.

Профессор А. П. Лопухин высказал другое мнение: «Положение этого семейства в идолопоклоннической стране, несомненно, было тяжелое. Кругом царило самое омерзительное идолослужение... Все это так тяготило благочестивое семейство Фарры, что он, не видя возможности долее оставаться в идолопоклоннической и нечестивой стране, жители которой, быть может, к тому же враждебно относились к нему за его истинную веру и непоклонение идолам, намеревался совсем оставить ее и переселиться в землю Ханаанскую. Но различные связи со страною все-таки удержали его от этого, и он переселился лишь в другой халдейский город Харран, где и остановился»[2].

Протоиерей Стефан Ляшевский несколько мягче говорил о нравах древних урийцев, полагая, что среди населения Ура,

[1] *Косидовский З.* Указ. соч. С. 40–41.
[2] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 35–36.

а также Халдеи и Месопотамии в целом были все же люди, знавшие о Едином Боге и принадлежавшие к благочестивым родам. Кроме прочих доводов в пользу этой идеи он привел гимн-молитву, запечатленный в клинописи на шумерийских глиняных табличках. «Он искажен позднейшими языческими вставками, явно противоречащими общему монотеистическому содержанию гимна,— отмечал исследователь.— Но сам гимн обладает такой могучей духовной силой, что может быть отнесен непосредственно даже к самому Ною. Как мы поем гимны и псалмы Давида трехтысячелетней давности, так и потерявшие богооткровенную религию Ноя шумерийцы могли петь псалмы их далекого предка»[1]. Далее протоиерей Стефан приводит текст, опустив в начале и в конце очевидные позднейшие языческие вставки, находящиеся в противоречии с монотеистическим содержанием и духом самого гимна. Текст приводится со ссылкой на труд отечественного востоковеда профессора В. А. Тураева «История Древнего Востока» (М., 1935. С. 137):

«Господи, Единый великий на небе и на земле, Владыка Ура... Милосердный Отец, в руках Которого жизнь всей земли.

Владыка, Божество Твое, как далекое небо, как широкое море, полно благолепия.

Создавший землю, основавший храм и наименовавший их. Отец всех небожителей и людей: призывающий к царствованию, вручающий скипетр и устанавливающий судьбы на многие годы. Могучий Вождь (Промыслитель), сокровенную глубину Которого не исследовал никто.

Быстрый (Молниеносный), Который от основания неба до земли проходит, сияя, и отверзает врата неба, посылает Свет всем людям, Отец и Виновник бытия всего.

Владыка, решающий судьбы неба и земли, повеления Которого неотменимы, Который посылает холод и жар, управляет живыми существами.

Кто Тебе подобен? Кто велик на небе? Ты, Единый! Когда Ты произносишь слово — обильной становится пища, и Твое

[1] *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 159–160.

слово вызывает к бытию правду и справедливость, и люди начинают говорить истину.

Твое Слово — далекое Небо, недоступное прикосновению взора. Кто может понять это Твое Слово и сравниться с Ним? Владыка! В господстве на небе и на земле Тебе нет равного...»[1]

Далее протоиерей Стефан комментирует текст гимна-молитвы: «Как в этом величественном гимне Единому Богу, Творцу неба и земли, чувствуется богооткровенное знание праотца Ноя!.. Ной был царем Эриду и Ура, и, по чину Мелхиседека, царя и первосвященника, мог произносить эту молитву иерея Божия...

И что за поразительный смысл вкладывает он в понятие Слова Божия, Предвечного Логоса, „Имже вся быша“, как говорим мы. Откуда такое богооткровенное знание, никому, казалось бы, до св. апостолов и отцов Церкви неведомое, и особенно недоступно в те древнейшие времена начала нового человечества? Ведь недаром сказано в этом гимне, что „Слово Твое недоступно прикосновению взора“, значит даже прикоснуться взором или мыслью к этой сокровенной тайне — невозможно, не то, что ясно увидеть или уразуметь.

„Кто подобен Тебе?“ — восклицает великий боговдухновенный псалмопевец древности, — „Кто велик на небе? Ты — Един“. Как же можно совместить это с многобожием, с дикой, очеловеченной вавилонской религией? Ясно, что язычники не создали, а сохранили гимн, испортили его, добавив начало и конец. Создать этот гимн мог только собеседник Божий — Ной, или же Сим, или Иафет».

И далее: «А вот послушаем, что говорит Ут-Напиштим (вавилонское имя Ноя, которое, может быть, означает „спасшийся от потопа“) в шумерийском великом сказании о потопе своему сыну: „Не клевещи, но говори дружественно. Не говори злого, но возвещай благорасположение. Кто клевещет и злословит, тому отмстится. Не расширяй уста, храни уста, не говори тотчас, если раздражен, — придется в молчании раскаяться за необдуманную речь — лучше успокоиться кротостью.

Ежегодно приноси жертву Богу, молись и кади Ему и имей перед Ним чистое сердце — это самое достойное для Божества. Каждое утро ты должен приносить Ему молитву, моление и преклонение, и Он подаст тебе обилие.

Если ты разумен, научись от этой доски (написания): Страх Божий — начало молитвы, жертва (прощает) грехи. Воздай добром тому, кто тебе сделал зло“.

Эти поучения дошли до нас в Шумерийских клинописях. Таким в действительности и был праведный Ной. Божии праведники во дни Сифа и Эноха, Ноя и Авраама, Давида и Иоанна Крестителя выражали одни и те же мысли и чувства, часто даже почти одними словами. Этот отрывок, если неизвестно было бы его происхождение, можно принять за отрывок из поучений отцов Церкви»[1].

Профессор Н. И. Кареев, которого нельзя заподозрить в «клирикальном подходе» и который был специалистом по истории Древнего мира, писал: «У халдеев существовала вера и в Верховное Божество Илу (в еврейской традиции Ил или Эль. — *Свящ. С. К.*), в честь которого, однако, не воздвигалось храмов»[2].

Кроме того, мы все же находим в Книге Бытия прямое указание на то, что Богом Авраама, его брата Нахора и их отца Фарры был один и тот же Бог, Бог Творец, Единый Бог. Когда Иаков, внук Авраама, и Лаван, племянник Авраама, сын Нахора, заключали между собой договор, то Лаван произнес: «Бог Аврамов и Бог Нахоров да судит между нами, Бог отца их» (Быт. 31, 53). Таким образом, Авраам, Нахор и их отец Фарра поклонялись одному Богу. Так как Авраам поклонялся Единому Богу Творцу, то, следовательно, Ему же поклонялись Нахор и Фарра.

Таким образом, на наш взгляд, предположение о том, что Фарра и члены его семьи, а значит, и Авраам, знали о Едином

[1] *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 160–161.

[1] *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 161–162.

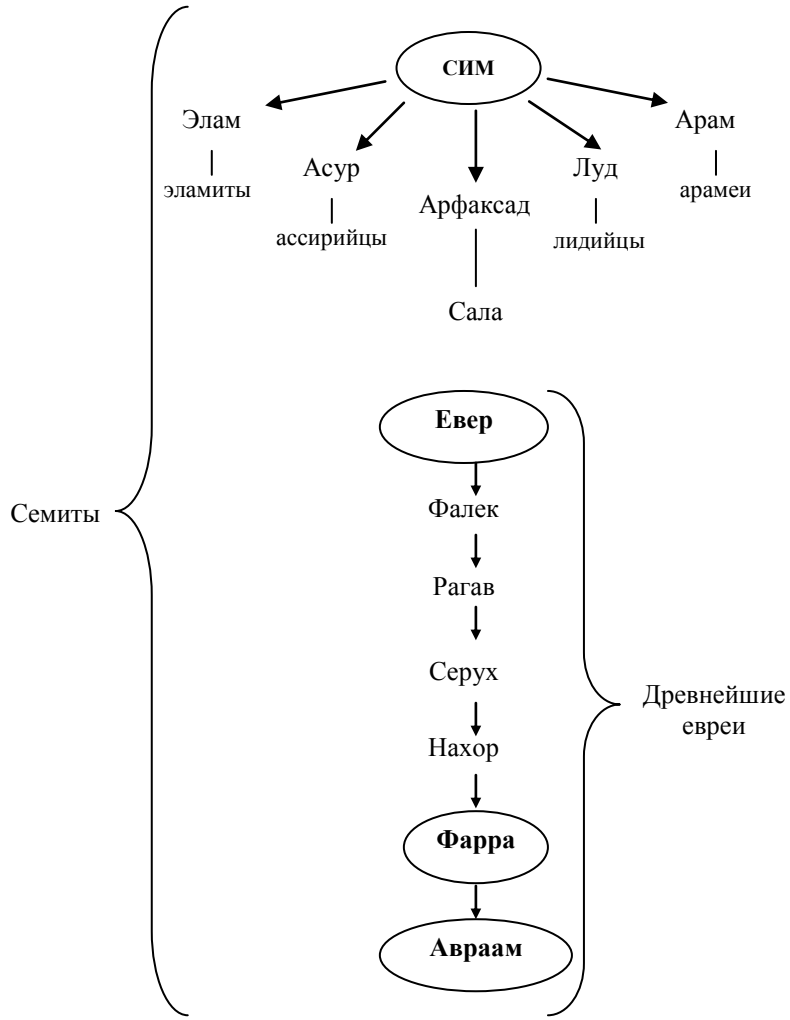
[2] *Кареев Н. И.* Указ. соч. С. 34.

Боге Творце и являлись носителями истинного Богопознания и Богопочитания, имеет под собой веские основания.

Однако пребывание в среде язычников не могло не сказываться на обычаях и, может быть, даже мировоззрении Фарры и его потомства. Во-первых, будущая история народа израильского, народа-монотеиста, пестрит яркими примерами того, как этот народ и его цари периодически впадали в идолопоклонство, заимствуя его традиции у соседних народов, вступая с ними в тесное взаимодействие (женитьба, торговля и т. д.). Во-вторых, одно из мест Священного Писания прямо указывает на то, что влияние язычества не избежали предки будущего Израиля и сам Фарра: «И собрал Иисус (Навин) все колена израилевы в Сихем... И сказал Иисус всему народу: так говорит Господь, Бог Израилев: „за рекою жили отцы ваши издревле, Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам“» (Нав. 24, 1–2). Профессор А. П. Лопухин также обращает на это внимание: «Между тем окружающая среда не осталась без влияния и на это благочестивое семейство: сам Фарра к концу жизни, по-видимому, поддался идолопоклонству и, таким образом, опасность угрожала вере даже в этом благочестивом семействе»[1].

Учитывая ситуацию, раскрывшуюся перед нами благодаря археологическим изысканиям, мы можем более ясно понять предпосылки путей Божиего промысла об Аврааме и его потомстве. В среде язычников, просвещенных знаниями мира сего, обладавших высокоразвитой технической и государственной мыслью, способной создавать достаточно комфортные условия жизни и заставлять служить их достижению, явственно наметилась опасность для тех островков истинного богопознания, которые тогда еще существовали. Пришло время создать такие условия, при которых единобожие имело бы возможность, не искажаясь, сохраняться среди хотя бы одного народа. Этот народ пока не существовал. Для его начала должен был быть избран патриарх, как некогда на подобную роль был избран Ной. Выбор Божий пал на Авраама, тогда еще носившего имя Аврам.

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 36.



Авраам уже в Книге Бытия назван *евреем*, видимо, в силу того, что происходил по прямой линии от Евера, имя потомков которого для шумерийцев, также семитов, но не происходивших от Евера, в свое время стало нарицательным и означало «пришелец»[1].

Город Харран, располагавшийся в северной Месопотамии (будущая Сирия), в котором жил Авраам после переселения туда

[1] См.: *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 164.

его отца Фарры, был к тому времени уже богатым и известным языческим городом. Совпадение религиозных культов (почитание луны как бога) Харрана и Ура указывает на возможную связь древних халдеев с выходцами из этой страны, так как установлено, что аккадцы пришли в Халдею с северо-запада.

В Харране семейство Фарры осело и укоренилось. Позже, во время своих странствований, Авраам называл страну, где располагался этот город, своей родиной (Быт. 24, 4–7). Хотя не исключено, что во времена прежней кочевой жизни Фарры Авраам родился именно в северном Междуречье.

Названия некоторых городов земли арамейской, располагавшихся между верховьями Тигра и Евфрата, носили имена ближайших родственников Авраама. Из текстов XVIII в. до Р. Х., найденных в Мари (Верхний Евфрат) и Ассирии, известен город Нахор, а имя Фарры запечатлелось в названии города Телль-Тураки и др.[1] Те же таблички содержат тексты, где в местах, говорящих о военачальниках и областеначальниках великого царя Мари, указаны библейские имена, например, Фалек, Серух, Нахор, Фарра[2]. Известный археолог В. Келлер писал: «Вот так царские клинописные таблички города Мари впервые дали нам поразительные доказательства того, что история библейских патриархов не есть лишь благочестивое предание: они не легенды и мифы, как утверждают скептики, но события исторического периода, точные хронологические границы которого не представляется возможным установить»[3].

Однажды, спустя некоторое время после смерти Фарры, «сказал Господь Авраму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословении. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12, 1–3).

В этом призыве и в этом благословении проявился замысел Божий о создании народа—хранителя истинного богопочитания через Авраама, знавшего о Боге Творце от своих предков и в горниле искушений язычеством устоявшего в истинной вере праотца Ноя.

«И пошел Аврам, как сказал ему Господь; и с ним пошел Лот. Аврам был семидесяти пяти лет, когда вышел из Харрана. И взял Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтоб идти в землю Ханаанскую» (Быт. 12, 4–5). Так лаконично, только о главном, повествует Библия. Но сколько же искушений могло стоять за этим кратким повествованием. Легко ли было вдруг, в уже преклонные лета, оставив обжитое, удобное, цивилизованное и защищенное государственными законами место, двинуться в дикие земли, раздираемые распрями проживавших на них хамитских племен хананеев?

Авраам, однако, без прекословия стал исполнять то, что повелевал Бог, и при этом радоваться каждому Божиему откровению, возможности беседы с Творцом, открывавшимся ему по его молитвам. Таким образом, промыслительная воля Божия и устремление человеческой воли Авраама слились воедино.

Кроме того, необходимо учесть, что само по себе обещание произвести от Авраама великий народ очень много значило для будущего патриарха, ибо жена его была бесплодной, и он до сих пор не имел потомства.

«И пришли в землю Ханаанскую. И прошел Авраам по земле сей до места Сихема, до дубравы Море. В этой земле тогда жили Хананеи» (Быт. 12, 5–6). Хананеи—потомки Ханаана, сына Хамова, населявшие долину реки Иордан и ее окрестности. Дж. Э. Райт писал: «Единственным источником информации о хананеях (кроме Библии.—*Свящ. С. К.*), которые, как считается, жили в ту пору в этих землях, являются материальные памятники, найденные на местах их поселений. В период до 2000 г. до Р. Х. в Палестине существовало всего несколько городов. Однако уже в XIX столетии до Р. Х. ... количество городов существенно увеличилось, а уровень их материальной культуры повысился... Берлинские тексты (XX столетие до Р. Х.) говорят о том, что Палестину в этот период

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 55.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 47.
[3] Там же.

населяли кочевые или полукочевые племена, единственными же палестинскими городами были Иерусалим и Аскалон. Брюссельские тексты (конец XIX столетия до Р. Х.) свидетельствуют о росте влияния городов. Здесь уже упоминаются многие города и их правители»[1].

З. Косидовский следующим образом попытался описать землю Ханаанскую: «Ханаан в те времена был еще полудикой, малонаселенной страной. В долинах, где земля была урожайной, встречались кое-где поселения, вернее, крепости, в которых жили местные правители и их вооруженные дружины. Остальное население жило вне крепостных стен, в шалашах и шатрах, занималось возделыванием полей и виноградников. Люди скрывались в крепости только в минуты опасности, когда на них совершали набеги воинственные племена, рыскавшие по земле Ханаанской в поисках добычи.

Авраам обходил стороной долины и крупные поселения, выбирая пустынные возвышенности, где он мог свободно пасти свои стада. Никто не чинил ему никаких препятствий. Местные жители привыкли к караванам номадов, кочующих по стране в поисках пастбищ. Убедившись, что эти кочевники не питают враждебных намерений, они охотно вели с ними торговлю. К тому же разведчики донесли, что Авраама сопровождает вооруженный отряд в триста человек (Быт. 14, 14), и они предпочитали его не трогать»[2].

З. Косидовский, фактически верно излагая путь следования и характер поведения Авраама, все же представляет картину событий так, будто бы Авраам пустился в путешествие, потому что поверил странствующим купцам, якобы убедившим его в том, что Ханаан — земля богатая и свободная, способная без проблем еще более обогатить семейство Авраама, ни в чем, собственно, не нуждавшегося и в Харране. Однако, придя в эту землю, он увидел, что плодородные долины заняты и, проявляя мирный дух и осторожность, оставался на выгоравших от солнечных лучей возвышенностях. Пройдя города Сихем и Вефиль, возле которых он совершал остановки, Авраам пришел на юг

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 68–70.
[2] *Косидовский З.* Указ. соч. С. 44–45.

Ханаана в землю Негев, где его и застигла засуха, которая привела его якобы к разочарованию в предприятии и отчаянию.

Однако трудно поверить в то, что Авраам не знал от тех же странствующих купцов об обстановке в Ханаане, тем более что через Ханаан проходил постоянный путь из Месопотамии в Египет. Ханаан был хорошо известен людям того времени. Были известны и нравы жителей этой страны. Халдея, имевшая древние государственные традиции, тесные культурно-исторические связи народов, которые руководствовались едиными и твердо соблюдаемыми законами, более подходила для развития торговли, ремесел и скотоводства, нежели Ханаан с множеством разрозненных племен и отдельных городов-государств, воевавших друг с другом. Обычаи хананеев претили духу не только почитателей Истинного Бога, но и вообще любого жителя Халдеи или Месопотамии того времени. Стоит их только сравнить с законами вавилонских царей, предполагавшими строгое наказание за убийство, кражу, кровосмешение, прелюбодеяние, самосуд и месть, предусматривавшими ответственность всего города или поселка за содеянное одним из жителей, что заставляло всю общину строго следить за поведением каждого члена и за тем, кто в нее принимается. Женщина могла иметь только одного мужа, а мужчина только одну жену. Развод допускался исключительно по суду, но никак не только по воле кого-то из супругов. Авраам и на чужбине строго держался этих законов.

Хананеи жили не так. Набеги, грабежи, захват рабов, многоженство, отсутствие кодифицированного законодательства. Поэтому не удивительно, что Авраам сторонился тесного общения с представителями местных народов, проводя своих людей мимо населенных долин.

У Авраама была определенная духовно-нравственная миссия — произвести народ, способный сохранять истинное богопочитание и приготовить путь для пришествия Мессии — Спасителя мира от власти греха и диавола, от власти смерти. Поэтому можно быть вполне уверенным в том, что Авраам знал, каким трудностям он подвергал себя и свою семью, идя в Ханаан. Но он всем сердцем поверил Богу, Который обещал произвести от него великое потомство и отдать во владение

этому потомству землю Ханаанскую, получившую с тех пор наименование обетованной земли (от «обет» — обещание), т. е. земли, обещанной Богом в дар потомству Авраама.

Бог постоянно поддерживал Своего слугу в этой вере, неоднократно повторяя ему обетование. В тех местах, когда и где это происходило, Авраам воздвигал жертвенники Единому Богу. Так, например, он поступил, будучи подле Сихема и Вефиля.

Н. Василиадис обратил внимание на то, что «археологи раскопали города, связанные с путешествием Авраама (Сихем, Гай, Вефиль), и находки подтвердили, что эти города существовали в эпоху Авраама»[1]. Профессор археологии Дж. П. Фри высказал следующую мысль: «То, что явствует из археологических исследований, а именно то, что города, связанные со странствиями Авраама, существовали в его время, представляет нам исчерпывающее доказательство точности сказаний Священного Писания об Аврааме. Тем более что и само имя — Авраам — было обнаружено на глиняных табличках, найденных при раскопках»[2].

«Почему же Господь повелел Аврааму оставить его прекрасную родину и идти в ужасную землю хананеев? На это было много причин, но главная та, что Аврааму следовало по повелению Божию идти на могилу Адама, несмотря ни на что, — считал протоиерей Стефан Ляшевский. — Другие причины таковы:

1. В Шумере язычество стало воинствующим и грозило всем, кто не желал служить их богам. Через несколько поколений, когда Шумер и Аккад были объединены под властью Вавилона, появилась дикая религия Ваала, с человеческими жертвоприношениями и принуждением к служению Ваалу всех без исключения. Вспомним трех отроков, не приклонивших свои колена перед Ваалом и брошенных за это в печь вавилонскую.

2. В Палестине уцелело небольшое Божие княжество царя Мелхиседека, ставшего другом Авраама. Предки Мелхиседека

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 66–67.
[2] Там же. С. 67–68.

были семитическими поместными князьями урийских царей в земле Ханаанской, а позже стали независимыми царями.

3. Авраам, Исаак и Иаков жили изолированно среди хананеев, только сыновья Иакова женились на жительницах Палестины и, развратившись среди них, были отданы в рабство Египетское. Когда же израильтяне возвращались назад из Египта, и Иисус Навин завоевал земли Ханаанские, тогда часть жителей погибла на войне, часть была изгнана, а часть (потомки подданных Мелхиседека — иевусеи, жившие в Иерусалиме) осталась на месте. Не надо забывать, что в Палестине все время сохранялись могилы Авраама, Исаака и Иакова, а также жили потомки Измаила и Кеава.

4. Во времена Авраама Палестина не была единым государством... а была страной мелких княжеств, в которой не обращали внимания на принадлежность к той или иной религии. Вавилон уже на общедоступном уровне требовал послушного исполнения языческих обрядов и идолослужения. Авраам в земле Ханаанской остался тем же урийцем, каким был в доме отца своего. Уклад жизни, мораль — все было перенесено Авраамом оттуда, с благословенной родины отца. „И сказал ему (Аврааму): Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского“ (Быт. 15, 7). Такой же урийкой была и Сарра, такими же были их сын Исаак, и Ревека, за которой послал Авраам, чтобы взять ее из рода отцов своих. И заклял Авраам сына своего, чтобы не брал жену из дочерей хананейских. Этот завет повторял, в свою очередь, Исаак сыну своему Иакову, и тот тоже исполнил его»[1].

Засуха вынудила Авраама из земли Негев (юг Ханаана) пойти в Египет — житницу Древнего мира. «Египтяне привыкли к подобного рода гостям. Скотоводческие племена, застигнутые засухой, нередко искали у них пристанища. Им обычно предоставляли просторные, малоосвоенные пастбища в устье Нила. Совершавшие набеги разбойничьи племена натыкались на границе на крепостной вал, именуемый Княжеской стеной, на сторожевые башни и бдительную охрану; но мирным ско-

[1] *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 164–165.

товодам египтяне обычно не отказывали в гостеприимстве. Конечно, чиновники фараона требовали за это определенной мзды; кроме того, иногда они забирали у кочевников красивых девушек и посылали их в гаремы вельмож или даже самого фараона. Аврам знал об этом»[1]. «Он уже и раньше немало наслышался о Египте и даже отчасти знаком был с характером правления и нравами страны. Поэтому, вступая в нее, он нашел нужным принять некоторые предосторожности»[2].

«Приближаясь к египетской границе, он подозвал свою жену Сару и сказал: „Я знаю, что ты женщина прекрасная собою; когда египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его, и убьют меня, а тебя оставят в живых. Поэтому скажи, что ты мне сестра, чтобы мне было хорошо благодаря тебе и чтобы я из-за тебя не лишился жизни!“ (Быт. 12, 11–13). Сара была покорной женой. Чтобы спасти мужа, она пошла на хитрость и выдала себя за его сестру. Кстати, это было не совсем ложью, так как она действительно была... сестрой Авраама (Авраам и Сара имели одного отца и разных матерей (Быт. 20, 12).— *Свящ. С. К.*). Вельможи рассказали фараону о красоте Сары, и он взял ее в свой гарем. Она так полюбилась ему, что он засыпал ее мнимого брата щедрыми дарами. У Авраама вскоре появился „мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки, и верблюды (Быт. 12, 14–16)“»[3].

Но «Господь поразил фараона тяжкими ударами за Сару жену Аврамову». Фараон заболел так тяжко и явно за совершаемый им грех, что был вынужден возвратить Сару мужу и велел им оставить страну, забрав с собою все, что было дано Аврааму.

Вот какие рассуждения по поводу данного библейского повествования приводит Н. Василиадис: «В Писании говорится, что Авраам пошел в Египет, так как жители земли Ханаанской страдали от голода. Однако античный историк Диодор пишет, что Египет позволял чужеземцам входить в свои пределы,

[1] *Косидовский З.* Указ. соч. С. 45.
[2] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 38.
[3] *Косидовский З.* Указ. соч. С. 45–46.

лишь начиная с 700 г. до Р. Х. Неверующие ухватились за это сообщение Диодора и стали утверждать, что данное место Священного Писания не соответствует исторической правде. Но у них никогда не было на сей счет убедительных доказательств. Археологи утверждают обратное: во времена патриархов Палестина, Сирия и Египет находились в тесном общении. Неопровержимое тому доказательство — множество находок, сделанных в захоронениях Палестины, датируемых 2000–1800 гг. до Р. Х. Это период правления великой 12-й династии Египта, которая, по-видимому, обладала определенным влиянием в районе Сирии и Палестины. Ряд ценнейших фресок, обнаруженных в Бени Хасане (440 км к югу от Каира) в гробнице египетского царевича Хнемхотепа, включает и изображение чужеземцев — представителей одного из семитских племен, посетивших Египет около 1900 г. до Р. Х., по-видимому, по торговым делам. Тридцать семь человек ведет мужчина, названный на фреске чисто семитским именем Авесса. Иероглифическая надпись, сделанная рукой неизвестного египтянина, гласит: „Обитатели Амму“, то есть семиты. Одежда и другие вещи этих людей дают нам представление о том, как выглядели члены семьи патриарха, которая пришла в Египет примерно в это же время, и что у них было с собой (см.: *Thompson J. A.* Op. cit. P. 21; *Keller W. H.* Βίβλος... Σ. 102–103). Эта фреска показывает, что чужеземцы (а именно азиатские семиты) могли без труда попасть в Египет. Кроме того... археологические и исторические свидетельства о нашествии народа гиксосов на Египет являются еще одним подтверждением того, что в его пределы могли прийти чужеземцы. Следовательно, историк Диодор ошибался. Священное Писание и в этом случае оказалось безупречно точным»[1].

Кроме того, «в Египте в последние годы найдены древнейшие семитские надписи, выполненные алфавитным письмом. Это граффити, высеченные на скалах в пустыне к западу от Нила (Вади эль-Хол), у древней дороги, пролегавшей между Фивами и Абидосом. Предварительно их датируют

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 68–69.

1900–1800 гг. до Р. Х. Их оставили, вероятнее всего, выходцы из Сиро-Палестинского региона, перебравшиеся в Египет в эпоху Среднего царства... О проживавших в Египте задолго до гиксосского нашествия... сиро-палестинцах говорят и другие источники. Один из папирусов Среднего царства упоминает некоего Беби, „командира азиатов“ — военачальника, командовавшего контингентом наемников из Ханаана»[1].

«Раскопки прояснили и многие другие моменты путешествия Авраама в Египет и его временного пребывания там... Профессор археологии Дж. П. Фри пишет, что был обнаружен египетский папирусный текст, где говорилось, что фараон, когда к нему привели какую-то красивую женщину, приказал убить ее мужа. Как замечает Фри, это указывает на то, что у Авраама были основания бояться за свою жизнь из-за Сарры (см.: *Free J. P.* Archaeology and Bible History. Wheaton; Illinois, 1954. P. 55)»[2].

Далее Священное Писание повествует о том, что, обогатившись в Египте, Авраам вернулся в Землю Обетованную и, дойдя до Вефиля, вновь остановился под ним, где принес жертву Богу на том самом жертвеннике, который был сооружен им во время первого посещения этого места. Здесь Авраам был вынужден расстаться со своим племянником Лотом по причине того, что стада обоих стали так велики, что не могли уместиться на одной территории и их пастухи стали ссориться между собой из-за пастбищ и водопоя для скота. Авраам предложил Лоту выбрать ту часть земли Ханаанской, какую тот пожелает, и Лот выбрал «всю окрестность Иорданскую», которая была «как сад Господень, как земля Египетская» (Быт. 13, 9–11). То есть Лот избрал долину реки Иордан и местность вокруг Мертвого моря. Поселился же он со своей семьей в шатрах близ города Содом.

«Те, кто отрицают достоверность Священного Писания, отстаивают точку зрения, что Лот не мог выбрать место, которое, как они утверждают, тогда было необитаемым, — заметил

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 83–84.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 69.

Н. Василиадис. — Они спрашивают: почему он не выбрал привлекательную приморскую равнину, или другой район с холмами, покрытыми лесом, или центральную гористую часть Палестины? Священное Писание, говорят они, в данном случае неточно.

Но критикующие Библию совершенно не правы, так как археологические раскопки в Кирбет Керак, в Бефсане (позднее переименованном в Скифополь), в Иерихоне, в Телейлат-эль-Гассуле, в Баб-эд-Дра и в других местах доказали, что в III–II тысячелетиях до Р. Х. в Иорданской долине и в области Мертвого моря, то есть в „окрестности Иорданской“, как называет эту местность Священное Писание, жило много людей.

Кроме того, профессор Нельсон Глюк, один из ведущих археологов, занимающихся библейскими вопросами, доказал своими исследованиями, проведенными в 1930–1940 гг., что эта местность была густонаселенной: он лично обнаружил более 70 древних поселений, многие из которых были основаны еще пять тысяч лет назад (*Glueck N.* The River Jordan. Philadelphia: Westminster Press, 1946. P. 73). Имея в виду свои находки, Глюк сказал следующие характерные слова: „Больше не надо продолжать „глупую болтовню“ о якобы „пустой, незаселенной иорданской равнине!“»[1].

Далее вновь воспользуемся сведениями монографии Н. Василиадиса, поскольку это удобно для раскрытия заданной темы, и приведем обширную цитату из его труда. «После того, как Лот поселился в долине Иордана и поставил шатры в Содоме, произошла, как сообщает Ветхий Завет, война — первая война, описанная боговидцем Моисеем. Четыре царя из Месопотамии (и Халдеи. — *Свящ. С. К.*) объединились, вторглись в долины Иордана и сразились с пятью царями, которые жили рядом с Мертвым морем. В числе этих пяти правителей были цари Содома и Гоморры. Эти пять правителей области Мертвого моря в течение двенадцати лет были данниками царя по имени Ходоллогомор (царя Элама. — *Свящ. С. К.*), но на тринадцатый — восстали. И вот

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 72.

Ходоллогомор попросил помощи у трех других царей и пошел наказать восставших. Четыре правителя Месопотамии одержали победу и, после того как разграбили вражеские города, предали их огню. Возвращаясь в свои земли, они захватили с собой богатую добычу и взяли в качестве пленника Лота. Но Авраам с 318 рабами, которые родились в его доме, пустился в погоню за четырьмя царями, победил их у города Дан (на севере Палестины, неподалеку от истока Иордана) и освободил своего племянника Лота. Все эти события описываются в 14-й главе богодухновенной Книги Бытия.

Однако критики священного текста Ветхого Завета считают, что все, что описано в этой главе, антиисторично. Они говорят: имена четырех царей-завоевателей вымышленные. Во времена Авраама не могло быть таких дальних походов, как тот, который, предположительно, совершили четверо союзников, чтобы выполнить свою военную операцию. Не существовало и такого удобного пути на восток Палестины, как тот, который упоминается в книге Бытия.

Но археологические исследования и в этом вопросе опровергают тех, кто отрицает историческую достоверность Ветхого Завета. Благодаря своим открытиям археология предоставляет нам пять веских и неопровержимых доказательств, которые, вне всякого сомнения, подтверждают историческую точность и правдивость Библии и в данном случае.

1. Археолог Глюк во время своих раскопок (о которых говорилось выше) нашел свидетельства значительного сокращения численности населения в этой местности между XIX и XIII вв. до Р. Х. Профессор Глюк связывает это с разрушительной войной, о которой говорится в 14 главе Книги Бытия (см.: *Kitchen K. A.* Ancient Orient and Old Testment. The Tyndale Press, L., 1966. P. 43).

2. Надписи, найденные позднее, показали, что имена четырех правителей Месопотамии можно в некоторых случаях отождествить с именами людей, которых мы уже знаем по данным раскопок, по крайней мере, они соответствуют именам вавилонян 2000–1700 гг. до Р. Х. и более позднего времени... Имя царя Элама Ходоллогомора — типичное для эламитов (на-

селение Элама) старовавилонского периода (2000–1700 гг. до Р. Х.) и позднее. Но, хотя мы еще не можем идентифицировать этих четырех правителей, известно наверняка, что их владениями были Сирия, Верхняя Месопотамия и Элам (см.: *Kitchen K. A.* Op. cit. P. 43–44; *Charlier C.* The Christian Approach to the Bible. P. 76).

3. Профессор археологии Китчен пишет, что военные союзы между правителями (в данном случае четыре царя против пяти) были характерны для Месопотамии в 2000–1750 гг. до Р. Х., но не раньше и не позже этого периода, когда преобладали другие политические отношения. Так, в одном важном письме XVIII в. до Р. Х., найденном в городе Мари, говорится о союзах, объединяющих десять, пятнадцать и двадцать правителей. Нам известны, по крайней мере, пять других коалиций в Месопотамии в XVIII в. до Р. Х. Мы также можем отметить роль страны Элам в XVIII в. до Р. Х. и ранее (Элам обменивался миссиями и посольствами с Катной в Сирии) (см.: *Kitchen K. A.* Op. cit. P. 45–46).

4. Доказательства путешествия, совершенного во времена Авраама, были найдены на глиняной табличке из Вавилона и на табличках из города Мари. Вавилонская табличка содержит договор об аренде телеги с условием, что она не будет отправлена к берегам Средиземного моря. Таким образом, во времена Авраама путешествия из Месопотамии к Средиземному морю были настолько обычными, что при аренде повозки был риск сломать ее во время поездки на несколько сотен миль к берегам Средиземного моря, где проходили границы Сирии и Палестины. Это доказывает, что такие далекие путешествия не были невероятными во времена Авраама (*Free J. F.* Op. cit. P. 57–58).

5. Четыре правителя организовали военный поход со стратегической целью установить контроль над великой „царской дорогой, которая начиналась в Сирии“, пересекала Месопотамию „и кончалась у Персидского залива“. К тому же „память о карательных походах жива и поныне среди жителей этого района. Кочевники Иордана называют эту дорогу „дорогой царя“. В Библии мы тоже встречаем ее под названием „цар-

ская дорога“ или просто „дорога“; по ней шли израильтяне, направляясь в „землю обетованную“ через Эдом (Чис. 20, 17,19). Позже „царскую дорогу“ использовали римляне и чинили ее“ (*Charlier C.* Op. cit. P. 76; *Keller W. H.* Βίβλος... Σ. 107–108).

Приведем мнение американского археолога У. Ф. Облрайта, который пишет о 14-й главе книги Бытия: „Сегодня мы не можем считать 14-ю главу мифом или неисторичной. События, описанные в ней, несомненно, ведут нас к эпохе 2100–1550 гг. до Р. Х. Например, слово *домочадец* (Быт. 14, 14), которое упоминается лишь в этом месте Ветхого Завета, было тогда в обычном употреблении, что достоверно установлено археологическими находками. Также древность многих городов, которые упоминаются в данном повествовании, подтверждается раскопками“ (*Albright W. F.* The Archaeology of Palestine. Rev. ed. Harmonsworth, 1960. P. 237)»[1].

На обратном пути победителя Авраама ожидала весьма важная для него встреча. С хлебом и вином к нему вышел царь Салимский (Иерусалимский) Мелхиседек. Библия утверждает, что он был не только царем, но и первосвященником Салима, население которого поклонялось Богу Вышнему (Единому Богу Творцу).

Мелхиседек благословил Авраама и сказал: «Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли. И Благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои!» (Быт. 14, 18–20).

Мы можем себе только представить, насколько должен был быть потрясен и обрадован Авраам тем, что в земле Хананейской, среди примитивного язычества и диких нравов мог существовать целый город, царем которого был священник Единого Бога, Того, Которому поклонялся сам Авраам.

Авраам с благодарностью принял дары Мелхиседека (хлеб и вино), с одной стороны, символизировавшие достаток и довольство в жизни семьи, рода, а с другой стороны, послужившие прообразом Тайной вечери, когда Христос, благословив хлеб и вино, сказал: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое...

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 73–76.

пейте от нея вси, ибо сия есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28).

В качестве жертвы Богу Вышнему Авраам передал Мелхиседеку десятую часть всей военной добычи (Быт. 14, 20).

Встречал Авраама и царь Содома и просил вернуть ему людей, а все материальное имущество, ранее принадлежавшее содомлянам и другим царям ханаанским, оставить у себя. Однако Авраам отдал царю Содомскому все, кроме доли своих военных союзников-кочевников, и пояснил: «Поднимаю руку мою к Господу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Авраама» (Быт. 14, 22–24).

Вскоре после этих событий Авраам в видении услышал голос Божий, говорящий: «Не бойся, Аврам, Я твой щит. Награда твоя весьма велика». Авраам спросил, каково будет это вознаграждение, и Бог вновь обещал ему великое потомство и обладание той землей, на которой стоит Авраам, т. е. землей Ханаанской (будущей Палестиной). Авраам поверил Богу, и Тот вменил ему это в праведность (Быт. 15, 1–6).

После совершения жертвоприношения на месте сего видения Бог открыл Аврааму судьбу его будущего народа: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут с большим имуществом. А ты отойдешь к отцам твоим в мире, и будешь погребен в старости доброй. В четвертом роде возвратятся они сюда, ибо мера беззаконий Амореев доселе еще не наполнилась» (Быт. 15, 13–16). Это было пророчество о египетском рабстве израильского народа и об избавлении от него.

«В этот день заключил Господь завет (договор) с Авраамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Амореев, Хананеев, Гергесеев и Евусеев (народы и племена, населявшие Ханаан и Сирийскую пустыню.—*Свящ. С. К.*)» (Быт. 15, 18–21).

Однако Сара продолжала оставаться бесплодной. Авраам верил слову Бога, полагая, что именно от законной жены надлежало произойти законному потомству и, несмотря на довольно преклонные лета свои и супруги, ожидал, когда именно Сара родит ему сына.

Но произошло то, что можно по схеме развития событий сравнить с происшедшим в раю. Сара в некоторой степени уподобилась Еве, а Авраам Адаму. Сара сумела убедить своего мужа в том, что не ей предназначено родить, поскольку она уже стара, но родить должна ее рабыня, которую Саре подарил фараон во время пребывания в Египте. Это было проявлением самоволия и недоверия Богу. Но Авраам согласился с этим. Согласился не потому, что, так же как и Сара, не имел полноты доверия Богу. Нет. Он засомневался — а не права ли Сара и не таким ли именно образом Бог хочет дать ему потомство, ведь все очевидные человеческие природные факторы противоречили его вере в возможность родить Саре самой.

У Авраама был повод серьезно задуматься над предложением жены, которое не являлось беззаконным, но, наоборот, могло показаться очень трезвым и разумным. Дело в том, что согласно законам, действовавшим в древней Месопотамии, жена, оказавшаяся бездетной или больной, могла дать мужу свою рабыню или служанку. Ребенок, рожденный таким образом, считался ребенком жены, а не рабыни, и законным наследником в доме отца. Например, в законодательном кодексе царя Хаммурапи, царствовавшего сначала в Уре Халдейском, а затем объединившего под своей властью всю Вавилонию, это положение, существовавшее издревле, оказалось письменно зафиксированным. Несмотря на то, что Хаммурапи царствовал в XVIII в. до Р. Х., можно не сомневаться в том, что законы, нашедшие отражение в его кодексе, были современны и Аврааму, и его ближайшим предкам, и потомкам, а потому твердо усвоены ими. Закон Хаммурапи был одним из кодексов, отразивших древние установления и дошедших до наших дней, но не единственным в своем роде. В. И. Авдиев писал: «Судебник Хаммурапи является дальнейшим развитием шумерийских законов Ур-Намму, Липит-Иштара, а также законов Билаламы, царя Эшнунны»[1]. Правление Ур-Намму, основателя III династии Ура, датируется 2112–2095 гг. до Р. Х.[2]

Агарь, рабыня и служанка Сары, зачала и родила восьмидесятишестилетнему Аврааму сына, которого назвала Измаилом. Потомство Измаила стало многочисленным, и люди этого потомства стали называться измаильтянами. Современные арабы являются потомками древних измаильтян (Быт. 16). Однако, как ни казалось законным это решение проблемы, человеческие законы — одно, а божественная воля — другое. Спустя тринадцать лет Сам Бог показал Аврааму неправоту его и Сары. Бог вновь говорил с Авраамом и сказал ему, что сын рабыни не может стать наследником Авраама. Наследником и главой нового народа должен был стать сын настоящей жены Авраама — Сары.

Именно это откровение впоследствии сыграло решающую роль в том, что Измаил, наделенный имуществом, достигнув юности, со своей матерью был отправлен из дома Авраамова самостоятельно устраивать свою жизнь, дабы не возникло соперничества между сыном рабыни и сыном Сары и не случилось разделения в доме Авраама.

Итак, девяностодевятилетнему Аврааму Бог вновь обещает великое потомство от его восьмидесятидевятилетней жены. «Неужели от столетнего будет сын? И Сара, девяностолетняя, неужели родит? — не сдерживая смеха, спросил старец. Ответом же ему было: „Именно Сара, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак“».

При этой встрече Бог заповедал Аврааму, звавшемуся ранее от рождения *Аврамом*, называться отныне *Авраамом*, что значит «отец многих народов». И Саре заповедал больше не называться *Сарой*, как нарекли ее родители, но *Саррой*, что соответствовало титулу родоначальницы.

Кроме того, Бог заповедал в знак Своего договора с Авраамом обрезать крайнюю плоть всякого человека мужского пола из тех, кто был с Авраамом, и делать так всегда

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 68.
[2] *Деларм Ж.* Основные события Древнего мира. М., 2004. С. 14.

при рождении мальчиков. Обрезание с этих пор стало являться знаком принадлежности человека к роду Авраама, которого благословил Бог (Быт. 17).

Следующим важным эпизодом библейского повествования об Аврааме является его встреча с Богом у дубравы Мамре близ Хеврона, где Авраам расположился со своим домом. В Книге Бытия читаем: «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли. И сказал: „Владыка! Если я обрел благоволение перед очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего“» (Быт. 18, 1–3).

Тем, что, видя перед собою трех ангелов, Авраам обращается к ним в единственном числе как к одному, было прообразовано будущее новозаветное откровение о троичной сущности Единого Божества (Отца, Сына и Святого Духа).

Авраам гостеприимно принял путников, видя в них Самого Господа, и услышал вопрос, обращенный к нему: «Где Сарра, жена твоя?» Авраам ответил: «Здесь, в шатре». И сказал Один из них: «Я опять буду у тебя в это же время, и будет сын у Сарры, жены твоей». Сарра же, находясь в шатре и услышав сказанное, внутренне в себе рассмеялась, не веря словам Сказавшего это, ведь «Авраам и Сарра были стары и в летах преклонных; и обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось». «Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение?» — подумала она. Смеха ее никто из людей не мог слышать, ибо явно она не проявила его, но посмеялась мысленно и в сердце своем. «И сказал Господь Аврааму: отчего это рассмеялась Сарра... Есть ли, что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и у Сарры будет сын» (Быт. 18, 9–15).

И здесь Бог ясно дает знать Аврааму смысл его миссии: «От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли. Ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним, творя правду и суд; и исполнил Господь над Авраамом, что сказал о нем» (Быт. 18, 18–19).

«И встали те мужи, и отправились к Содому; Авраам же пошел с ними проводить их... И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма... И подошел Авраам, и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников?.. Не может быть, чтобы Ты поступил так... Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие. Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел». Авраам просил пощадить город ради сорока пяти, тридцати, двадцати и десяти праведников, если они есть в городе, и Господь обещал ему это (Быт. 18, 20–33).

Далее в Книге Бытия сказано, что «когда двое из трех ангелов, которым оказал гостеприимство патриарх Авраам, пришли в Содом, Лот сидел у ворот, через которые все входили в этот город» (Быт. 19, 1). Археолог Фри пишет, что исследования показали: у ворот палестинских городов действительно были каменные скамьи, или сиденья, пристроенные к стене. На этих скамьях сидели те, кто ожидал прихода близких, или те, кому хотелось обсудить какое-либо дело или заключить соглашение, — это было место встреч, споров по различным вопросам и торговых сделок. В ходе раскопок в Телль-эн-Насбехе (1926–1935) на месте бывшей библейской пограничной крепости Мицпа, проводившихся под руководством В. Ф. Бейда, были обнаружены ворота, в которых «вытесан» ряд каменных скамей. (О Мицпе говорится в еврейском тексте Книги Бытия (31, 49); она находилась примерно в двенадцати километрах к северу от Иерусалима.) Народ сидел на этих скамьях и решал свои торговые и общественные дела. У ворот было заключено соглашение о браке Руфи и Воза (Руфь 4, 1–2). У ворот ждал Давид вестей о своем сыне Авессаломе (2 Цар. 18, 24, 33). У ворот произносили свои пророчества пророки Израиля. По этой причине двери, или ворота городов, упоминаются в Ветхом Завете часто. «Археологические исследования, — как пишет профессор Фри, — снабдили нас множеством сведений о величине и вообще об устройстве городских ворот во времена Ветхого Завета и пролили свет на то,

сколь важную роль играли они в жизни людей на Ближнем Востоке» (см.: *Free J. P.* Op. cit. P. 62)[1].

Встретив двух ангелов, явившихся в образе путников, Лот пригласил их к себе домой и оказал им гостеприимство. Но грешники—жители Содома—напали на дом Лота, требуя выдать им гостей. Когда же Лот ответил им отказом, те попытались выломать двери его дома, но ничего из этого не вышло (Быт. 19, 9). Раскопки в Палестине предоставили интересные сведения, поясняющие, как во времена Лота были устроены двери и как они охранялись, и подтвердили сообщение Писания. Когда археологи М. Г. Кайл и В. Ф. Олбрайт провели раскопки в местечке Телль-Бейт-Мирсим (в 1926–1930 гг.) и (позже) в древнем библейском поселении Давире (20 км к юго-западу от Хеврона), они обнаружили в слое, относящемся к середине бронзового века (2100–1600 гг. до Р. Х.), следы мощных стен и больших дверей. В одном из домов сохранился на своем месте очень большой засов, по которому можно было судить, какими прочными по своей конструкции были двери во времена Лота. В слое, относящемся к раннему «второму» железному веку (900–600 гг. до Р. Х.), попадались многочисленные дома и множество дверей, но довольно редкой находкой в этом слое был дверной засов. Это говорит о том, что в более поздние времена жители этих мест вместо дверей оставляли арочные проемы или завешивали вход в дом тканью. В период с 900 по 600 гг. до Р. Х. правили цари Израиля и Иудеи, и потому в эту эпоху существовала сильная центральная власть. А в древние времена, в дни Авраама и Лота (2000 г. до Р. Х.), такая власть отсутствовала. Потому-то и нужны были крепкие двери и мощные стены. Таким образом, тяжелая дверь дома Лота полностью соответствует обстановке и обычаям того времени (см.: *Free J. P.* Op. cit. P. 62–63)[2].

Интересны подробности этого нападения содомлян на жилище Лота, ибо в них раскрывается нравственная основа обычаев и законов, по которым в среде развратного язычества жило семейство Авраама. «И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? Выведи их к нам; мы познаем их. Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь. И сказал: братья мои, не делайте зла. Вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего. Но они сказали: пойди сюда. И сказали: вот он пришелец, и хочет судить? Теперь мы хуже поступим с тобою, нежели с ними... Тогда *мужи те* простерли руки свои, и ввели Лота к себе в дом, и дверь заперли. А людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою, от малого до большого, так что они измучились, искав входа» (Быт. 19, 5–11).

Далее Библия говорит о том, что ангелы предложили Лоту тут же со всем семейством покинуть город, ибо кроме Лота не оказалось праведников в нем, и городу предстояло сейчас погибнуть, дабы истребилось все беззаконие Содома. Лот попросил дозволения укрыться в маленьком городе Сигоре, ибо это было ему удобнее, на что Господь ответил ему, что ради Лота и его праведности Сигор сохранится от гибели, и разрешил ему идти в этот город.

О гибели растленных блудом и пьянством городов в Библии сказано: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли... И встал Авраам рано утром и пошел на место, где стоял пред лицем Господа. И посмотрел к Содому и Гоморре, и на все пространство окрестности, и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи» (Быт. 19, 24–25, 27–28).

Приведем мнения специалистов-историков по этому поводу. Дж. Э. Райт писал: «„Сера и огонь“ могли свидетельствовать о вулканическом извержении, однако, поскольку в этой части света нет вулканов, мы склонны считать соответствующий эпизод описанием землетрясения, которое для рифтовых долин является обычным. Исследование земель южной Трансиордании к востоку и к югу от Мертвого моря показывает, что поселения, возникшие здесь до 2000 г. до Р. Х., были спешно покинуты в XX или XIX столетия до Р. Х., после чего их обитате-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 80–81.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 80–81.

ли вновь превратились в кочевников. Города Содом, Гоморра и Цоар не были найдены, поскольку они, по всей видимости, оказались затопленными водами южной части Мертвого моря... Британские геологи, обследовавшие в 2000 г. дно Мертвого моря в северной его части, обнаружили на глубине более ста метров остатки каких-то сооружений, которые они также поспешили связать с легендарными городами.

Эпоха падения городов Долины, когда, как считается, и жил Авраам, приходится на XXI–XIX столетия до Р. Х., что хорошо согласуется с позднейшей библейской традицией, согласно которой Авраам покинул Месопотамию примерно за шестьсот лет до Исхода евреев из Египта. Впрочем, эту дату следует считать весьма условной, и некоторые ученые полагают, что это произошло несколькими столетиями позже (см.: *Rowly H. H.* From Joseph to Joshua. London, 1950; *Gordon Cyrus H.* Introduction to Old Testament Times. Ventnor, N. Y., 1953)»[1].

Н. Василиадис отмечал: «По замечанию профессора Китчен, мы не можем назвать точное время разрушения городов долины Содома и Гоморры, происшедшего вследствие сильного землетрясения или страшного пожара, так как их развалины, очевидно, скрыты водами Мертвого моря, а близлежащее поселение Баб-эд-Дра, возможно, было разрушено еще в XIX веке до Р. Х., то есть до гибели Содома и Гоморры (см.: *Kitchen K. A.* Op. Cit. P. 47.). <...>

С точки зрения археологии, на сегодняшний день к тому, что было сказано выше о гибели Содома и Гоморры, трудно что-либо прибавить. Однако некоторые сведения из области других наук (геологии, филологии) мы все же сообщим, поскольку это событие стало почвой для скептических и атеистических рассуждений. <...>

Известно, что древние греки называли Мертвое море „Асфальтовым озером“. Под названием Мертвое море оно впервые фигурирует у Павсания. Сведения об этом море встречаются кроме Павсания у Страбона, у Диодора Сицилийского и у иудейского историка Иосифа Флавия, который часто говорит о „Смоляном море“. Арабы называют его сейчас Бахр Лут, что означает море Лота. Кроме того, „греки настойчиво говорят о ядовитых испарениях, наполнявших все окрестности этого моря. Арабы рассказывают, что уже очень много лет ни одна птица не может долететь до его противоположного берега. Совершая полет над озером, птицы через некоторое время внезапно падали мертвыми“ (см.: *Dye D. L.* Faith and the Physical World... P. 117).

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 70–74.

В то время как в обычной морской воде содержится 3,3–4 % соли, воды Мертвого моря содержат 30 % твердых примесей, из которых 25 % составляет хлористый натрий, то есть поваренная соль. Берега Мертвого моря лишены растительности, вдоль взморья тянутся „пространства кристаллизовавшейся соли“, и вдобавок к невыносимой жаре „воздух насыщен резким, едким запахом“ серы. Финикийский жрец Санхунйатон в своей „древней истории“ пишет: „Долина Сиддимус (то есть Сидим.—*Н. В.*) опустилась и стала озером, которое постоянно дымится и совершенно безжизненно, являя собой картину наказания и смерти, которые постигают грешников“ (см.: *Keller W. H.* Βίβλος... Σ. 112, 118).

Геологическое строение этой местности имеет одну особенность: вокруг Мертвого моря вдоль его берегов расположены пласты минеральных солей. Один из таких пластов имеет 45 м в толщину и протяженность 6 миль. Над ним расположен пласт серы, который может загореться от одной спички. В этом районе заметны следы горения нефти и битума (асфальта); видно также, что давным-давно здесь имел место разлом геологических слоев. Вся долина Мертвого моря сейсмически неустойчива и подвержена землетрясениям. Когда-то под Содомом было нефтяное месторождение с неисчерпаемым запасом природного газа. По-видимому, газ и нефть вследствие землетрясения вырвались наружу и воспламенились, произошел чудовищный взрыв, обрушивший сверху на города долины Сиддим горящую серу и смолу. Все это, смешанное с солью из пластовых отложений Мертвого моря, выпало с высоты, словно дождь, по всей долине (см.: *Coder S. M.*, *Howe G. F.* Op. cit. P. 100). В связи с этим интересно будет привести описание окрестно-

стей Мертвого моря („Сирбонитского озера“) античным географом Страбоном (ум. ок. 24 г. по Р. Х.): „... Около Моасад показывают обрывистые обожженные скалы и во многих местах расселины и подобную пеплу почву; из гладких скал каплями струится смола, и кипящие потоки издали распространяют зловоние, там и сям попадаются разрушенные жилища. Поэтому приходится верить весьма распространенным среди местных жителей преданиям о том, что некогда здесь было 13 населенных городов, из которых главный город — Содомы — имел около 60 стадий в окружности. От землетрясений, извержений огня и горячих асфальтовых и сернистых вод озеро внезапно вышло из берегов, и огонь охватил скалы; что же касается городов, то одни были поглощены землей, а другие покинули жители, еще имевшие возможность бежать“ (География. Кн. 16. Гл. 2, 44–45. М., 1964. С. 707–708)»[1].

Произошло то, о чем говорится в Книге Бытия. Это событие должно было случиться в период примерно между 2100 и 1900 гг. до Р. Х., то есть в дни Авраама и Лота (см.: *Keller W. H.* Βίβλος... Σ. 116). По исчислению лет, указанных в Септуагинте, данное событие относится к 2014 году до Р. Х. Священное Писание подчеркивает, что разрушение двух погрязших в грехе городов было карой Божией.

Пришло время, и исполнилось обетование Божие и на Аврааме — то, чего он ждал около тридцати лет: у девяностолетней Сарры во время стоянки в Вирсавии родился сын, которому нарекли имя Исаак, что значит «смех» — в память о смехе Сарры и в знак того, что невероятное стало вероятным благодаря вере в Творца, для Которого нет невозможного.

Однако радость о рождении сына для Авраама скоро сменилась тяжким испытанием его веры. Для описания сего воспользуемся цитатой из «Библейской истории» А. П. Лопухина: «Это испытание состояло в повелении Божием принести в жертву своего единственного, так долго ожидавшегося сына Исаака, того, на ком основывались все надежды Авраама и все данные ему великие обетования! Повеление дано было

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 81–84.

во всей его ужасающей ясности, без малейшего намека на возможность отмены. Бог сказал Аврааму: „Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе“. И Авраам не поколебался даже перед такой великой для него жертвой. Он „встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих, и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог“. По преданию, Исааку было в это время уже двадцать пять лет. Через три дня пути они достигли назначенной местности и увидели гору, на которой должно было принести Исаака в жертву. Оставив своих слуг позади, Авраам взял Исаака и с ним вдвоем отправился на роковую гору, сам неся жертвенный нож и огонь, а Исаака заставив нести дрова для жертвоприношения. „И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой, вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе“. По достижении назначенного места Авраам устроил жертвенник, положил на него дрова, связал изумленного, но беспрекословно повиновавшегося Исаака и положил его на жертвенник. Вот уже поднят жертвенный нож для заклания, как вдруг ангел Господень удержал руку Авраама и сказал ему, что он вполне доказал непоколебимость своей веры, не пожалев даже сына своего возлюбленного, и Авраам с облегченным и ликующим сердцем принес в жертву овна, запутавшегося неподалеку от него рогами в чаще. Ввиду такого безграничного послушания воле Божией, Аврааму не только повторены были все прежние обетования, но и в первый раз подтверждены *клятвой*, что Бог „благословляя благословит его и умножая умножит семя его как звезды небесные и как песок на берегу моря, и благословятся в семени его все народы земли за то, что он послушался гласа Божия“. И Авраам, еще более укрепленный в вере, возвратился в Вирсавию»[1].

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 44–45.

Гора (холм) Мориа, куда направил Авраама Господь для совершения этого жертвоприношения, является именно тем местом, где спустя примерно тысячу лет было расположено Святое Святых Иерусалимского храма, построенного царем Соломоном. Вспомним, что, возможно, именно здесь находилось последнее место жизни праотца человечества — Адама, располагавшееся в пещере священной горы, которая в своем естественном виде и состоянии была включена строителями в храмовый комплекс. И после разрушения храма строители мечети Омара, поставленной на его месте, также не тронули почитаемую ими гору и пещеру, находящуюся в ней, но сохраняют до сих пор с благоговением.

Жертвоприношение в Ветхом Завете играло большую религиозную, духовно-нравственную роль. Это было не просто отдание Богу лучшего из имущества в знак поклонения и веры. Тем более что Бог, как мы уже указывали в главе «Каин и Авель. Культура древних людей: земледелие, скотоводство, религия», лично ни в чем не нуждается. Главной жертвой является чистое человеческое сердце, верное Богу и Его закону. Однако Бог Сам благословил жертвоприношения и установил их порядок, особенно подробно и пунктуально изложенный Моисеем в книгах Исход и Левит. С какой же целью? В указанных книгах Пятикнижия Моисеева вводится понятие «жертвы за грех». Далее это понятие раскрывается как понятие «жертвы за грех за себя» (напр., Лев. 16, 6. 11) или «жертвы за себя» (напр., Иов. 42, 8). Эти жертвы являлись «жертвами замещения», главной целью которых было достижение покаяния в грехах у того человека, который приносил жертву. Человек сам приводил жертвенное животное к месту жертвоприношения. Сам закалывал его, или это происходило у него на глазах. Сам, если это требовалось, снимал с него шкуру и наблюдал за сожжением жертвы. При этом, взирая на муки животного, приносимого в жертву вместо него, человек должен был каяться в грехах, осознавая, что на месте жертвенного животного, невинного и непорочного, должен быть он сам — виновный в грехе.

Совершались жертвы замещения и «за грех за народ». Тогда избирались два козла, и по жребию одного из них закалывали, а другого, возложив на его голову руки и назвав все согрешения народные, отпускали в пустыню, что символизировало отпущение Богом грехов, в которых принесено покаяние. Отныне эти грехи считались возложенными на голову козла, называвшегося «козлом отпущения» (Лев. 16).

Таким образом, главной целью ветхозаветного жертвоприношения было пробуждение покаянного чувства через сострадание невинной жертве и осознание того, что приносилась она вместо приносящего (занимая его место), ибо по делам его он сам должен был подвергнуться тому, чему подвергалось животное. Другого удобного способа смягчить сердце человека и привести его в состояние покаяния Бог, видимо, не находил.

Данный контекст жертвоприношения позволяет глубже, правильнее осознать жертву, которую совершил Бог ради людей, воплотившись и возведя Себя Самого на крест вместо людей, которые последуют за ним и покаются в грехах своих. «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши», — писал апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 4, 10). Апостол Павел писал следующее: «...Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной *в жертву за грех*... Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас...» (Рим. 8, 3. 32). Тот, о Ком идет речь как о Жертве замещения за грехи человечества, есть Иисус Христос. Иоанн Креститель, увидев идущего к нему Иисуса, воскликнул: «Вот Агнец (Ягненок) Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29).

В данном контексте приношение Исаака Авраамом в жертву — не только проявление величайшей степени веры Богу и преданности Ему, что дало право именовать Авраама отцом веры и всех верующих в Творца. Это также *прообраз*, своего рода пророчество, предсказание о той Жертве, которую совершил Отец Небесный, отдав на заклание Своего Сына Единородного (Единственного). Пророчествами о Христе и прообразами-предначертаниями судеб Его и Его Матери полон весь Ветхий Завет.

«После жертвоприношения Исаака Авраам еще жил много лет, но остальная жизнь его была мирным пользованием плодами своей веры и упования и не представляет выдающихся событий. Через несколько лет Сарра, будучи ста двадцати семи лет от роду, скончалась, и это единственная женщина, лета которой обозначены в Священном Писании. Исааку в это время было тридцать семь лет, и он жил со своим отцом в Хевроне. Авраам хотел с честью похоронить свою покойную жену, но во всей земле обетованной у него не было собственной земли „ни на стопу ноги“. Вследствие этого он принужден был купить землю у хеттеян и, заплатив 400 сиклей серебра за поле с пещерой Махпела, неподалеку от дубравы Мамрийской, похоронил в этой пещере долго оплакивающуюся им Сарру»[1].

Далее Книга Бытия говорит о женитьбе Исаака, которую организовал Авраам спустя три года после смерти Сарры. Самое замечательное для нас в этой истории то, что отец веры посылает слугу Елеазара за невестой на свою родину — Месопотамию, в Харран, к родственникам. При этом он строго запрещает брать девиц той земли, где ныне живет, т. е. хананеянок, испорченных язычеством, не воспитанных в законности и не знающих о Едином Боге Творце.

Елеазар, проделав долгий путь, исполнил повеление своего господина в точности и привел с собой из Харрана племянницу Авраама Ревекку, дочь Авраамова брата Нахора, избрание которой сопровождалось чудесными обстоятельствами, свидетельствовавшими о Божием благословении Ревекки на брак с Исааком (Быт. 24).

В возрасте ста семидесяти пяти лет, после женитьбы сына, Авраам «скончался и умер в старости доброй, престарелый, насыщенный (жизнью), и приложился к народу своему. И погребли его Исаак и Измаил, сыновья его, в пещере Махпеле, на поле Ефрона, сына Цохара Хеттеянина, которое против Мамре» (Быт. 25, 8–9).

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 45.

Иаков — Израиль

Для того чтобы кратко представить сведения библейского повествования о дальнейшей судьбе Исаака, воспользуемся изложением профессора А. П. Лопухина, комментируя некоторые моменты.

«Первые годы семейной жизни Исаака прошли еще при жизни его престарелого отца патриарха. Он был единственным наследником всех обетований Авраама, но и он, подобно отцу своему, должен был подвергнуться испытанию в своей вере. Жена его Ревекка была бездетна в течение двадцати лет, но он не отчаивался и молился Господу. „Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его“. Перед самыми родами случилось нечто необычное, встревожившее Ревекку[1], но она успокоена была откровением, что у нее родятся два сына-близнеца, „и два различных народа произойдут из утробы ее“, „один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему“, т. е. что вопреки обычному порядку первородный не будет владеть правом первородства, с которым соединялись и великие обетования, данные потомству Авраама. Откровение это глубоко запало в душу Ревекки и послужило руководством для нее в последующей жизни.

Ревекка действительно разрешилась двумя близнецами: „Первый вышел красный, весь как кожа косматый, и нарекли ему имя Исав (косматый); потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исава; и наречено ему имя Иаков (держащийся за пяту)“[2]. Сообразно с этим оказался и характер братьев близнецов. Когда они выросли, „Исав стал человеком искусным

[1] В Книге Бытия сказано: «Сыновья в утробе ее стали биться, и она сказала: «Если так будет, то для чего же мне это?» И пошла воспросить Господа» (Быт. 25, 22).

[2] С тех пор выражение «держать за пятку» у древних евреев стало означать «убрать кого-нибудь со своего пути», «победить кого-либо», «изменить ситуацию в свою пользу» (см.: *Косидовский З.* Библейские сказания. М., 1975. С. 56). Возможно, что свое имя Иаков получил как следствие того, что он родился сразу вслед за своим братом, т.е. ступая за ним по пятам, как бы преследуя его в стремлении обрести место в жизни.

в звероловстве, человеком полей, а Иаков—человеком кротким, живущим в шатрах“. Как нередко бывает, родители относились с некоторым пристрастием к избранным любимцам, и замечательно, что спокойный, кроткий Исаак больше любил смелого, отважного зверолова, между тем как Ревекка особенно любила скромного и нежного Иакова. Последний, вероятно, скоро узнал от своей матери о бывшем ей откровении касательно будущей судьбы братьев и стал выжидать удобного случая для заявления своих прав на первородство. Случай скоро представился. Однажды Исав пришел с поля усталый и голодный, и увидев, что Иаков сварил кушанье из чечевицы (и теперь составляющей любимое кушанье в Сирии и Египте), он стал настойчиво просить у него дать ему поесть этого „красного“. Голод его был так силен, что когда Иаков заметил ему, чтобы он продал ему за это кушанье свое первородство, то Исав даже не обратил внимания на предложение Иакова и в нетерпении заметил: „Вот я умираю, что мне в этом первородстве?“ Исав знал, что с первородством он продавал все свои духовные преимущества и все права на обладание землею обетованной. Но по своей дикой и грубой натуре он, видимо, не придавал никакого значения первым, а что касается последних, то, быть может, надеялся возвратить их при помощи благосклонности к себе отца и даже прямым насилием над кротким братом, и таким образом он из-за удовлетворения своего голода продал свое первородство за „красную“ чечевицу, отчего и „дано ему прозвание: Эдом“ (красный).

Между тем, в стране наступил один из тех голодных годов, которые и прежде вынуждали патриархов выселяться для пропитания в соседние, более плодородные страны. Исаак решил последовать примеру своего отца патриарха и хотел переселиться в Египет, но ему запрещено было, и он провел голодный год в пределах филистимского царя Авимелеха, где с ним и с Ревеккой повторилась та же история, которая была и с Авраамом. Именно он выдавал Ревекку за свою сестру, но когда открылась правда, Авимелех (вероятно, сын Авраамова современника того же имени) оказал ему особенное покровительство и почтение.

Благодаря этому Исаак мог начать более оседлую жизнь и приступил к земледелию. „И сеял Исаак в земле той, и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его Господь. И стал великим человек сей, и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим. У него были стада мелкого и стада крупного скота и множество пахотных полей“[1]. Но филистимляне скоро стали завидовать его богатству, начали притеснять его, зарывали колодцы, вырытые Авраамом, и вообще заводили ссоры, вынудившие, наконец, Исаака выселиться отсюда в Вирсавию. Там в подкрепление ему явился Господь, подтвердивший Свое благословение и обетование, и Исаак устроил там жертвенник, и призвал имя Господне. Увидев правоту Исаака и раскаявшись в несправедливых притеснениях ему, царь филистимский Авимелех прибыл к нему с извинением, и между ними, на сделанном Исааком пиршестве, заключен был клятвенный союз около того же самого колодца, около которого некогда заключили свой союз отцы их (Вирсавия).

Тихая семейная жизнь Исаака скоро была возмущена непослушанием его любимца сына Исава, который без благословения родителей в сорокалетнем возрасте женился на двух хананеянках, вступив таким образом в родство с идолопоклонниками. „И он был в тягость Исааку и Ревекке“[2]. Но скоро предстояло ему еще более тяжелое семейное испытание.

---

[1] Этот замечательный случай подтверждает мнение о том, что Фарра, отец Авраама, дед Исаака, также, будучи изначально кочевником, осел и стал оседлым торговцем. Кроме того, столь легкое приобщение Исаака к ведению земледельческого хозяйства напоминает нам о том, что Библия указывает на одновременное зарождение и существование земледелия и скотоводства в пределах одной семьи (Каин и Авель).

[2] Исав, таким образом, нарушил заповедь Господню и установление Авраамово не вступать в родство с потомками Хама (хананеями, амореями и др.), населявшими Ханаан, дабы самим не упасть в идолопоклонство и не соблазниться на развратную жизнь. Нетерпеливый, непослушный, своенравный и невнимательный к духовной жизни Исав этим согрешением доставил великое огорчение отцу и матери. Именно в предзнаменование этого Исав и лишился своего первородства (первенствующего в роду, по сути, патриархального положения), которое было отдано Богом Иакову, хранившему заветы отцов и Закон Божий, еще до появления братьев на свет.

С приближением преклонных лет у него ослабло зрение, и он нашел благовременным совершить торжественное благословение для передачи связанных с ним обетований своему потомству. По установившемуся обычаю право первородства он, конечно, намеревался передать Исаву, как старшему сыну, и сказал ему, чтобы он по этому случаю приготовил кушанье из собственной дичи. Исав едва ли сообщил ему о продаже своего права первородства, а Иаков, в свою очередь, не смел открыто высказать своих притязаний на это право. Неизвестно, знала ли об этом и Ревекка, но только она, услышав о намерении Исаака, решила употребить хитрость, чтобы посредством ее доставить благословение на первородство своему любимцу Иакову. По ее совету, он должен был надеть одежду своего брата, пропитанную запахом ароматических трав и кустов, среди которых приходилось проводить свою жизнь зверолову, и покрыть свое тело косматой шкурой, чтобы для осязания быть похожим на брата; сама же Ревекка обещала приготовить такое кушанье из домашних молодых животных, которое Исаак едва ли мог отличить от ожидаемого им кушанья из дичи Исава. Иаков колебался, боясь проклятия от отца в случае обнаружения обмана; но Ревекка убедила его, что она на себя примет даже проклятие. Иаков приступил к делу; но какой трепет испытывал он, когда старец отец, удивившись слишком скорому возвращению Исава и приготовлению кушанья, подозвал явившегося за благословением к себе для того, чтобы осязанием удостовериться в том, действительно ли это Исав. Старец ощупал косматый покров на руках Иакова и в недоумении заметил: „Голос, голос Иакова; а руки, руки Исава“. Но запах охотничьей одежды окончательно рассеял сомнения престарелого патриарха; он поел кушанья, выпил вина, велел поцеловать себя и затем благословил Иакова — благословением первородства: „Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина. Да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинающие тебя — прокляты; благословляющие тебя — благословенны“. Но замечательно,

что в этом благословении есть лишь слабый намек на великое обетование Аврааму, именно, что в нем и его семени благословятся все народы земли. Исаак, воображая, что он благословляет Исава, очевидно, считал его не вполне достойным для унаследования всей полноты благословения, и таким образом Иаков и Ревекка не вполне достигли того, чего добивались.

Едва удалился мнимый Исав, получивший благословение первородства, как за получением его явился и действительный Исав. Если не благовиден был поступок Иакова, то не менее подлежат порицанию и действия Исава, так как он не хотел сознаться, что давно уже продал первородство своему брату Иакову. Когда Исаак узнал об этом обмане, он „вострепетал великим трепетом“, но отказался отнимать уже данное благословение. „Я благословил его, он и будет благословен!“ — сказал встревоженный патриарх. Исав поднял „громкий и весьма горький вопль“ и просил Исаака, чтобы он благословил и его. „Неужели, отец мой, одно у тебя благословение? Благослови и меня!“ — с плачем упрашивал Исав, и Исаак благословил его и сказал: „Вот от тука земли будет обитание твое, и от росы небесной свыше; и ты будешь жить мечом твоим, и будешь служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей“. В этом благословении предсказана была вся дальнейшая судьба потомков Исава — эдомитян (идумеев), которые долго находились в подчинении у потомков Иакова — иудеев, но впоследствии из них даже вышел царь, который подчинил себе последних (Ирод Великий, идумей по происхождению).

Потеряв право первородства, Исав возненавидел брата своего Иакова и замыслил даже убить его, как только умрет отец. Ревекка узнала об этой опасности и, зная буйный и неукротимый нрав Исава, решила отправить Иакова на некоторое время в Месопотамию к родному брату своему Лавану в Харран, пока не утишится ярость Исава. Но чтобы не тревожить своего престарелого мужа, она не сказала ему о кровожадном намерении Исава, а выставила перед ним другую причину для временного ухода Иакова из дома, именно, чтобы он мог жениться на ком-нибудь из ее родства, что, несомненно,

было вместе с тем и истинным желанием ее сердца. „Я жизни не рада от дочерей хеттейских (жен Исава), сказала она; если Иаков возьмет жену из дочерей этой земли: то к чему мне и жить?“ Исаак внял ее жалобе и отпустил Иакава к Лавану для отыскания себе жены, но, вместе с тем, уже сознательно повторил ему благословение, которое раньше дал по неведению, и притом усугубляя его всею полнотою данных Аврааму обетований. „Бог всемогущий, сказал он, да благословит тебя, да расплодит тебя, и да размножит тебя, и да будет от тебя множество народов; и да даст тебе благословение Авраама (отца моего), тебе и потомству твоему с тобой, чтобы тебе наследовать землю странствия твоего, которую Бог дал Аврааму!“ Таким образом, Исаак прозрел от духовной слепоты и дал свое благословение достойнейшему, а Исав все более и более предавался чувственности и взял себе третью жену Махалафу, дочь Измаила, заключая родственный союз с тем, кого изгнал Авраам. Так духовная неспособность Исава к первородству обнаружилась во всей своей полноте.

После этого Исаак еще прожил сорок три года, но он уже ничем не заявлял о себе в истории. Да и вообще это был один из тех редких людей, вся жизнь которых есть безграничная кротость, воплощенное смирение и безмятежное довольство. Будучи патриархом немалочисленного рода, он, однако же, избегал всего, что могло сделать его положение особенно видным, и тем доказал, что смирением и кротостью можно так же угодить Богу, как и жизнью, исполненною великих подвигов и тяжелых испытаний. Беспрекословное повиновение отцу, даже до заклания самой жизни, нежная привязанность к матери, в потере которой он утешился лишь женитьбой на Ревекке; безусловная преданность и верность своей жене в тот век, когда обычно было многоженство; терпеливое перенесение домашних испытаний, причинявшихся ему со стороны жены и сыновей; малоподвижность самой жизни, в течение которой он никогда не удалялся более чем на сорок верст от места своей родины (Вирсавии) — все это вместе рисует перед нами образ патриарха, который велик был не внешними громкими подвигами, а тем внутренним духовным миром, который невидим для

людей, но который тем ярче сияет пред Отцем Небесным, — тою непреоборимою верою в Промысел Божий, которая всю жизнь его делала воплощением смирения, надежды и любви.

После описанных событий судьба дальнейшей истории патриархальной эпохи сосредоточивается в руках Иакова, к которому перешло все наследственное благословение и обетование рода Аврамова»[1].

Нелегкая, но полная промысла Божия жизнь патриарха Иакова продолжает ярко выписывать ту единую и стройную идейную и духовно-нравственную линию, которую наметил и повел отец веры Авраам и которая заключается в сохранении и утверждении на земле единобожия. Иаков, отправившись в путь, гонимый опасением преследования, в первый же день прошел более шестидесяти верст и остановился на ночлег в том месте, где некогда Авраам устроил жертвенник Богу, и, положив под голову камень, уснул. «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое, как песок земной... и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные... И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо я не оставлю тебя, доколе „не исполню того, что Я сказал тебе“» (Быт. 28, 12–15).

Пробудившись от сна, Иаков устрашился того, на каком святом месте находится, и, взяв камень, лежавший у него в изголовье, воздвиг его памятником, возлив на него елей, как это было описано в главе «Начало послепотопной истории». Иаков дал имя этому месту — Вефиль, т. е. «Дом Божий», навсегда изменив прежнее его наименование Луз.

В традиции православного церковного Предания лествица (лестница) Иакова, соединяющая небо и землю, увиденная им, прообразовала (означила) собою Богородицу, Деву Марию, которой суждено было родиться более полутора ты-

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 48–53.

сячелетия спустя и соединить через себя небо с землею, родив Сына Божия (Бог сошел на землю), через Которого мы, люди, от земли имеем возможность взойти на небо, в рай.

Через несколько дней Иаков прибыл на богатое пастбище, где паслось множество овец, принадлежавших его дяде Лавану, брату Ревекки, сыну Нахора — брата Авраама. Здесь же у колодца он встретил Рахиль, дочь Лавана, пришедшую напоить овец, и тут же полюбил ее. Иаков, радушно принятый родней, договорился с Лаваном семь лет отработать у него за то, что тот отдаст Рахиль в жены Иакову.

Настало время свадьбы, и Лаван, воспользовавшись восточным обычаем, когда невеста плотно окутывалась покрывалами, обманул племянника и предоставил ему Лию, свою старшую дочь, оправдываясь потом тем, что местные законы не позволяли выдавать замуж младшую дочь прежде старшей. Но Лаван обещал отдать Иакову и Рахиль, если тот еще семь лет отработает у него. Согласившись, Иаков через неделю получил и Рахиль.

А. П. Лопухин так прокомментировал эти события: «В этом обмане со стороны Лавана для Иакова было как бы возмездие за его собственный обман при получении благословения первородства... Но это двоеженство (хотя оно и было невольным. — *Свящ. С. К.*) совершилось без соизволения Божия, и потому в своей семейной жизни Иакову суждено было испытать множество огорчений, как от соперничества жен, так и от поступков и судьбы своих детей.

Отмщая Лии за ее невольный обман, Иаков относился к ней с пренебрежением и всецело привязался к Рахили; но Бог видел невинность и безропотную кротость Лии и потому благословил ее чадородием, между тем как гордая Рахиль оставалась бесплодною. У Лии уже было четыре сына — Рувим, Симеон, Левий и Иуда, а у Рахили еще не было ни одного, и она в крайней зависти хотела иметь детей хоть через служанку свою Валу, от которой действительно и родились два побочных для нее сына — Дан и Неффлим. Лия, в свою очередь, отдала Иакову свою служанку Зелфу и от нее получила двух побочных сыновей — Гада и Асира, а затем и сама еще родила Иссахара и Завулона и дочь

Дину. Таким образом, когда нелюбимая мужем Лия имела уже шесть собственных сыновей и дочь помимо двух сыновей побочных, любимая Иаковом Рахиль несла все еще позор бездетности, столь тяжкий на Востоке. Это заставило ее наконец смириться и с молитвой обратиться к Богу. „И услышал ее Бог, и отверз утробу ее. Она зачала и родила (Иакову) сына, и сказала: снял Бог позор мой. И нарекла ему имя: Иосиф, сказав: Господь даст мне и другого (еще одного) сына“»[1].

Вскоре услышал Иаков призыв Божий покинуть Харран и уйти в Ханаан (Быт. 31, 3. 11–13). Опасаясь остаться без заработанного имущества и обещанной свободы, Иаков покинул дом Лавана тайно, когда тот на пастбище занялся стрижкой овец, и направился на родину к своему отцу Исааку. Рахиль же захватила с собою идолов, именуемых терафимами (домашние божки), которые были у ее отца.

Скоро Лаван догнал Иакова у горы Галаад. Он был весьма разгневан и почитал Иакова вором и насильником над его дочерьми и внуками. «Что ты сделал? — возмущенно кричал Лаван. — Для чего ты обманул меня и увел дочерей моих, как пленных, оружием? Зачем ты убежал тайно, и укрылся от меня, и не сказал мне? Я отпустил бы тебя с весельем и песнями, с тимпаном (бубном) и гуслями. Ты не позволил мне даже поцеловать внуков моих и дочерей моих; безрассудно ты сделал» (Быт. 31, 26–28). Однако у Иакова был повод не верить Лавану, который уже не однажды нарушил свое обещание, и «десять раз переменял награду» Иакову. Так же и дочери Лавана почитали отца за сребролюбивого обманщика, который отдал их в замужество ради материальной выгоды, видя способности Иакова. Приданого же, полагавшегося им по закону, не дал, оставив их полностью на попечение мужа, которого теперь собирался лишить и того имущества, что тот заслужил своим трудом. Потому они добровольно оставили дом отца и последовали за мужем (Быт. 31, 14–16). И теперь Лаван отнял бы все, что было у Иакова и, получив такой повод, заставил бы его работать на себя в более худшем со-

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 54–55.

стоянии, чем раньше, но накануне Бог явился Лавану во сне и запретил причинять всякий вред Иакову.

Лаван обвинил Иакова в том, что тот украл у него терафимов, о чем Иаков ничего не знал и потому чистосердечно предложил: «У кого найдешь богов твоих, тот не будет жив» (Быт. 31, 32). Рахиль, взяв идолов, положила их под верблюжье седло и села на них, объясняя отцу: «Да не прогневается господин мой, что я не могу встать пред тобою, ибо у меня обыкновенное женское» (Быт. 31, 35). Лаван не нашел ничего своего в стане Иакова, кроме того, что полагалось тому по договору с Лаваном.

На горе (холме) Галаад Иаков и Лаван заключили договор, который был выражен в следующих словах Лавана: «Вот холм сей и вот памятник (камень, воздвигнутый в ознаменование договора), который я поставил между мною и тобою. Этот холм свидетель, и этот памятник свидетель, что ни я не перейду к тебе за этот холм, ни ты не перейдешь ко мне за этот холм и за этот памятник для зла. Бог Авраамов и Бог Нахоров да судит между нами, Бог отца их... да надзирает Господь надо мною и над тобою, когда мы скроемся друг от друга. Если ты будешь худо поступать с дочерями моими, или если возьмешь жен сверх дочерей моих, то, хотя нет человека между нами, но смотри, Бог свидетель между мною и между тобою» (Быт. 31, 49–53).

Возникает вопрос: если Лаван признавал Бога Всевышнего и поклонялся Ему, то какую роль в его доме выполняли терафимы-идолы? Зачем Рахиль тайно увезла их с собой и для чего они понадобились ей? Дело в том, что в Месопотамии домашние божки-терафимы, кроме роли хранителей очага и семейного благополучия, свидетельствовали о семейном наследственном праве того, кто ими обладал. Возможно, что Рахиль, которая лишилась своего наследства, не получив от отца приданого, решила таким образом обеспечить свое наследное право.

Протоиерей Стефан Ляшевский предположил, что для Рахили эти идолы были не больше, чем драгоценные ювелирные изделия из золота, которые та намеревалась «на черный день» продать в Ханаанской земле[1].

[1] *Ляшевский С., протоиерей.* Указ. соч. С. 171.

То, какое пренебрежение по отношению к этим идолам высказали все герои повествования, уничижительно называя их «божками», пряча их под верблюжье седло и садясь на них (причем садилась женщина, объявившая, что находится в состоянии нечистоты),— все это ставит под сомнение возможность поклонения этим статуэткам или «богам», изображаемым ими.

Одна опасность миновала Иакова, но впереди ожидала другая — встреча с обиженным и жаждавшим мести братом. Отправив послов к Исаву, дабы его приход не был расценен как вторжение, Иаков получил от них сообщение о том, что Исав лично идет его встречать с четырьмя сотнями вооруженных воинов. Это очень смутило и испугало Иакова, но вернуться на родину ему указано было Богом. У Бога он и стал искать защиты. Здесь Священное Писание впервые приводит слова молитвы. Они таковы: «Боже отца моего Авраама и Боже отца моего Исаака, Господи, сказавший мне: возвратись в землю твою, на родину твою, и Я буду благотворить тебе! Недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему, ибо я с посохом моим перешел этот Иордан, а теперь у меня два стана. Избавь меня от руки брата моего, от руки Исава, ибо я боюсь его, чтобы он, пришедши, не убил меня и матери с детьми. Ты сказал: Я буду благотворить тебе, и сделаю потомство твое, как песок морской, которого не исчислить от множества» (Быт. 32, 9–12). В этих словах видно покаяние и смирение перед волей Божией.

В ту же ночь «боролся Некто с ним (Иаковом), до появления зари. И увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое? И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл, ибо, говорил он, я видел Бога лицем к лицу, и сохранилась душа моя» (Быт. 32, 24–30).

В память и знак об этой встрече Иаков остался хромым на одно бедро. Вскоре Бог еще раз подтвердил, что отныне имя Иакову — Израиль (Быт. 35, 10). Впоследствии все потомство Иакова-Израиля, действительно ставшее весьма многочисленным, получило имя своего родоначальника — Израиль, а люди его стали именоваться израильтянами.

Иаков послал перед собой крупные стада овец, козлов, коров, ослов и верблюдов в дар брату. Затем последовал сам, хромая, и, завидев Исава, на глазах его семь раз, упав, поклонился до земли в знак смирения и покаяния. При такой встрече с братом, окруженным целым домом жен и детей, сердце Исава смягчилось. «И побежал Исав к нему (Иакову) навстречу, и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и плакали оба» (Быт. 33, 4).

Иаков в земле Ханаанской купил обширное поле близ города Сихем, поставил шатер, построил жертвенник Богу, где молился, благодаря Творца. Здесь же он вырыл колодец, который до сих пор носит имя «колодца Иаковлева». Этот колодец поминается и в Новом Завете в связи со встречей у него женщины-самарянки со Христом. Однако трагические события поругания чести дочери Иакова Дины и массовой кровавой мести со стороны ее братьев, сыновей Лии, убивших всех мужчин Сихема за Дину и весь род князя Сихемского, чей сын совершил поругание, вынудили Иакова сняться с этого места и удалиться в Вефиль, а оттуда к Вифлеему. Не дойдя до Вифлеема, при вторых родах умерла любимая жена Иакова Рахиль. Второго ее сына он назвал Вениамином, что значит «сын моей правой руки». Своей правой рукой Иаков почитал Рахиль.

Иаков успел еще застать в живых своего отца Исаака, пребывавшего в дубраве Мамрийской близ Хеврона, который умер ста восьмидесяти лет от роду и был похоронен с честью Иаковом и Исавом. С того момента историческая судьба дома Авраамова сосредотачивается в жизни Иосифа, старшего сына Рахили.

Датировать описанные выше события можно только примерно. Это касается также и последующих событий. Вопрос об их датировке представляет определенную проблему, на наш взгляд, довольно сложную, так как может наложить отпечаток на фактическую сторону излагаемого материала. Дело в том, что:

1) проблема датировок в истории Древнего Востока, как и Древнего мира в целом, в принципе является острой из-за значительной временной удаленности изучаемого исторического периода. Возникают постоянные сложности в привязке определенных исторических событий из-за недостатка письменных и вещественных подтверждений;

2) имеются различные подходы к датированию в отечественной и зарубежной историографии. Один из примеров тому — датирование правления вавилонского царя Хаммурапи. Н. Василиадис приводит три варианта (2250 г. до Р. Х.; 2104–2061 гг. до Р. Х.; между 2000 и 1700 гг. до Р. Х.) только из западной литературы, при этом сам настаивает, как он пишет, на «новой хронологии, принятой у большинства авторов, среди которых и археолог У. Олбрайт», т. е. на 1728–1686 гг. до Р. Х.[1] Однако все это не соответствует принятой в отечественной историографии дате 1792–1750 гг. до Р. Х.;

3) значительно роль, приводящую к существованию разночтений в датировании истории Древнего Востока, играет наличие двух вариантов перевода Священного Писания Ветхого Завета: Септуагинты, принятого среди православно-ориентированных исследователей (как правило, российских и греческих), и массаретского текста, принятого среди протестантов, на который ориентируется большинство западных исследователей. В намного более позднем, чем Септуагинта, подвергшемся исправлениям варианте массаретского текста имеющиеся привязки, позволяющие производить расчеты, значительно сдвинуты во времени.

Мы, опираясь на текст более достоверного перевода первоисточника (перевода семидесяти толковников), старались придерживаться традиционного подхода к датированию событий библейской истории, основанного на сведениях Септуагинты.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 123.

Однако вопрос о датировках, несмотря на его важность, не может быть камнем преткновения, так как сам по себе он не является для нас основным. Главной задачей нашей работы является вовсе не выяснение точности дат, а принципиальное исследование вопроса о достоверности Библии как исторического источника, о степени и характере согласованности ее сведений с данными современной науки. Возвращение должного авторитета традиций, положенных в основание отечественной культуры, ее духовно-нравственной составляющей — вот цель, к которой мы стремимся.

Различные датировки жизни и странствий Авраама колеблются от 2115 до 1700 лет до Р. Х. Поэтому иногда его даже представляют современником царя Хаммурапи. Однако мы более склоняемся к классической датировке, определяющей Аврааму, жившему 175 лет, для его деятельности *примерно* XXI–XX (XX–XIX) века до Р. Х. Соответственно Исааку, жившему 180 лет, — *примерно* XX(XIX)–XVIII, Иакову, жившему 147 лет, — *примерно* XIX–XVIII. Таким образом, современником царя Хаммурапи, известного ныне своим замечательным кодексом законов, был, видимо, именно Иаков.

У сторонников этой датировки есть весомые аргументы:

1. «Археологические раскопки Глюка показали, что действительно имело место временное освоение области пустыни Негев (юго-западные границы Палестины) с XXI по XIX вв. до Р. Х. По археологическим сведениям, эта область не была заселена ни на тысячу лет раньше данных временных границ, ни на восемьсот лет позже. Согласно Священному Писанию Авраам и Исаак вели в этой области пастушескую жизнь (Быт. 20, 1; 24, 62) и иногда сеяли злаки (Быт. 26, 12; 37, 7). Их хозяйственная деятельность в области Негев полностью совпадает с той, какая была характерна для периода 2100–1800 гг. до Р. Х. Факт, что в данном районе постоянно кочевали патриархи, свидетельствует о том, что в те времена в этом месте было достаточно воды и пастбищ, то есть область Негев не была тогда голой пустыней, как ныне (см.: *Kitchen K. A.* Op. cit. P. 49–50)»[1].

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 77–78.

2. В Книге Бытия говорится о том, что сыновья Исаака продали в рабство измаильтянам — купцам мадиамским — своего младшего брата Иосифа (сына Рахили) за двадцать золотых монет (в позднем еврейском тексте — сребреников) (Быт. 37, 28). Это была подлинная цена раба, закрепленная с XVIII в. до Р. Х. законом Хаммурапи. Об этой же цене в XVIII в. до Р. Х. мы знаем и из текстов законов города Мари. Раньше этого времени раб стоил десять-пятнадцать золотых монет. С этого времени благодаря твердым государственным законам эта цена крепко держалась до XVI в. до Р. Х. В XV в. до Р. Х. и позднее она стала увеличиваться и к X в. до Р. Х. поднялась до пятидесяти золотых. В I тысячелетии до Р. Х. она увеличилась до 90 монет, а к его середине до 120 золотых монет. Данными изысканиями специально занимался И. Мендельсон[1].

3. Согласно традиционным для библейской историографии расчетам, произведенным на основании сведений Септуагинты, исход племен Израиля во главе с Моисеем из Египта приходится на время около XVI в. до Р. Х., примерно к периоду с 1610 по 1571 гг. до Р. Х. Если учесть, что пребывание израильтян, как утверждает перевод семидесяти, в Египте и Ханаане всего длилось 430 лет (Исх. 12, 40), причем сначала в Ханаане 215 лет, а затем в Египте 215 лет, то переселение в Египет Иакова и его рода приходится примерно на период 1825–1786 гг. до Р. Х. Если учесть, что Иаков жил 147 лет и их них 17 — в Египте, то время его жизни приходится примерно на период 1955 (1916) –1808 (1769) гг. до Р. Х.

Если принять во внимание позицию современных западных и большей части советских историографов, полагающих, что исход из Египта состоялся в XIII в. до Р. Х., то, учитывая утверждения массаретского текста о том, что израильтяне только в Египте находились 430 лет (половину в свободном и половину в рабском состоянии), все равно выходим примерно на ту же дату переселения в Египет и жизни Иакова и других патриархов.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 79.

Древний Израиль и Египет

1. Иосиф Праведный

Русский народ очень глубоко и живо воспринял и творчески пережил историю некоторых ветхозаветных героев, таких как царь и пророк Давид, нареченный Прекрасным, или царь Соломон, получивший в русском фольклоре имя Премудрого. Народная традиция сделала их героями песен, стихов, былин, сказок... Одним из любимых на Руси святых стал Иосиф Праведный, сын Иакова, внук Исаака, правнук Авраама.

Как мы уже знаем, Иосиф родился от любимой жены Иакова Рахили, когда оба родителя находились в пожилом возрасте. Иаков уже имел десять сыновей и дочь от первой жены Лии и двух служанок своих жен, которых те дали ему по закону Месопотамии. Иосиф был одиннадцатым сыном и двенадцатым ребенком в семье.

Отец очень любил его, баловал вниманием и всегда держал при себе, видя в нем долгожданное потомство Рахили. Было заметно, что сердце Иакова склоняется к тому, чтобы именно Иосифу передать благословение первородства, дарующего духовную силу и позволяющего исполнять роль патриарха — главы рода. Тем более это было возможно, что старший среди сыновей Иакова Рувим осквернил ложе отца, согрешив с одной из его служанок, данной Иакову женой в восприятие рода (для чадородия), за что и лишился своего естественного права на первородство. Другие же братья вопреки воле отца совершили кровавую месть, истребив мужчин целого селения, среди которых виновным был только один. Однако и тот покаялся и желал исправиться. Вслед за ним свое почтение к Иакову и закону Аврамову выразили и все жители этого селения, совершив обрезание. Таким образом, Иаков не мог кого-то из сыновей — ослушников и мстителей поставить во главе рода.

Иосиф подрастал, становился все более смышлен, обладая живым и гибким умом. Он был всегда при отце, в то время как другие братья пасли стада и присматривали за пастухами

в полях. Это послужило источником их неприязни к младшему брату, выделяемому Иаковом из общей среды. Иногда Иосиф относил братьям пищу в поле и, возвращаясь, простодушно и по-детски рассказывал о различных их неблаговидных поступках и грубых выходках. Вместе с тем такое внимание со стороны отца сделало самого Иосифа в его юности несколько заносчивым, что еще более раздражало старших братьев. Иаков окружил Иосифа еще большей заботой после смерти Рахили, наступившей во время ее вторых родов, когда появился на свет самый младший из сыновей Иакова Вениамин.

Однажды Иаков подарил Иосифу красивый халат. Он «открыто показывал свою особенную любовь к Иосифу и сделал ему особую „разноцветную одежду“, длинную и, быть может, из лучших египетских материй. На Востоке, где неизменно сохраняются вековые обычаи, любимых детей и теперь одевают так же. Одежда шьется из материй разных цветов, которые получают изящные сочетания — по предписаниям моды и вкуса. Такая одежда, вместе с тем, могла служить знаком того, что Иаков предполагал сделать Иосифа наследником всего своего имущества, особенно ввиду того, что старшие братья нанесли ему страшное бесчестие»[1].

Священное Писание повествует о том, как однажды Иосиф видел сон: он с братьями был в поле и вязал снопы. И вот его сноп встал посередине прямо, а снопы братьев окружили его сноп и поклонились ему. В другой раз Иосиф видел во сне, как солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились ему. Когда он поведал о своих снах, отец тут же заметил, что сны эти немудрено разгадать: «Что это за сны? Неужели я, и твоя мать, и братья придем поклониться тебе до земли?» (Быт. 37, 6–10). Братья раздосадовались и обиделись на Иосифа. Но сам Иаков запомнил то, что сказал ему младший сын о своих снах, хотя и мудро постарался осадить его тщеславие.

Однажды Иаков послал Иосифа в поле навестить братьев. Завидев его, они решили: «Вот идет сновидец. Пойдем теперь и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем,

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 60.

что хищный зверь съел его. И увидим, что будет из его снов» (Быт. 37, 19–20). Рувим, видимо, испытывая муки совести от своего преступления против отца и надеясь услужить ему тем, что спасет Иосифа, стал говорить: «Не проливайте крови. Бросьте его в ров, который в пустыне» (Быт. 37, 22). Братья схватили Иосифа, сняли с него разноцветную одежду и бросили его в колодец, а затем продали за двадцать монет измаильтянам — купцам, идущим в Египет. Взяли одежду брата, изорвали ее и измазали кровью козленка, сказав отцу, что дикий зверь разорвал Иосифа. Горе Иакова было безмерно.

Иосиф же был приведен в Египет и продан там Пентефрию (Потифару) — начальнику стражи фараона (Быт. 37, 28–36).

Н. Василиадис писал: «Иосиф был далеко не единственным азиатским семитом, проданным в Египет около 1700 г. до Р. Х. (Быт. 37, 36; 39, 1). Один из древних папирусов, хранящийся в Бруклинском музее, содержит список из 79 рабов некоего влиятельного египетского вельможи, из которых 40 происходили из Азии и имели семитские имена (см.: *Thompson J. A.* Op. cit. P. 44–45). Из древнеегипетских документов известно также, что рабов из Сирии египтяне покупали по высоким ценам. Слово *канаму* (или *хананей*) было синонимом слову *раб* в древнеегипетских документах (*Free J. P.* Op. cit. P. 74)»[1].

Спустя время, благодаря дарованиям ума, смирению характера и поразительной честности, которая была в нем исключительно из-за искренней веры в Единого Бога и соблюдения отцовских заветов и наставлений, молодой раб стал управляющим всем имуществом Пентефрия: всем его домом, всеми рабами, слугами и скотом. При Иосифе умножились стада Пентефрия и окрепло его благосостояние.

Но Бог решил через новое испытание и скорби еще более возвысить Иосифа. На него обратила внимание жена Пентефрия, которая стала домогаться Иосифа, не знавшего женщин. Тот избегал ее, осознавая греховность подобного действия. Однажды она, не получив желаемого, сорвала

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 91.

с Иосифа плащ, подняла крик и обвинила его в том, что он якобы пытался сотворить насилие над ней. Иосиф оказался в тюрьме, где пребывали в это время главный виночерпий и главный хлебодар фараона.

Согласно данным археологии среди египетских царедворцев во времена Иосифа были должности виночерпия и хлебодара, а также существовали должности управляющих хозяйством в домах египетских вельмож[1]. Кроме того, раскопки в Телль-эль-Амарне (Центральный Египет) показали, что хозяйственные помещения находились в задней части жилых домов, и для того чтобы в них попасть, нужно было пройти через центральную часть дома, что и делал Иосиф и что давало возможность жене Пентефрия каждый день домогаться его, как это описано в Книге Бытия (Быт. 39, 1–20)[2].

Многочисленные археологические исследования указывают на то, что в XVIII–XVII вв. до Р. Х. в Египте уже существовали крупные тюрьмы, в одной из которых, видимо, и находился Иосиф. Немецкий египтолог Эберс отождествил место заключения Иосифа с крепостью города Мемфис, носившей название «Белая стена» и имевшей круглые башни. В еврейском тексте Библии темница Иосифа обозначена словом sohar, что означает «круглый дом». Вероятно, это была одна из крупных башен крепости[3]. А. Яхуда приводит египетское слово, похожее на sohar и нередко встречающееся в надписях. Этим словом обозначалась крепость-тюрьма, расположенная у границы с Палестиной. В ней содержались важные преступники и высокопоставленные лица, обвиненные в злоупотреблениях. Яхуда допускает, что именно в этой тюрьме содержался Иосиф (см.: *Yahuda A. S.* The Language of the Pentateuch In Its. Relation to Egyptian; *Free J. P.* Op. cit. P. 75)[4].

Виночерпий и хлебодар видели сны. Виночерпию приснилось, что он собрал с трех виноградных лоз ягоды, выжал сок в чашу и подал фараону. Хлебодар же видел, будто он нес

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 91.
[2] Там же. С. 92.
[3] Там же. С. 92.
[4] Там же. С. 93.

на голове три корзины с хлебом, и птицы прилетели и клевали из них. Иосиф, толкуя сны, предсказал через три дня возвращение виночерпия ко двору и казнь хлебодара. Все исполнилось по слову Иосифа.

«На третий день, день рождения фараонова, сделал он пир для всех слуг своих и вспомнил о главном виночерпии и главном хлебодаре, среди слуг своих. И возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараону. А главного хлебодара повесил, как истолковал им Иосиф» (Быт. 40, 20–22).

Дж. Э. Райт отмечал: «Египетский колорит в „истории Пребывания (в Египте)“ очень ярок, что свидетельствует о хорошем знакомстве ее авторов с Египтом. Египтяне действительно придавали большое значение снам и их толкованиям. Должность, на которую Потифар поставил Иосифа (Быт. 39, 5), именуется точно так же, как и в Египте. Должности „главного виночерпия“ и „главного хлебодара“ упоминаются и в египетских текстах. В день рождения фараона устраивался пир и, возможно, отпускались на свободу заключенные (Быт. 40, 20 и далее)»[1].

Через два года фараон увидел в одну ночь два особенных сна. Ему приснилось, что на берег реки из воды вышли семь тучных коров, а за ними семь тощих коров и тощие съели тучных. Затем ему приснилось, что на одном стебле выросли семь полных колосьев, а после семь сухих, которые поглотили полные колосья. Никто не мог истолковать сны. Тут виночерпий и вспомнил Иосифа, сказав о нем фараону.

Представ перед владыкой Египта, Иосиф истолковал сны, обратив внимание, что сделал он это не от себя и не с помощью магии, что было весьма распространено в Египте, но лишь передал то, что ему открыл Бог, в которого он верует. Семь тучных коров и полных колосьев — это семь плодородных и урожайных лет в земле Египетской. Семь же тощих коров и сухих колосьев — это семь неурожайных и голодных лет, в которые будет съедено все, что уродится и будет собрано до того. Так истолковал сны фараона Иосиф и тут же предложил в предстоящие годы изобилия пополнить государственные запасы, отделяя для этого пятую часть всего, что уродится. Тогда фараон сможет не только уберечь свой народ и свою страну от гибели, но и получить большую прибыль от продажи хлеба тем, кто придет за ним из других стран.

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 81–82.

Фараон был потрясен ясностью толкований Иосифа и его словом о Едином Боге. «И сказал фараон слугам своим: найдем ли мы такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий? И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты. Ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя» (Быт. 41, 37–40).

По данному поводу Н. Василиадис писал следующее: «Некоторые исследователи высказывают сомнения по поводу возможности назначения Иосифа на столь высокую должность, какую, согласно Священному Писанию, предоставил ему фараон. Однако и этот вопрос освещен археологической наукой. Прежде всего необходимо отметить, что упомянутые в Священном Писании высокие титулы, которые даны были Иосифу, исключительно египетского происхождения. Обращает на себя внимание следующая фраза фараона: „*Ты будешь* господином *над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой*“ (Быт. 41, 40). Иосиф стал *отцом фараону и господином во всем доме его, и владыкою во всей земли Египетской* (Быт. 45, 8). Иосиф занимал пост наподобие премьер-министра Древнего Египта, хотя в действительности его должность была более высокой, он занимал второе после фараона место в государственной иерархии (см.: *Thompson J. A.* Op. cit. P. 45). <...>

Возможно ли, чтобы хананейский раб вроде Иосифа был удостоен столь высоких должностей. Вне всякого сомнения, Бог покровительствовал Иосифу; вместе с тем и археологическая наука подтверждает, что это не было чем-то невозможным. Данные археологических раскопок в Египте свидетельствуют, что чужеземцы, среди которых были и хананеи, на протяжении всего исторического периода существования Древнего Египта неоднократно выдвигались на высшие должности. А. Эрман

утверждал, что „среди придворных чинов нередко встречались чужеземцы, которые, возможно, были рабами“. Один из таких хананеев был „главным глашатаем Его Величества“ и при дворе носил египетское имя „Рамзес храма Ре“ (см.: *Erman A.* Life in Ancient Egypt; *Free J. P.* Op. cit. P. 76).

Это свидетельство перекликается с тем, что сказано в Книге Бытия, а именно, что фараон дал Иосифу египетское имя Цафнаф-панеах (Быт. 41, 45), что означает „дающий пищу народу“, или „спаситель народа“, или „основоположник жизни“, или „владеющий тайным знанием и открывающий сокровенное“. Другой хананей, по имени Дуду, также достиг высокого положения при дворе египетского фараона, о чем свидетельствует дошедшее до нас благодаря археологии послание, которое направил ему какой-то аморей. Еще один хананей — Мери-Ра — стал адъютантом фараона. Должности, схожей с Иосифовой, удалось добиться хананею Янгхаму. Он был уполномоченным фараона в одной из египетских провинций, которая была житницей Древнего Египта. Кроме того, археолог Уильям Ф. Олбрайт в результате проведенных раскопок обнаружил свидетельства, указывающие на то, что Иосиф был не единственным семитом, назначенным фараоном премьер-министром: некий семит, носящий явно древнееврейское имя Хур, занимал в XVII в. до Р. Х. то же место, что и Иосиф (см.: *Free J. P.* Op. cit. P. 76–77). Таким образом, археологическая наука предоставляет целый ряд доказательств, подтверждающих, что назначение Иосифа на столь высокий и ответственный пост в Египте было вполне возможным»[1].

Мнение Дж. Э. Райта подтверждает и уточняет то, о чем писал Н. Василиадис: «Существует немало текстов и изображений, позволяющих лучше понять то положение, которое Иосиф занимал в Египте. Судя по этим источникам, Иосиф совмещал две должности „правителя“, или руководителя правительства, и „начальника зернохранилищ“. Правитель являлся чем-то вроде министра внутренних дел и руководителя государства, который, возможно, порой руководил и религиозными церемониями. Начальник же зернохранилищ должен был обеспечить создание запаса зерна, которым, в конечном итоге, определялось богатство и стабильность Египта, и на торжественном приеме у фараона „дать отчет об урожае“. Если последний оказывался „лучшим урожаем тридцатилетия“, чиновник помазывался и награждался ожерельем»[1].

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 83.

Заслуживает внимания и сама церемония поставления Иосифа на высокую должность: «И снял фараон перстень свой с руки своей, и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему. Велел везти его на второй из его колесниц и провозглашать пред ним: преклоняйтесь! И поставил его над всею землею Египетскою... И нарек фараон Иосифу имя: Цафнаф-панеах; и дал ему в жены Асенефу, дочь Потифера, жреца Илиопольского. И пошел Иосиф по земле Египетской» (Быт. 41, 42–45).

«Эта церемония нашла отражение в настенной росписи и рельефах Древнего Египта. Дошедшая до нас замечательная табличка изображает, как египетский фараон подобным образом воздает почести некоему мужу; она датируется временем правления фараона Сети I (1308–1209 гг. до Р. Х.)»[2].

Кроме того, профессор египтологии из Ливерпуля Т. Эрик Пит и Г. А. Бартон подтверждают историческую достоверность существования в этот период в Египте таких имен, как Асенеф, бывшего у супруги Иосифа, женившегося, став царедворцем, и Пентефрий — имя ее отца (Быт. 41, 45) (см.: *Free J. P.* Op. cit. P. 45)[3].

«Отметим то обстоятельство, — писал Н. Василиадис, — что древнеегипетские слова и имена (такие, как Пентефрий, Асенеф), упоминаемые в этих главах Священного Писания и отсутствующие в других его книгах, свидетельствуют о том, что тот, кто записал эти имена и исторические события, жил в Древнем Египте и хорошо его знал. Никакой книжник времен Ездры, живший в Вавилоне или Иудее, не был в состоянии описать все это с такой точностью и настолько подробно. Подобные обычаи и исто-

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 83.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 95.
[3] Там же. С. 83.

рические факты присущи только для Египта, они имели место в то время, когда здесь жили израильтяне. А записал эти исторические события в книгах Бытие и Исход боговидец Моисей»[1].

Кроме того, в результате археологических раскопок на территории Египта были найдены многочисленные остатки хранилищ зерна. Голодные годы случались и ранее, и позднее XVIII вв. до Р. Х., документальные свидетельства о которых сохранились. Так, в 2700 г. до Р. Х. во время правления фараона Джосера истощались все запасы, раздаваемые голодающим. Надпись XVI в. до Р. Х. гласит от имени сановника Беби: «Когда много лет был голод, то каждый голодный год я поставлял зерно в свой город»[2]. Таким образом, свидетельства Священного Писания о приказах по сбору зерна (Быт. 41, 33–36 и 47–49) в полной мере соответствуют тому, что в подобных случаях происходило в Египте.

И вот, действительно, произошло так, как сказал Иосиф. Прошли семь урожайных лет, и наступил период засухи и голода. Засуха же была сильна и в Ханаане, откуда в Египет потекли как небольшие караваны, так и целые патриархальные семьи кочевников и полукочевников в поисках пропитания и лучших условий жизни.

Так было всегда, когда случались голодные годы. Вспомним путешествие Авраама. Кроме того, например, «один из папирусов, обнаруженных в результате археологических раскопок, содержит донесение египетского офицера, пограничного стража времени правления фараона Сети II (около 1210 г. до Р. Х.), о некоем эдомитянине, то есть жителе области Эдом, по имени Бэду, которому в период голода было дано разрешение перейти границу. Донесение гласит: „Мы позволили перейти кочевникам-эдомитянам через караульную заставу Менефта... в Феку до болот Пифом Менефты... чтобы они и их стада находились во владениях фараона... “ Египтологи отмечают, что подобные инциденты происходили и раньше... это было довольно обычным явлением на протяжении веков»[3].

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 98.
[2] Там же. С. 96.
[3] Там же. С. 97.

Иаков, узнав, что в Египте есть хлеб, был вынужден, снабдив сыновей деньгами, послать их туда для его покупки. Десять братьев, кроме младшего Вениамина, который и внешностью и характером был похож на Иосифа, пошли в Египет (Быт. 42, 1–3). Когда они достигли Египта, то, как и все иноземные покупатели, предстали перед Иосифом, который узнал их и невольно вспомнил сны своего детства. Они же не узнали в высоком сановнике своего несчастного брата. Иосиф, однако, не увидел среди них Вениамина и, осторожно выяснив, что с ним все в порядке, обвинил гостей в шпионаже. Якобы для того, чтобы удостовериться в их честности, он арестовал одного из братьев (Симеона), сделав его заложником. Остальных отпустил, позволив купить хлеба, но поставив условие, что вскоре же они вернутся за Симеоном вместе с самым младшим братом, Вениамином. «И говорили они друг другу: точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали; за то и постигло нас горе сие. Рувим отвечал им и сказал: не говорил ли я вам: не грешите против отрока? Но вы не послушались; вот кровь его взыскивается. А того не знали они, что Иосиф понимает (речь их) ... И отошел (он) от них, и заплакал» (Быт. 42, 21–24).

Иаков, оплакивая Симеона, не хотел отпускать Вениамина с братьями, боясь потерять того, кто заменил ему Иосифа. Но голод столь усилился, что Иаков уступил. Через год братья снова прибыли в Египет вместе с Вениамином. Они были прекрасно приняты в доме Иосифа, наделены хлебом и отправились в обратный путь. Симеон возвращался с ними. Но едва братья отошли от города, как их догнала стража и стала обыскивать. В мешке Вениамина оказалась спрятана серебряная чаша Иосифа, которую тот приказал тайно положить в мешок младшего брата. Снова арест и объяснения. Иосиф объявил о своем решении оставить у себя Вениамина в качестве раба, ибо именно в его мешке была найдена чаша. На самом деле он возжелал иметь при себе своего младшего брата, сына своей матери. Остальным же он позволил идти домой, забрав с собой все, что им было дано.

Но случилось то, что направило события по другому сценарию. Иуда, тот самый из братьев, который наиболее активно участвовал в деле мести Иосифу, попросил слово и стал рассказывать историю своего отца, который уже однажды потерял любимого сына. «Вы знаете, что жена моя родила мне двух сынов. Один пошел от меня, и я сказал: верно он растерзан; и я не видел его доныне. Если и сего [Вениамина] возьмете от глаз моих, и случится с ним несчастье, то сведете вы седину мою с горестию во гроб»,—так сказал их отец, провожая сыновей в Египет. «Теперь если я пойду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока, с душею которого связана душа его, то он... умрет... —продолжал говорить Иуда.—При том я, раб твой, взялся отвечать за отрока отцу моему, сказав: если не приведу его к тебе, то останусь я виновным перед отцем моим во все дни жизни. Итак, пусть я, раб твой, вместо отрока останусь рабом у господина моего, а отрок пусть идет с братьями своими. Ибо как пойду я к отцу моему, когда отрока не будет со мною? Я увидел бы бедствие, которое постигло бы отца моего» (Быт. 44, 27–34).

История Иосифа, описанная в Библии, полна подлинного, не надуманного психологизма. Обычным для мифов и легенд является придание героям неизменных характеристик. Кто-то плох, кто-то хорош. Положительные и отрицательные герои четко обозначены. В библейском повествовании действуют люди со своими сложными характерами, динамика которых не выдумана, сложна, но вместе с тем показана просто, без излишеств, которые всегда чужды Священному Писанию. Братья Иосифа, совершившие преступление и пережившие однажды горе отца, мучимые совестью и прошедшие определенный жизненный путь, сами ставшие отцами и познавшие отцовские чувства, переоценили свои поступки, посмотрели на них с другой стороны. Библия не говорит, что братья плохие, но говорит об их плохих поступках. Переживание того предательства, которое они совершили, и горя, которое они принесли отцу своему, позволило им теперь желать лучше самим стать рабами, чем повторить грех. Причем они ясно осознали, за что им выпало такое испытание.

Иосиф—это тоже сложный характер. Он был любимчиком и баловнем, что делало его несколько заносчивым и самоуверенным юношей. Это в нем замечал и отец, который поверил в истинность смысла снов Иосифа, но своим ответом попытался смирить тщеславие сына, которое могло быть вызвано видением. Беды и испытания смирили гордыню Иосифа. Его характер, как алмаз, приобрел должную огранку, став бриллиантом. Теперь, познавший свою немощь и всемогущество Бога, он с верой в Творца мог занять столь высокое место, что, во исполнение пророчества, ему поклонились все его братья, и предстояло поклониться даже отцу. Но теперь это поклонение самому Иосифу было не нужно, это было нужно его семье, которую он обретал вновь. Не гордыня Иосифа тешилась ныне, не удовлетворение в воздаянии за нанесенные обиды испытывал он, но радость обретения семьи, любимого отца и братьев, которые некогда были врагами его, а ныне готовы стать друзьями, ибо и он и они преобразились и стали другими.

Иосиф более не в силах был скрываться и закричал: «Удалите от меня всех! И не оставалось при Иосифе никого (из слуг его), когда он открылся братьям своим. И громко зарыдал он... и сказал Иосиф братьям своим: Я Иосиф, жив ли еще отец мой? Но братья его не могли отвечать ему, потому что они смутились перед ним» (Быт. 45, 1–3). Теперь уже Иосиф утешал братьев, говоря им: «Не печальтесь и не жалейте о том, что вы продали меня сюда, потому что Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни. Ибо теперь два года голода на земле: еще пять лет, в которые ни орать, ни жать не будут... Итак не вы послали меня сюда, но Бог, который и поставил меня отцом фараону и господином во всем доме его, и владыкою во всей земле Египетской» (Быт. 45, 5–8).

Иосиф просил братьев передать отцу приглашение переселиться со всем своим домом в Египет, в плодородную землю Гесем, что в дельте Нила. Фараон одобрил намерение Иосифа и выделил колесницы для доставки Иакова и его семейства в пределы Египта. С большими подарками и колесницами возвратились братья к своему отцу, который сначала, смутившись, не поверил, что сын его жив, но, выслушав их рассказ до кон-

ца, решил принести благодарственную жертву Богу, для чего отправился в Вирсавию. Здесь, после жертвоприношения, Бог возвестил ему Свое благословение на переселение, и Иаков со всем родом своим, всем скотом и имуществом двинулся в Египет, в землю Гесем. Всего же к тому времени род Иакова насчитывал свыше восьмидесяти человек (Быт. 45; 46).

Иакову было сто тридцать лет, когда состоялось переселение. Спустя семнадцать лет Иаков умер, благословив каждого из сыновей. Но Иосифу дал благословение особое как старшему в роду. Теперь никто из братьев этому благословению не противился. Иосиф, исполняя волю отца, лично похоронил его в земле Ханаанской в гробнице Авраама и Исаака (Быт. 50). Род же Иакова-Израиля на двести лет стал жителем долины дельты Нила.

Исходя из принятой нами хронологии событий, переселение Израиля в Египет произошло примерно между 1825 и 1786 гг. до Р. Х. Не менее чем за двадвать два года до того в Египте оказался Иосиф[1]. Таким образом, описанные события должны были произойти во времена правления XV и XVI династий египетских фараонов. Эти династии и их правление являются особой вехой в истории Египта. В XIX–XVIII вв. до Р. Х. усилилось проникновение в Египет кочевых племен. Сначала оно было мирным и регулируемым со стороны египетских властей. Но вскоре это проникновение обернулось покорением Нижнего Египта.

Приведем цитату В. И. Авдиева из учебника «История Древнего Востока», в которой дан краткий обзор политического состояния Египта на то время: «В конце Среднего Царства, в XVIII в. до н. э., в Египет вторгаются иноземные азиатские племена, так называемые *гиксосы*. Поздняя историческая традиция, сохранившаяся у античных авторов, объясняет это племенное название как искажение египетских слов „правители пастухов“. Имеются основания предполагать, что название „гиксосы“ действительно восходит к каким-то египетским словам, может быть, к словам „правители пустынных стран“ („хекау хасут“). Так, очевидно, называли египтяне правителей кочевых азиатских племен, живших к северо-востоку от Египта.

[1] Иосиф был продан в рабство в 17 лет; в 30 лет он был поставлен правителем Египта; до встречи с братьями и переселения Иакова еще остаются семь урожайных и два голодных года — итого 22 года.

Вторжение в Египет гиксосов и завоевание ими его северной части было довольно длительным процессом. Воспользовавшись внутренней слабостью Египта, острой социальной борьбой и распадом государства на ряд мелких самостоятельных княжеств, среди которых выделялись лишь Фивы, где укрепилась династия „царей юга“, азиатские племена стали постепенно проникать в Дельту и захватывать там пастбища. Отряды азиатских воинов поступали на службу к мелким царькам Нижнего Египта, образуя основу их военных сил. Вслед за мирным проникновением произошло военное вторжение. Ослабленный внутренними междоусобицами, Северный Египет стал добычей гиксосов. Античная традиция сохранила всего шесть имен гиксосских царей, в египетских памятниках этого времени упоминается значительно большее количество царских имен этого смутного периода, однако скудность документальных данных все еще не позволяет дать хотя бы общий очерк этого времени. Судя по именам гиксосских царей, гиксосы представляли собой сложный конгломерат племен, в состав которого, в частности, входили семитские, хурритские и другие племена. Гиксосы укрепились в Северном Египте, где они построили в восточной части Дельты, может быть, на месте позднейшего Таниса, свой главный город Аварис. Очевидно, название Аварис соответствует египетскому названию „Хат-Уарит“, которое встречается в надписях гиксосских царей, а также в папирусе Саллье I в качестве города, посвященного богу пустынь и иноземных стран Сэту. Возможно, что этому богу, которого египтяне считали убийцей Озириса, поклонялись гиксосы.

Среди гиксосских царей видное место занимал Хиан. На многочисленных печатях Хиана сохранились его титулы — „правитель иноземных стран“, „благой правитель“, „благой бог“, которые указывают на постепенную замену иноземных титулов традиционными титулами египетских фараонов. Имя Хиана было обнаружено на различных памятниках, найден-

ных на территории как Нижнего, так и Верхнего Египта. На некоторое расширение торговли в эту эпоху указывают находки египетских вещей с именем Хиан за пределами Нильской долины, в Сирии и даже на Крите. Очевидно, время царствования Хиана было временем наибольшего усиления гиксосских царей, правивших в Египте»[1].

Дж. Э. Райт о столице гиксосов писал следующее: «Столица гиксосов Аварис, вероятно, находилась на месте нынешнего местечка Сан-эль-Хагар в дельте Нила, которое, как считается, сначала именовалось Аварисом (до 1500 г. до Р. Х.), затем Рамсесом (1300–1100 гг. до Р. Х.) и, наконец, Танисом или Цоаном (после 1100 г. до Р. Х.). Были открыты некоторые укрепления гиксосов, а также, что представляется особенно важным, *стела*, или монумент, сооруженный при Рамсесе II в память о 400-летней годовщине основания города гиксосским правителем. Поскольку стела эта была возведена в 1320–1300 гг. до Р. Х., город был основан в 1720–1700 гг. до Р. Х.»[2].

«С большой степенью вероятности можно утверждать, что египетский фараон, благоволивший Иосифу, принадлежал к династии гиксосов,— писал Н. Василиадис,— ... Гиксосы господствовали в стране Нила около 150 лет (1720–1580 (1570) гг. или 1750–1600 (1550) гг. до Р. Х.) и основали в Египте 15-ю и 16-ю династии. В это же время в Фивах продолжали оставаться египетские правители, однако они подчинялись власти гиксосов <...> В конце концов египетские правители восстали против господства гиксосов и снова стали хозяевами своей страны. Несмотря на то, что нам в подробностях известна история Древнего Египта, тем не менее, дошедшие до нас египетские документы не предоставляют никаких свидетельств о жизни и пребывании Иосифа на территории Египта. Египтологи пока не обнаружили ни археологических памятников, ни письменных источников той эпохи. История страны Нила в период с 1750 г. и вплоть до 1550 г. до Р. Х. окутана мраком. Что же произошло? <...>

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 191–192.
[2] *Райт Дж.Э.* Указ. соч. С. 87.

Правление династии гиксосов—„чужеземных царей“, как их называли сами египтяне, надолго осталось в памяти народа Египта. И не только из-за того, что те прошли с огнем и мечом по Египту, но еще и потому, что семиты-гиксосы возводили чужеземцев (своих соплеменников) на высшие должности в управлении Египтом и подвергали гнету коренное население. Память о материальной и культурной катастрофе, постигшей страну Нила, и о притеснениях населявшего ее народа надолго осталась в сознании египтян, как свидетельствует о том яркое описание тех событий египетским историком Манефоном (см.: *Keller W.H.* Βίβλος... Σ. 125–126).

По причине того, что этот период в истории страны был тяжелым, едва только египтяне освободились от владычества династии гиксосов, они стали систематически уничтожать все следы, указывавшие на пребывание „чужеземных царей“ на их земле. Особые усилия по искоренению следов пребывания гиксосов в Египте приложили фараоны 18-й династии—касалось ли это письменных источников, построек или каких-либо других памятников культуры. Именно это, по мнению египтологов, и привело к отсутствию прямых свидетельств, подтверждающих факт пребывания Иосифа и израильтян в Египте (см.: *Thompson J.A.* Op. cit. P. 40; *Keller W.H.* Βίβλος... Σ. 126; *Charlier C.* Op. cit. P. 78).

Однако, несмотря на суровое обращение гиксосов с египтянами, они тем не менее привнесли в Египет некоторые полезные новшества. В качестве правителей одного из обширнейших государств, которое простиралось от границ Северной Сирии до границ Нижнего Египта, гиксосы поддерживали торговые отношения со всеми странами Ближнего Востока. Общепризнанным сегодня стало то, что благодаря гиксосам в Египте появились лошади, боевые колесницы, новые типы сабель и мечей, мощные азиатские луки, они познакомили египтян с новыми типами крепостных сооружений; особенно впечатляющими были укрепления, за которыми укрывались боевые колесницы»[1].

[1] *Василиади Н.* Указ. соч. С. 87–90.

Таким образом, упоминание в библейском тексте о том, что Иосиф вступил на вторую колесницу фараона, т. е. занял наиболее почетное после фараона место в иерархии власти, указывает на то, что это происходило в период правления гиксосов, ведь именно с приходом гиксосов в Египте появились боевые колесницы, так что до нашествия азиатов подобного обычая в египетских церемониалах существовать не могло[1].

Вместе с тем, что следы правления гиксосов систематически и тщательно уничтожались, найдено место, в котором находилась небольшая усадьба, останки которой были обнаружены недалеко от Авариса-Раамсеса. Археолог М. Биетак предположил, что эта усадьба, построенная в XVIII в. до Р. Х., могла принадлежать Иосифу или кому-либо из его семейства. Ее планировка напоминает планировку палестинских жилых домов II тыс. до Р. Х., а 20 % найденной на ее территории керамики аналогичны палестинской керамике. В половине мужских погребений могильника, найденного неподалеку от усадьбы, обнаружены образцы палестинского вооружения (бронзовые наконечники копий, боевые топоры, кинжалы). В 80 метрах от усадьбы обнаружена особая гробница, принадлежавшая высокопоставленному египетскому чиновнику азиатского происхождения. Гробница еще в древности была разграблена, мумия погребенного отсутствует, но сохранились обломки крупной, в полтора человеческих роста статуи, изображавшей азиата с типичной для жителей Ханаана грибовидной прической, как их традиционно изображали в Египте. Археологи полагают, что статуя была разбита преднамеренно. На обломке плеча статуи, видимо разорителями гробницы, поставлен знак — «чужеземец»[2]. Мумифицированное тело Иосифа, умершего в возрасте 110 лет, по его завещанию во время Исхода из Египта было вынесено Моисеем в Землю Обетованную (Исх. 13, 19).

Кроме того, интересна история с покупкой Иосифом всей земли египетской для фараона, когда за хлеб во время голода население было вынуждено отдать в казну сначала все денежные накопления, затем скот, а затем свои земли и даже себя в качестве государственных рабов (Быт. 47, 13–21). Однако земли храмов и жрецов не были тронуты, так как обладали правом защиты их суверенитета и покровительства от самого фараона (Быт. 47, 22). Все это свидетельствует о той социальной действительности, которая открылась исследователям, утверждающим, что в XVIII–XVII вв. до Р. Х. развернулась борьба между номархами (крупными землевладельцами, чьи предки получили земли в наследственное владение от фараонов за государственную службу в качестве наместников) и фараонами, отстаивавшими свое право единовластных владык всей земли Египта. Фараоны гиксосских династий активно включились в эту борьбу и произвели настоящую социальную революцию, вырвав власть у знатных местных вельмож и оставив в наследство фараонам XVIII династии, изгнавшим гиксосов из Египта, земли, находившиеся исключительно в ведении государственных чиновников, население которых являлось рабами фараона, т. е. государственными рабами[1].

Столь подробно на рассмотрении периода правления гиксосов в Египте мы остановились потому, что в Библии показано весьма благосклонное отношение египетского фараона к семитам-пастухам (Иосифу, Иакову и его семье), в то время как «всякий пастух овец» являлся «мерзостью для египтян» (Быт. 43, 32; 46, 34). По мнению египтологов, это обстоятельство служит подтверждением того, что переселение Иакова в Египет пришлось на период правления азиатских завоевателей, часть которых принадлежала к семитским племенам, населявшим Ханаан и Сирию.

Кроме того, наименование «гиксос» специалисты переводят как «правители пастухов» или «цари-пастухи». Как передает Иосиф Флавий, «гик» означает «царь», а «сос» — «пастух»[2]. Имена, выгравированные на амулетах, имевших вид священных жуков-скарабеев, дошедших от периода правления гиксосов, по большей части являются семитскими[3]. Следовательно,

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 95–96.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 85–86.

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 185, 222–224; *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 89.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 89.
[3] Там же. С. 88–89.

велика вероятность того, что и сам фараон, правивший тогда, имел семитское происхождение, чем легко объясняется и возвышение Иосифа, проявившего определенные качества, и поселение семьи Иакова в плодороднейшей местности северного Египта, и назначение фараоном некоторых из братьев Иосифа (сыновей Иакова) на должности смотрителей весьма увеличивавшихся стад фараона, т. е. управляющих государственным животноводством (Быт. 47, 6). Но более всего во всей этой истории потрясающе проявляется промысел Божий о том народе, который Творец обещал Аврааму произвести от него. Вспомним откровение Божие этому праведнику о четырехсотлетнем пребывании его потомков в качестве пришельцев «в земле не своей» (Быт. 15, 13), чему и было положено начало переселением Иакова-Израиля в Египет.

2. Пребывание Израиля в Египте

Земля в дельте Нила, где поселилась семья Иакова, в Священном Писании названа «Гесем». Кроме Библии, ни один источник не указывает на это название. Предположительно, этим словом индоиранцы обозначали «пастбища», а гиксосы, заимствовав это слово, принесли его в Египет, обозначив им место в районе современного Вади-Тумилата в восточной части дельты, изобилующее прекрасными пастбищами[1].

Однако семье Иакова, как и другим азиатским переселенцам, в Египте, видимо, приходилось играть определенную политическую роль. Они должны были служить опорой чужеземной династии фараонов, которой себя противопоставила коренная местная знать и правители Фив, находившихся на достаточном удалении от Авариса (Раамсеса), чтобы сохранять сначала относительную, а затем все усиливавшуюся независимость и могущество. Благодаря такому политическому положению, переселенцы получали большие льготы от правителей Нижнего Египта. Не стоит думать, что для большинства народа правление гиксосов было более тяжким, чем правление предыдущих или последующих природных египетских династий. Положение простых людей в Египте всегда было нелегким. Они партиями отправлялись на рудники и в каменоломни, на строительство пирамид, дворцов, городов, каналов, исполняя государственные повинности, что сегодня достаточно хорошо известно исторической науке. Необходимо учитывать то обстоятельство, что сами гиксосы сумели прийти к власти и покорить Египет во многом благодаря тому, что в период правления XIV династии (к концу Среднего Царства) страну захлестнули сильнейшие народные восстания свободных бедняков и рабов. Сведения о них археология предоставила в достаточном количестве[1]. Государственные устои поколебались, сила царской династии ослабла, страна фактически разделилась на несколько независимых уделов. Смута облегчила гиксосам захват власти. Они пролили кровь, пройдя с мечом по Египту, но прошло время, и страна оправилась от смут. Гиксосы постарались установить сильную централизованную власть, стараясь поддерживать мир и благоденствие внутри страны. Однако противостояние природной египетской знати и гиксосов постоянно нарастало.

Семейство Иакова в новых благодатных условиях под особым покровительством высшей власти стало процветать и весьма быстро умножаться, превращаясь по меркам того времени в сильный народ, состоявший из двенадцати колен, начальниками которых были сыновья Иакова. Колено Иосифово делилось еще на два значительных колена: Ефремово и Манассиино (по именам двух старших сыновей Иосифа). Поэтому иногда говорят не о двенадцати, а о тринадцати коленах Израиля, тем более что Иаков благословил Ефрема и Манассию как своих непосредственных наследников (Быт. 48, 5–6). «Сыны Израилевы расплодились, и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та»,—говорит Священное Писание (Исх. 1, 7).

Находясь в пределах страны, где они были пришельцами, израильтяне ревностно сохраняли сознание своего кровного

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 99.

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 189–191.

родства, что нельзя было сказать о других потомках Авраама по отношению друг к другу. Измаильтяне купили как раба и продали в рабство свободного потомка Иакова, т. е. сына своего родного дяди (своего двоюродного брата), не осознавая родства, относясь к нему как к иноплеменнику. Среди людей Израиля во время пребывания в Египте складывается чувство родства не только в пределах патриархальной семьи или колена, но и по отношению ко всем потомкам Иакова-Израиля. Старейшины колен при всяком важном событии, имея постоянную связь, собирались на совет для обсуждения своего общего положения в сложившихся обстоятельствах. Имя «Израиль» становится уже именем рождавшегося народа. Главной отличительной чертой культуры этого народа являлась вера в Единого Бога Творца. Это подтверждается самими именами, которые стали распространяться в Израиле, именно начиная с периода пребывания его в Египте: Елиасаф — Бог мой собиратель, Елицафан — Бог мой охранитель, Цуриил — Моя скала — Бог, Елиазар — Бог мой помощник, Амрам — родственный Всевышнему, Иохаведа — Господь ее слава и т. п.

Борьба египтян с гиксосами особенно усилилась при фиванском царе Камесу, провозгласившем освободительную войну против гиксосского царя Апопи. Камесу совершил военный поход и разгромил Апопи, что весьма ослабило положение азиатских правителей. Однако окончательную победу над гиксосами одержал один из следующих царей Фив Яхмос I, считающийся основателем сильной XVIII династии египетских фараонов[1]. А. П. Лопухин следующим образом характеризует обстановку того времени: «Воцарилась новая, восемнадцатая династия, родоначальником которой был Аамес или Амозис I (Яхмос I). Она избрала своей резиденцией Фивы, как центр политической независимости страны, и дала Египту ряд великих фараонов, при которых он достиг вершины своего внешнего могущества и внутреннего процветания. Время царствования этой династии особенно ознаменовалось

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 195.

развитием военного могущества. Воинский дух, ободренный успехом в борьбе за независимость, не остановился на одном этом успехе и искал удовлетворения в завоеваниях. Долго угнетаемые чужеземцами, теперь египтяне как бы старались отомстить всем чужеземцам своими угнетениями и завоеваниями. Значительные массы гиксов (гиксосов.— *Свящ. С. К.)*, предпочитавшие рабство на берегах Нила изгнанию в пустыню, подвергнуты были всевозможным угнетениям и должны были в качестве рабов исполнять тяжелые земляные и строительные работы, возлагавшиеся на них новым правительством. Не довольствуясь этой местью внутри страны, фараоны старались загладить позор чужеземного владычества блеском завоеваний в окрестных странах. Египетские полки отважно стали проникать за северо-восточную границу и проложили торную дорогу в глубь Азии. В течение нескольких царствований страна гремела боевой славой. Военные добычи обогащали страну, но эти богатства естественно сосредоточивались в руках правительства и высших классов, где они развивали крайнюю роскошь. Для народных масс все эти блестящие походы были тяжким бедствием, так как усиливали военную и другие государственные повинности, всецело лежавшие на низших классах народа»[1].

Священное Писание говорит: «И умер Иосиф и все братья его и весь род их... И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот народ сынов Израилевых многочисленен и сильнее нас. Перехитрим же его, чтобы он не размножался; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли нашей» (Исх. 1, 8–10). Новым фараоном, восставшим в Египте и не знавшим Иосифа, был, возможно, кто-то из фиванских царей XVIII династии, кто был чужд гиксосам и противопоставлен им. Он если и слышал об Иосифе или читал о нем в аварийских летописях (если они к тому времени еще не полностью были уничтожены природными египтянами), то все, что было связано с именем этого

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 83.

выдающегося египетского реформатора-семита, могло быть ему отвратительно. Он, таким образом, *не знал* Иосифа.

З. Косидовский заметил: «Гиксосы вызывали к себе такую ненависть, что египтяне уничтожали все, что напоминало о природе их власти. Даже летописцы обходят молчанием период гиксосской оккупации. <...> Исторические хроники внезапно обрываются на 1730 годе до н. э. и возобновляются только после 1580 года до н. э. Одной из жертв этого вымарывания ста пятидесяти лет истории пал так же Иосиф... ответственный за глубокие экономические перевороты, непопулярные у египтян. Его действия позднее тягостно отразились на израильтянах...»[1]

Израильтяне «были привилегированными подданными, пользовались особою благосклонностью низверженной династии, при которой они владели одним из важнейших округов Египта, господствующим над подступом к самому сердцу страны. Ненависть и вражду к низложенной династии он (новый фараон), естественно, перенес и на любимое ею племя. Но на развитие особенной враждебности к израильтянам могли влиять и другие, чисто политические обстоятельства. Борьба египетских князей с пастушеской династией и народностью происходила по преимуществу в округе Гесем, где гиксосы, окопавшись в укрепленных лагерях, долго отражали напор египтян. В этой борьбе невольно должны были принимать какое-нибудь участие и израильтяне, и нет ничего невероятного в том, что они поддерживали сторону гиксов, как народности, родственной им по племенным особенностям, и как династии, которой они много были обязаны. От природных египтян они ничего не могли ожидать себе, так как для них всякий пастух был „мерзостью“, и все пастушеские племена находились у них в презрении. Этот союз их с гиксосами сделал их политическими врагами египтян, и когда гиксосы были окончательно изгнаны из страны, то израильтяне должны были рабством заплатить за свое изменничество природным фараонам. Опасение фараона, что израильтяне, как многочисленное и сильное племя, в случае войны могут соединиться с неприятелем и вооружиться против египтян, имело действительные основания и подтверждалось прошлой историей Египта. Гиксосы завоевали Египет именно при помощи пастушеских племен, которые, подобно израильтянам, с позволения фараонов селились в северо-восточных округах страны и „во время войны соединились с неприятелями“. И вот в чисто государственных интересах начинается по отношению к ним политика давления и угнетения»[1].

[1] *Косидовский З.* Указ. соч. С. 115.

Отсюда становится вполне ясен вывод, к которому пришел Н. Василиадис: «После того, как египтяне изгнали правителей-гиксосов и взяли в собственные руки управление своей страной, семиты оказались под пристальным надзором и контролем египтян по двум причинам: а) из-за того, что семиты-гиксосы были ненавистными тиранами на их земле; б) из-за опасений, что семиты могут вновь обрести силу и власть в Египте. То, что случилось со всеми семитами, произошло и с израильтянами, потомками Иакова. Поэтому в 1-й главе книги Исход мы читаем о том, как египтяне стали угнетать израильтян»[2].

Обратимся вновь к повествованию А. П. Лопухина: «Прежде всего, конечно, новое правительство лишило израильтян тех преимуществ и вольностей, какими они пользовались при прежней династии; но затем оно... стало „изнурять их тяжелыми работами“. В данном случае не нужно было и выдумывать искусственно этих работ: они являлись как естественная потребность в самом месте обитания израильтян. По изгнании гиксов из Египта требовалось на будущее время обеспечить страну от вторжения полудиких чужеземцев, и потому правительство нашло нужным построить несколько новых укреплений в этой окраине, и на эти тяжелые земляные работы употреблен был даровый труд израильтян. Труд был, очевидно, каторжный, и библейский историк с горечью повествует об этих работах. „Египтяне с жестокостью, говорит он, принуждали сынов израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами, и от всякой работы

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 88.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 100.

полевой, к которой принуждали их с жестокостью“. Так они „построили фараону Пифом и Рамсес, города для запасов“, т. е. пограничные крепости с кладовыми для военных припасов.

С каждым новым царствованием возрастали тягости для народа, и не только израильского, но и египетского. Фараоны как бы старались превзойти друг друга своею военной славою и грандиозными постройками и дворцами, которыми украшали свои резиденции, и чем знаменитее был фараон, чем блистательнее его царствование, тем больше стонал народ под гнетом непосильных работ и повинностей. Партиями отводили изнуренных рабочих в каменоломни, заставляли высекать огромные глыбы гранита и с невероятными усилиями тащить их к месту построек; заставляли рыть и проводить новые каналы, делать кирпичи и месить глину и известь для воздвигаемых построек; поднимать воду из Нила в каналы для орошения полей,—как это можно видеть еще и теперь на берегах Нила, где обнаженные рабочие подобно машинам работают целый день под палящим солнцем, поднимая воду из реки для проведения ее по полям. Одним словом, „ко всякой работе принуждали их с жестокостью“, под палочными ударами неизбежных надзирателей.

Несмотря, однако же, на все угнетения со стороны правительства, молодой народ быстро увеличивался в своей численности и силе, и под впечатлением, быть может, постоянных военных шествий египетских войск чрез землю Гесем в нем развилась страсть к воинственности, которую отряды отважных охотников и удовлетворяли набегами на соседние страны. Так, партия из колена Ефремова делала набеги на филистимские земли и угоняла скот. Понятно, такие наклонности не могли не внушать опасений правительству, что этот воинственный народ, ожесточаемый угнетениями, может причинить большие политические затруднения в случае войны или силой может выйти из страны и лишить ее даровой рабочей силы. Видя, что работа, самая каторжная работа, бессильна подорвать рост молодого народа, жестокое правительство фараона решилось прибегнуть к крайней мере, к какой только способен восточный деспотизм. Сначала издано было тайное повеление повивальным бабкам убивать новорожденных

младенцев мужского пола; но когда это повеление встретило молчаливый протест в нравственном чувстве и совести представительниц акушерства в Древнем Египте и оставалось без исполнения, то разъяренный фараон повторил это повеление для всего народа и особенно для царских слуг и сыщиков. И вот к народным стонам под тяжестью работ присоединились стоны и вопли матерей,—но среди этих стонов и воплей израильского народа родился его великий избавитель—Моисей»[1].

3. Моисей. Исход Израиля из Египта

«Среди израильтян во время пребывания их в Египте колено Левиино сохраняло особенную преданность вере отцов. В среде же этого колена жило скромное семейство Амрама и Иохаведы. Они ничем особенно не выдавались, кроме, быть может, того, что сильнее и целостнее других сохраняли веру отцов и более других старались внедрить ее в своих детей—девочку Мариам и мальчика Аарона. Время это было тяжелое для всего народа. Египетская политика угнетения достигла высшего своего развития. Деспотизм фараонов изыскивал все новые и новые средства для того, чтобы задержать рост молодого народа и сломить его нравственную силу, и не останавливался пред бесчеловечием. Издан был даже кровожадный указ об умерщвлении новорожденных мальчиков, и когда этот указ стал приводиться в исполнение, у Амрама родился второй сын, принеся вместо семейной радости страшное семейное горе. Мальчик был необыкновенно красив, и несчастная мать в течение трех месяцев скрывала его от кровожадных взоров фараоновых слуг. Но скрывать долее было невозможно, и она решилась на отчаянный шаг. Она сделала из тростника корзинку, обмазала ее асфальтом и смолой, чтобы она не пропускала воду, и положила в нее малютку, с молитвами и слезами отпустила драгоценную корзинку в один из каналов Нила, поросших тростником, поручая ее Провидению и легкому надзору двенадцатилетней девочки, сестры бедного мальчи-

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 89–90.

ка... В это самое время вышла купаться дочь фараона и нашла в тростнике корзинку с плачущим младенцем. Доброе сердце царевны сжалось от боли при виде несчастной участи брошенного ребенка. Она поняла, что это невинная жертва жестокого указа ее отца по отношению к израильтянам и, надеясь на силу отцовской любви к себе, порешила спасти его и даже усыновить. Она взяла кормилицу из израильтянок, которою оказалась мать ребенка Иохаведа, и таким образом Промысел Божий направил житейскую корзинку ребенка к историческому величию и всемирной славе. Когда младенец подрос, царевна взяла его к себе во дворец, официально усыновила его и дала ему имя Моисей, „потому что говорила она, я из воды вынула его“» (Исх. 2, 1–10)[1].

Между мнениями исследователей нет полного согласия по вопросу о происхождении имени «Моисей». Одни связывают его с древнеегипетским глаголом «mes», что означает «вынимать», другие с существительным «mes» («meses») — «сын», которое встречается в именах египетских фараонов (Thot-mes, Ra-mes, или Rameses и т. д.)[2]. Э. Нюстрем предположил, что это имя происходит от еврейского «машах», т. е. «вынимать», или от египетских слов «мо» — «вода» и «уше» — «спасен», следовательно «спасенный из воды»[3]. Само Священное Писание понимает имя «Моисей» как «Вынутый из воды» (Исх. 2, 10).

Моисей рос при царском дворе под покровительством царевны, которая считала его своим сыном и старалась дать ему достойное образование. По ее мысли, видимо, Моисей должен был стать одним из высших сановников Египта. Но Бог предусмотрел для него другую судьбу. Вскормленный собственной матерью, он с ее молоком и ее песнями впитал характер и веру своего народа. Моисей осознавал свое происхождение и весьма сострадал тяготам соплеменников, среди которых находились его мать, отец, брат и сестра.

Священное Писание очень лаконично повествует: «Спустя много времени, когда Моисей вырос, случилось, что он вышел к братьям своим, сынам Израилевым, и увидел тяжкие работы

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 90–91.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 105.
[3] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 257.

их; и увидел, что египтянин бьет одного еврея из братьев его. Посмотревши туда и сюда, и видя, что нет никого, он убил египтянина, и скрыл его в песке. И вышел он на другой день, и вот, два еврея ссорятся: и сказал он обижающему: зачем ты бьешь ближнего твоего? А тот сказал: кто поставил тебя начальником и судьею над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина? Моисей испугался и сказал: верно, узнали об этом деле. И услышал фараон об этом деле, и хотел убить Моисея; но Моисей убежал от фараона, и остановился в земле Мадиамской, и сел у колодца» (Исх. 2, 11–15).

Земля Мадиамская, т. е. земля племени мадианитян, потомков Мадиана, одного из четырех сыновей Авраама, рожденных его второй женой Хеттурой, взятой Авраамом после смерти Сарры (Быт. 25, 1–2), располагалась в южной части Синайского полуострова. Возможно, что связь общего происхождения от великого предка давала Моисею надежду на радушный прием среди мадианитян. Бог же дал Моисею повод, чтобы этот прием действительно был ему оказан. После длительного, изнурительного и многодневного (почти 500-километрового) путешествия он присел отдохнуть у одинокого колодца. Вскоре к колодцу подошло на водопой стадо овец, ведомое девушками — дочерьми мадиамского священника Иофора-Рагуила. Он носил два имени как гражданский и как религиозный глава своего племени.

Но вдруг явившиеся пастухи с насмешками отогнали девушек и их овец от колодца, чтобы напоить свой скот. Тогда Моисей вступился за дочерей священника и, вероятно, используя какие-то знаки принадлежности к дому фараона, или оружие, которого, может быть, не было у пастухов (к тому же Библия не говорит об их количестве), прогнал их. Вскоре Моисей женился на одной из семи дочерей Иофора Сепфоре, и у него родились два сына.

Имена сыновей говорили о том, что отец их печалился о своем народе и о стране, которую пришлось оставить, а также о том, что он был благодарен Богу за спасение от смерти. Старшего он назвал Гирсамом, «потому что, говорил он, я стал пришельцем в чужой земле» (Исх. 2, 22). Второй сын

был назван Елиезером, «потому что, говорил он, Бог отца моего был мне помощником и избавил меня от меча фараона».

В сорок лет от рождения покинул Моисей Египет. И еще сорок лет пребывал он в стране Мадиамской в семье своего тестя Иофора, проводя время в занятии своих предков — он пас овец, несмотря на все презрение египтян к этому занятию. Кроме того, почитание Авраама в среде всех его потомков было весьма сильным, и возможно, что здесь Моисей усвоил предание об отце истинной веры. За время пребывания в этой земле Моисей прекрасно узнал ее, перегоняя скот с пастбища на пастбище. Он узнал все святые места этой земли — места поклонения Богу. Одним из наиболее почитаемых мест была гора Синай (или Хорив).

Однажды Моисей привел свое стадо к горе Синай и увидел, что на ней горит терновый куст, но не сгорает. «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста» (Исх. 3, 2). Подойдя ближе, Моисей услышал голос, исходящий из горящего куста и обращенный к нему: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая... Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова... Я увидел страдания народа Моего в Египте, и услышал вопль его от приставников его. Я знаю скорби его и иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев, Хеттеев, Амореев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев... Итак пойди: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых» (Исх. 3, 3–10). Казалось, что смущению Моисея не было предела. Он был потрясен и испуган возлагавшейся на него миссией. Все в разуме и в сердце его говорило сейчас о неудаче, на которую обречена эта миссия. По крайней мере, он, как ему казалось, был не готов ее исполнить. Пусть это сделает кто-то другой, более сильный и достойный, более талантливый и упорный, но только не он. Он слаб и недостоин, он трепещет и страшится, он косноязычен и молчалив, он привык к покою. Как поверят ему израильтяне? Что он скажет им? Как их отпустит фараон?

Многие вопросы, терзавшие его, открыл тогда Моисей перед Богом. Но Бог помогает не сильным, а смиренным перед

Ним, осознающим свою слабость и потому призывающим имя Божие в помощь себе. Главным уверением, которое Бог дал Моисею, было обещание: «Я буду с тобою» (Исх. 3, 12).

Бог дал Моисею силу совершать знамения, пользуясь которыми тот должен был убедить соплеменников пойти за ним, а фараона — отпустить народ Израиля из Египта (Исх. 4, 1–9).

Бог представился Моисею как Иегова (Яхве), т. е. Сущий, Бытие, Жизнь. Сущий, т. е. истинно существующий, имеющий бытие в Самом Себе, Сам являющийся Бытием и источником бытия для всего мира (см.: гл. 5 «Библия о происхождении мира и человека», п. 1 «Пролог Книги Бытия»).

Необходимо обратить внимание на символический прообразовательный смысл горения и несгорания куста, из пламени которого говорил с Моисеем Бог. Протоиерей Серафим Слободской указывал по этому поводу на мнение Церкви: «Куст, не сгоравший в огне, который видел Моисей при явлении ему Бога, получил название: „Неопалимая Купина“. Он изображал собой состояние избранного народа, притесняемого и негибнущего. Он был также прообразом Божией Матери, Которую не опалил огонь Божества Сына Божия, когда Он сошел через Нее с неба на землю, родившись от Нее (Она родила Сына от Бога (т. е. Самого Бога) и, родив, осталась Девой. — *Свящ. С. К.*)»[1].

Моисей отправился в Египет исполнить волю Бога и освободить свой народ от ига египетского. По пути в Египет Моисей встретил своего старшего брата Аарона, которому тоже явился Бог и призвал его на служение в качестве помощника Моисея. Поэтому Аарон и вышел навстречу брату. Аарон стал как бы голосом косноязычного Моисея, его устами.

Придя в землю Гесем, Моисей и Аарон собрали старейшин колен Израилевых, представили им знамения Божии, и те поверили им (Исх. 4, 29–31).

Ко времени призыва Моисея Богом фараон, который знал Моисея и желал его смерти, умер. Умерла названная мать

[1] *Слободской С., протоиерей.* Закон Божий. Руководство для семьи и школы. М., 2000. С. 170.

Моисея. Умерли и его родители. На престол взошел следующий царь XVIII династии. К этому-то царю и пришли Моисей с Аароном просить отпустить народ Израиля из Египта.

Существует несколько мнений о том, кто же был тем фараоном, который угнетал израильтян, и тем царем, при котором совершился Исход. Наиболее распространенной в современной западной историографии является точка зрения, согласно которой фараоном-угнетателем был Рамзес II (1292–1225 гг. до Р. Х. или по другим источникам — 1279–1213/1212 гг. до Р. Х.), а фараоном Исхода был его наследник Мернефта (Мернепта или Мернептах, 1225–1215 гг. или 1234–1225 гг. до Р. Х.), либо сам Рамзес II был фараоном, действующим в книге Исход, т. е. фараоном Исхода[1].

Другие считают фараоном-угнетателем Тутмоса III, а фараоном Исхода Аменофиса II (1447–1420 гг. или 1428–1401 гг. до Р. Х.). Тутмос III управлял Египтом в течение 54 лет (1501–1447 гг. до Р. Х. или 1482–1428 гг. до Р. Х.)[2].

Однако, учитывая традиционную дату Исхода (около XVI в. до Р. Х.), мы не можем согласиться с представленными мнениями. Египетский историк-жрец Манефон связывал Исход израильтян с изгнанием гиксосов. Если фараоном Исхода был тот правитель, который изгнал гиксосов, то это Яхмос. На Яхмоса как на фараона Исхода указывал и другой древний автор — Татиан, ссылаясь на египтянина Птоломея. Мумия фараона Яхмоса до сих пор не обнаружена, отсутствуют сведения о существовании его гробницы и его заупокойного культа, тогда как египтяне, как правило, строили храмы в честь умерших фараонов как богов. Учитывая выдающуюся роль Яхмоса в освободительном движении египтян против ненавистных им гиксосов, этот факт приводит египтологов в изумление. Однако его легко объяснить, если принять Яхмоса за фараона Исхода, бесславно погибшего в Красном море во время погони за Моисеем и его народом и благодаря своему гордому упорству ввергшего Египет в великие беды, связанные с Исходом израильтян[3].

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. с. 189–91; *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 108–109.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 108.
[3] Там же. С. 110.

В египетских текстах указывается на то, что племена скотоводов, которые названы «апиру», участвовали в перетаскивании каменных блоков для храмов, строившихся Рамзесом II. Библия говорит, что города Пифом и Рамсес были построены для фараона израильтянами в период их угнетения. Самым совершенным из всех сооружений древнего Пифома, останки которого располагаются у местечка Телль-эр-Ретабех (или Эртабех) в Вади-Тумилат, является храм Рамзеса II. В таком случае, поскольку других аналогичных построек в городе нет, и если его действительно построили израильтяне, то возводили они его в период правления Рамзеса II. При Рамзесе II город Рамзес стал столицей Египта и был назван «Домом Рамзеса» (Пер-Рамсес). В период между изгнанием гиксосов и правлением Рамзеса II это место оставалось необитаемым, а со времени правления Рамзеса II город стал преображаться благодаря новым великолепным постройкам[1]. Таким образом, вполне возможно, что фараоном, о котором повествует Священное Писание, был именно Рамзес II, и он сам или, скорее, его наследник был тем фараоном, к которому обратились Моисей и Аарон.

Посланники Божии просили беспрепятственно отпустить народ в пустыню, чтобы там совершить жертвоприношение Господу, поскольку в земле Египетской этого делать было нельзя, ибо такое действие могло возмутить природных египтян, для которых обряды и вера пастухов были такой же мерзостью (даже, возможно, еще большей), как и сами пастухи. Вместе с тем эта просьба не должна была быть необычной для фараона. В текстах времен Рамзеса II и Сети II упоминаются группы работников-строителей, освобождавшихся от труда на 8–15 дней, а также указаны лица, которые уходили «принести жертвы своему богу»[2]. Однако фараона насторожила эта просьба. Может быть, он увидел опасность в том, что должен был выйти весь народ Израиля со всем имуществом (со всеми стадами), а не группа людей из народа, как это, видимо, уже происходило раньше.

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 90–91.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 111.

«Кто такой Господь, чтоб я слушался голоса Его... Я не знаю Господа и Израиля не отпущу»,— таков был ответ фараона (Исх. 5, 2). В тот же день фараон дал приказ: «Не давайте впредь народу соломы для делания кирпича... Пусть они сами ходят и собирают себе солому. А кирпичей наложите на него то же урочное число, которое они делали вчера... и не убавляйте. Они праздны, потому и кричат: „Пойдем принесем жертву Богу нашему“. Дать им больше работы, чтоб они работали и не занимались пустыми речами» (Исх. 5, 5–9).

Дело в том, что, как мы знаем, основной повинностью израильтян и, возможно, других азиатов, проживавших в дельте Нила, было изготовление строительного материала и строительство государственных объектов. Основным строительным материалом был кирпич, изготавливаемый из глины, добывавшейся из речного ила и смешанной с растительными органическими веществами, чаще всего соломой, остававшейся после жатвы пшеницы и ячменя. Дело в том, что глина, содержащаяся в иле, перерабатывается намного лучше, если в нее добавить определенное количество органических веществ. Возможно также добавление воды, настоянной в течение нескольких часов на соломе. Использование чистой глины стоило производителям больших затрат труда и времени. Так считает американский химик Э. Г. Ачесон[1]. «Археолог Дж. П. Фри утверждает, что наличие соломы в стенной кирпичной кладке древнеегипетских храмов доказано. То же самое констатирует и египтолог Джон Уилсон из Чикагского университета»[2].

Таким образом, фараон решил прекратить поставки соломы изготовителям, не уменьшая нормы изготовления кирпичей, дабы сбором необходимого материала еще более их изнурить и наказать за проявленную инициативу. Когда народ стал не справляться с нормой ввиду занятости на сборе жнива, тогда стали наказываться надзиратели, ранее поставленные из среды израильтян. Их секли кнутами, указывая на причину — желание оставить работу и уйти в пустыню. Люди стали

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 108.
[2] Там же.

роптать на Моисея, а Моисей обратил упрек к Богу, пославшему его к фараону (Исх. 5, 20–23). На что Господь отвечал: «Теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном; по действию руки крепкой он отпустит их; по действию руки крепкой даже выгонит их из земли своей» (Исх. 6, 1). Наступило время «казней египетских». Казней, которыми наказывались фараон и весь народ египетский за упрямство и жестокосердие фараона, дабы не препятствовал он Исходу израильтян из Египта.

В следующий приход к фараону Моисей, по слову Бога, бросил жезл свой на землю, и тот превратился в змея. Жрецы фараона поступили так же со своими жезлами, но змей Моисеев поглотил змеев фараоновых. Фараон прогнал Моисея. С этого часа разгорелась борьба с упрямым ожесточением фараона. Теперь Моисей приходил к царю, всякий раз принося с собой новую и новую Божию кару, тем большую, чем больше ожесточался фараон.

Сначала воды Нила превратились в кровь, и рыба в реке вымерла, и невозможно было этой водой орошать поля и пить ее. Затем вдруг в устрашающих размерах поочередно размножились жабы, комары и мошки, «песьи мухи» (слепни). После разразилась моровая язва среди скота египетского, а израильского скота не коснулась. Затем язвами и нарывами покрылись тела людей от фараона до простого египтянина. После этого небывалый град побил посевы ячменя. Затем нашествие саранчи (такое, что не видно было солнца) уничтожило урожай пшеницы, обрекая египтян на голод. Каждая новая казнь приводила фараона в ужас, его приближенные просили смириться и отпустить израильтян. Он соглашался это сделать, но вскоре, когда по молитве Моисея казнь прекращалась, брал свое обещание назад, безумно и упорно противопоставляя Богу свою гордыню.

Десятая и последняя казнь оказалась самой страшной и ошеломляющей. К ней должны были тщательно подготовиться и сами израильтяне. Каждая семья должна была заколоть годовалого агнца и помазать его кровью косяки дверей своих домов. Мясо агнца нужно было испечь и съесть ночью с пресным хлебом и горькими травами, не раздробляя его ко-

стей. Все это сделать люди должны были, одевшись в дорожную одежду и собрав свои пожитки, будучи готовы в любую минуту двинуться в путь.

Наступила скорбная ночь. Ангел смерти был послан на землю Египетскую и прошел по ней, заходя в каждый дом, кроме тех, чьи косяки были помазаны кровью ягненка. И куда входил ангел, там умирал первенец (старший сын). И стон был по всей земле Египетской. Умер и сын фараона. Владыка Египта был потрясен настолько, что приказал изгнать Моисея вместе с его народом и скотом, принадлежавшим ему. Египтяне же торопили израильтян уйти, ибо боялись, что дальнейшее их пребывание в Египте приведет к еще более страшным бедам (Исх. 7–12).

Казни египетские имели нравственную, воспитательную цель. Они ярко показали полное бессилие египетских божеств (египетской религии) и вынудили фараона признать единого и истинного Бога и просить у Моисея и Аарона благословить его во время жертвоприношения Господу, т. е. просить их помолиться за него и не наказывать более (Исх. 12, 31–32). Десять казней предстают в Священном Писании в качестве чуда и проявления божественного всемогущества. При этом у Н. Василиадиса мы находим следующее утверждение: «Однако археология позволяет прийти к убеждению, что это не были просто фантазии или мифы, сочиненные автором книги Исход. В этих событиях не было ничего невозможного и необычного. То есть Бог, как создатель и хранитель природы, использовал для Своего домостроительства вполне естественные явления, причем характерные для Египта. Немецкая исследовательница Грета Хорт в своем замечательном исследовании (см.: *Hort G.* Zeitschrift fur die alttestamentliche Wissenchaft, 69, 1957. S. 84–103; То же. 70, 1958. S. 48–59) решительно настаивает на том, что первые девять казней представляют собой последствия редкостных и значительных природных явлений, начавшихся с некоего впечатляющего разлива Нила. Однако и мы особо обращаем на это внимание, даже если девять казней и явились результатом использования Богом природных явлений, нам необходимо иметь в виду

следующее: а) Моисей, который повествует об этом, является очевидцем событий; б) каждая из казней начиналась, когда того хотел Моисей, и прекращалась опять же по желанию Моисея, который действовал, конечно, по велению Божию.

По мнению Хорт, тот, кто рассказывает о десяти казнях, является их очевидцем и свидетелем и, следовательно, рисует нам реальную картину происшедшего. Итак, Хорт склоняется к той точке зрения, что десять казней являлись чудесами божественного всемогущества, взявшего на вооружение природные явления Египта. Огромный разлив Нила, по всей вероятности, принес с собой некие микроорганизмы, известные под названием Flaggellates, которые превратили воды Нила „в кровь“ и тем самым вызвали гибель рыб в реке (Исх. 7, 21). Разложившуюся дохлую рыбу прибило к берегу, что вынудило жаб, пораженных микроорганизмом Bacillus anthracis, выпрыгивать из воды на сушу. Третьей казнью, скорее всего, могла стать мошкара (скнипы), а четвертой — „песьи мухи“ (Исх. 8, 16, 21) — Stromoxys calcitrans. Они с легкостью и быстротой множились в тех условиях, которые возникли в результате наводнения. Под пятой казнью, поразившей только животных (Исх. 9, 3), можно было бы представить „сибирскую язву“, причиной возникновения которой стали погибшие жабы. Мухи Stromoxys (четвертая казнь) вызвали у людей и животных „воспаление с нарывами“ (шестая казнь). Град и молнии в феврале, возможно, уничтожили полностью посевы льна и ячменя, однако не причинили никакого вреда пшенице и полбе: *а пшеница и полба не побиты*, говорится в Священном Писании (Исх. 9, 31–32), поскольку к тому времени еще не успели созреть. В свою очередь, пшеница и полба стали добычей полчищ саранчи (восьмая казнь), вторжению которой способствовали обильные абиссинские ливни, как раз и вызвавшие невиданный разлив Нила. Осязаемая тьма (Исх. 10, 21) (девятая казнь), вероятно, была вызвана массой мелкой пыли, которая образовалась из высохшей грязи. Эту пыль поднял хамсин, мартовский ветер в Египте, вместе с песком пустыни (см.: *Kitchen K. A.* Op. cit. P. 157–158).

Последовательность казней согласуется с естественным чередованием стихийных бедствий, которые еще и сегодня можно наблюдать в Египте. Доктор Джеймс Джонси, комментируя десять казней, пишет, что ему лично довелось стать свидетелем стихийного бедствия, а именно нашествия саранчи, столь многочисленной, что это парализовало жизнь целого города с населением в триста пятьдесят тысяч человек (см.: *Jauncey J.* Science Returns to God... P. 78).

Кроме того, египетские слова и названия, которые мы встречаем лишь в данном месте Ветхого Завета (гл. 6–12) и нигде больше, подтверждают тот факт, что это историческое повествование написано человеком, жившим в данной стране и хорошо ее знавшим (см.: *Short A. R.* Op. cit. P. 27).

И этим человеком, несомненно, был Моисей.

В. Келлер свидетельствует, что в казнях фараона „нет ничего невозможного и необычного. Они вполне характерны для природных условий Египта. <...> Хотя град на Ниле выпадает редко, но подобные случаи известны. Время года, когда имели место описываемые в Библии события,— январь или февраль. Нашествие саранчи—привычное для этих мест бедствие. И внезапно наступившая тьма также не является новостью. Хамсин поднимает огромные массы песка... которые застилают солнце... и делают светлый день темным. Только смерть первенцев остается казнью, для которой нельзя найти объяснение“ (см.: *Keller W. H.* Βίβλος... Σ. 157–168).

Археолог Дж. Томпсон из Мельбурнского университета также отмечает: „Сегодня в нашем распоряжении имеется множество материалов, дающих информацию относительно казней, наведенных на фараона“» (см.: *Thompson J. A.* Op. cit. P. 64)[1].

Однако, несмотря на то, что эти события можно объяснить природным их происхождением и найти неоднократные аналоги в истории Египта, само по себе это не может умалить промысла Божиего, орудием которого стала природа. Кроме того, не все так гладко объясняется и с точки зрения природных явлений. «Утверждение же, что нашествие саранчи было вызвано обильными ливнями в Эфиопии, свидетельствует о плохой осведомленности автора в области биологии. Дожди, и тем более ливни, крайне неблагоприятны для размножения и развития саранчи, напротив, для этого необходимы сильная засуха и жара, когда и происходят нашествия саранчи, причем это бывает обычно летом, а не зимой. Поэтому появление ее в то время года, когда был Исход, необычно. Град и особенно упоминаемый в Священном Писании наряду с ним дождь (Исх. 9, 33–34)—явление уникальное для Египта. Дождей в Египте в норме не бывает, и они настолько непривычны для египтян, что в одном древнеегипетском тексте, чтобы объяснить факт орошения Сирии и Палестины дождями, говорится, что там „Нил падает с неба“. Примеров того, что десять казней были явлением необычным для данного времени года и для данного региона (т. е. Египта), можно было бы привести достаточное количество. Но необходимо подчеркнуть, что некоторые из казней (не только смерть первенцев, но и превращение воды в кровь, которое было мгновенным, а стало быть, не было вызвано размножением каких бы то ни было бактерий, а также, например, „осязаемая тьма“) не просто необычны, а вообще необъяснимы с точки зрения природы. Это обстоятельство и вынудило даже египетских волхвов оценить эти казни как *перст Божий* (Исх. 8, 19)»[1].

Таким образом, природные явления, обычные для Египта, явленные в необычных обстоятельствах, свидетельствовали о вмешательстве сверхъестественной силы. Последняя же казнь не могла иметь под собой иного объяснения.

День (а точнее ночь) избавления от египетского рабства получил наименование «Пасха» (евр. «песах»), т. е. буквально «прохождение мимо», поскольку ангел смерти прошел мимо израильских жилищ. Пасха стала традиционным и самым великим праздником еврейского народа. И не случайно. Пасхальный агнец, кровью которого израильтяне были избавлены от смерти, прообразовал собою Агнца Божия, Спасителя Иисуса Христа, Кровь Которого, пролитая на Голгофе как на жертвеннике, избавляет всех верующих от вечной смерти.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 111–113.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 114.

Сама же ветхозаветная Пасха прообразовала собой новозаветную Пасху, ибо в Воскресение Христово, совершившееся через крестное пролитие Его Крови, смерть вечная *прошла мимо* верующих во Христа и помазанных Его Кровию в таинстве причастия (евхаристии)[1].

Народ, который Моисей вывел из Египта, насчитывал 600 тысяч мужчин, кроме детей и женщин, а в состав его вошло множество разноплеменных людей семитского происхождения, т. е. не только дом Израилев (Исх. 12, 37–38). Когда израильтяне покинули Египет, они не пошли в Ханаан, получивший впоследствии наименование земли Филистимской (по имени наиболее сильного народа Ханаана — филистимлян), обычным путем, т. е. вдоль морского побережья, которым Иаков привел в Египет свое племя. Моисей повел народ путем, маршрут которого трудно было даже предположить. От Рамсеса израильтяне двинулись вдоль западного побережья Красного моря и, перейдя его, направились к горе Синай (Хорив), чтобы потом идти в Филистиму (Палестину). Зачем нужно было совершать этот в два раза более долгий и более сложный, чем традиционный, путь, огибая по периметру Синайский полуостров?

Священное Писание дает свой ответ на этот вопрос: «Когда же фараон отпустил народ, Бог не повел его по дороге земли Филистимской, потому что она близка; ибо сказал Бог: чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет» (Исх. 13, 17). Землю обетованную нужно было завоевать. Филистимляне, уже жившие на побережье Малой Азии и стремившиеся контролировать земли Палестины и всего Ханаана, были хорошо организованным воинственным народом, имевшим мощные города-крепости, достаточно сильную армию, способную угрожать в то время даже Египту. Общеизвестны факты войн Египта с так называемыми «народами моря», в том числе и с филистимлянами, при Рамзесе II (XIII в. до Р. Х.) и Рамзесе III (XII в. до Р. Х.), о чем свидетельствуют письменные и вещественные источники, рельефные изображения сражений.

[1] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 172.

Народ, с одной стороны, только что вышедший из рабства и имеющий закрепившуюся психологию раба, с другой стороны, живший в относительном покое, имевший достаточно средств, чтобы поддерживать свое более или менее обеспеченное существование в Египте (жилища, скот, пища, питие и т. д.), этот народ должен был так восхотеть обрести свободу и землю, обещанную Богом, чтобы идти за нее даже на смерть, встречаясь с сильным врагом. Время такой готовности еще не наступило. Народ был слаб духом и, как можно увидеть, читая книгу Исход, при опасностях и трудностях, возникавших на пути, упрекал Моисея за то, что он сорвал всех с насиженных и обжитых мест, предоставив взамен пустыню и шатры, лишив даже минимального комфорта, обрекая народ на жажду и недоедание. Ропот и периодически возобновлявшееся желание вернуться к брошенным очагам были постоянными спутниками людей, вышедших из египетского рабства. Как повел бы себя такой народ, если бы он тут же столкнулся с воинственными филистимлянами? Собственно, мы скоро это увидим и поймем, но сначала рассмотрим некоторые замечательные эпизоды пути израильтян в Землю обетованную.

Первым из таких эпизодов являлся переход народа израильского через Красное (Чермное — слав.) море. Библия повествует о нем следующим образом: «И возвещено было царю египетскому, что народ бежал; и обратилось сердце фараона и рабов его против народа сего, и они сказали: Что это мы сделали? Зачем отпустили израильтян, чтобы они не работали нам?

Фараон запряг колесницу свою и народ свой взял с собою; и взял шестьсот колесниц отборных и все колесницы египетские, и начальников над всеми ими. И ожесточил Господь сердце фараона, царя египетского, и он погнался за сынами Израилевыми. Сыны же Израилевы шли под рукою высокою. И погнались за ними египтяне, и все кони с колесницами фараона, и всадники, и все войско его, и настигли их расположившихся у моря, при Пи-Гахирофе пред Ваал-Цефоном...

Весьма устрашились и возопили сыны Израилевы к Господу. И сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? Что это ты сделал с нами, выведши

нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: „Оставь нас, пусть мы работаем египтянам“? Ибо лучше быть нам в рабстве у египтян, нежели умереть в пустыне.

Но Моисей сказал народу: не бойтесь, стойте и увидите спасение Господне, которое Он соделает вам ныне; что египтян, которых видите вы ныне, более не увидите во веки. Господь будет поборать за вас, а вы будете спокойны.

И сказал Господь Моисею: Что ты вопиешь ко Мне? Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли. А ты подними жезл твой и простри руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше. Я же ожесточу сердце египтян, и они пойдут вслед за ними. И покажу славу Мою на фараоне и на всем войске его, на колесницах его и на всадниках его. И узнают египтяне, что Я Господь... И двинулся Ангел Божий, шедший перед станом израильтян, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их, и стал позади их; и вошел в средину между станом египетским и между станом израильтян, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь.

И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону.

Погнались египтяне, и вошли за ними в середину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его. И в утреннюю стражу... сказал Господь Моисею: простри руку твою на море, и да обратятся воды на египтян, на колесницы их и на всадников их. И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась на свое место; а египтяне бежали навстречу воде. Так потопил Господь египтян среди моря. И вода возвратилась, и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова... не осталось ни одного из них.

А сыны Израилевы прошли по суше среди моря... И увидели израильтяне руку великую, которую явил Господь над египтянами, и убоялся народ Господа, и поверил Господу и Моисею, рабу Его» (Исх. 14).

Специалисты утверждают, что явления, подобные тому, которое описано в четырнадцатой главе книги Исход, случались и были документально подтверждены. Так, например, генерал Туллох сообщал, что «как-то напор ветра заставил отступить воды в озере Мензале на семь миль». По словам археолога М. Г. Кайла, «подобные разделение — отступление воды и возвышение — преграда, возникающие в результате сильного напора ветра, известны и в других случаях... вода, бывает, поднимается и на 2,1–2,4 м»[1].

В. Келлер, говоря о результатах исследований относительно возможности описанного в Библии перехода через Красное море, отметил следующее: «Спорным остается лишь место данного исторического события, которое трудно определить с точностью (*Keller W. H.* Βίβλος... Σ. 164)»[2].

Вместе с тем, что подобные случаи были зафиксированы в естественных природных условиях, Священное Писание указывает на некоторые обстоятельства, которые заставляют говорить о вмешательстве воли Провидения. Это ясно видно из того, что ветер подул именно в ту сторону, куда необходимо было идти израильтянам, т. е. попутно (на восток), а не навстречу. Воды расступились именно в то время и именно на такой период, чтобы дать возможность израильтянам перейти через море, а египтянам оказаться на его середине. Затем в необходимый момент ветер стих и воды сомкнулись. Кроме того, все это совершалось по знаку, производимому Моисеем, который исполнял волю Бога.

Эти и другие примечательные и знаменательные эпизоды путешествия народа израильского, описанные в книге Исход, кратко изложил и прокомментировал, указывая на их прообразовательное значение, протоиерей Серафим Слободской. «Переход евреев через Чермное море, воды которого отделили и избавили евреев от нечестия и рабства египетского, прообразовал собой *крещение*, через которое мы освобождаемся от власти диавола и рабства греху.

---

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 117.
[2] Там же. С. 116.

Во время путешествия евреев из Египта в Землю обетованную Господь сотворил много и других чудес. Однажды евреи пришли в такое место, где вода была горькая. Они не могли ее пить и роптали на Моисея. Господь указал Моисею на дерево. Как только он положил его в воду, вода сделалась сладкой (Исх. 15, 23–27). Это дерево, отнявшее горечь от воды, было прообразом *крестного Древа Христова*, отнимающего горечь жизни — грех.

Когда у евреев вышел весь хлеб, взятый из Египта, Господь послал им хлеб с неба — манну. Она была похожа на белые маленькие крупинки, или на мелкий град, и имела вкус хлеба с медом. Название „манна“ этот хлеб получил потому, что когда евреи увидели его в первый раз, то спрашивали друг друга: „Манн-гу (что это?)“. Моисей ответил: „Это хлеб, который Господь дал вам в пищу“. Евреи и прозвали этот хлеб манной. Манна покрывала утром землю вокруг еврейского стана во все время их путешествия каждый день, кроме субботы (Исх. 16)[1].

Когда израильтяне в пустыне пришли на место, называемое Рефидим, где совсем не было воды, то снова начали роптать на Моисея. По велению Божию Моисей ударил жезлом по каменной скале, и из нее потекла вода (Исх. 17, 1–7).

Манна в пустыне и вода, истекшая из каменной скалы, спасение израильтян от смерти, как считают христиане, прообразовали собой истинные *пищу* и *питие*, то есть *Тело и Кровь Христовы*, которые дает Господь во святом причащении.

В Рефидиме на евреев напали жители пустыни, амаликитяне. Моисей послал против них Иисуса Навина с войском, а сам с братом своим Аароном и Ором взошел на ближайшую гору и начал молиться, подняв обе руки к небу (образовав собой крест).

Аарон заметил, что, когда Моисей держал свои руки поднятыми вверх, евреи побеждали врагов, а когда от усталости опускал, тогда амаликитяне побеждали евреев. Поэтому Аарон с Ором посадили Моисея на камень, а руки его поддерживали простертыми. И евреи победили амаликитян (Исх. 17, 8–16).

[1] Схожесть мелко перемолотого зерна с описанием библейской манны («нечто мелкое, круповидное; мелкое, как иней на земле» (Исх. 16, 14) послужила тому, что его стали именовать манной, манкой или манной крупой.

Моисей, молившийся с поднятыми руками, прообразовал собой *победный Крест Христов*, силой которого теперь верующие христиане побеждают видимых и невидимых врагов.

В Рефидиме же посетил Моисея тесть его Иофор и привел к нему жену и сыновей его (Исх. 18, 1–7)».[1]

Иофор, видя невыносимый труд, которым был обременен Моисей — судейство над народом, непрерывно приходившим к своему вождю во время стоянок, дабы разрешить споры и недоумения, дал Моисею добрый совет: «Усмотри из своего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками. Пусть они судят народ во всякое время, и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя. Если ты сделаешь это, и Бог повелит тебе, то ты сможешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром» (Исх. 18, 13–27).

С сего времени окончательно прекращается *эпоха патриархов* (патриархальный период истории Ветхого Завета), длившийся с адамовых времен. Последним из патриархов можно именовать Иакова-Израиля. Период от Иосифа до Моисея был как бы переходным от эпохи патриархов к периоду судей Израильских, первым и самым выдающимся среди которых стал пророк Божий Моисей. В этот переходный период (около 200 лет) шло формирование израильского народа. Со времени Исхода из египетского рабства народ этот получил от Бога в руководители людей, вобравших в себя как лучшие черты патриархов, так и, часто, дар пророчества, — судей, лучших из народа, избираемых по указанию Божиему.

Все замечательные события, перечисленные выше, произошли с народом израильским в то время, как он, руководимый пророком Моисеем, направлялся вдоль западного побережья Синайского полуострова к тому самому месту, где явился Господь Моисею в неопалимой купине, — к священной горе Синай (Хорив). Причем путь израильтян, который указан

[1] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 174–176.

в Священном Писании, подтверждается специальными исследованиями. Г. Олбрайт отметил: «Сейчас можно легко и в преизбытке предоставить свидетельства о действительной историчности повествования об исходе и странствиях по Синаю, Мадиаму и Кадесу, поскольку наши знания в области исторической топографии и археологии за последнее время весьма увеличились. Нам только остается с удовлетворением отметить, что больше нет поводов для серьезной научной критики, восстававшей на исторические предания Израиля»[1].

Археолог Кайл обратил внимание на то, что «те путешественники, которые двигались вдоль побережья Красного моря, пытаясь повторить путь исхода, не нуждались ни в каких иных путеводителях, кроме Священного Писания. Вся топография этой местности полностью соответствует тому, что изложено в библейском рассказе»[2].

Закон Ветхого Завета

1. Установление Синайского законодательства и его основные положения

На третий месяц после Исхода из Египта народ Израильский достиг священного места — Синая (или Хорива). Под именем Синая подразумевается целая горная гряда, отдельные вершины которой носят свои названия. Библейский словарь Э. Нюстрема дает следующее толкование наименования этой местности: «Значение названия Хорив, т. е. сухость, пустынность, указывает на скалистую пустыню и лишенные растительности горы; название Синай объясняется одними как „многовершинная гора“, другими как гора, посвященная богу луны, так как богу луны под названием Син поклонялись не только вавилоняне, сирийцы и ассирийцы, но также и арабы, и на горе Хорив-Синай было капище бога луны, где язычники арабы

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 116.
[2] Там же.

еще в VI столетии после Р. Х. справляли праздник новолуния. В связи с этим указывается также (в Библии — *Свящ. С. К.*), что гора Синай еще до издания Закона называлась горою Божией (Исх. 3, 1; 4, 27; 18, 5), а после этого стала называться „горою Господней“ (Чис. 10, 33)»[1].

Само библейское наименование этой местности («пустыня Синайская») сочетает в себе оба ее имени Хорив (пустыня) и Синай: «...И пришли в пустыню Синайскую и расположились там станом в пустыне; и расположился там Израиль „станом против горы“» (Исх. 19, 2). Таким образом, придя на Синай, народ стал станом у одной из его вершин. По этому поводу профессор А. П. Лопухин писал: «Самая величественная из них есть гора Сербал, но перед нею нет такой равнины, на которой мог бы расположиться станом народ. Поэтому в последнее время[2] большинство исследователей начинают склоняться в пользу той горы, которая называется Рас-Сафсафех. Она почти так же величественна, как Сербал, но с тою разницею, что пред ней расстилается обширная равнина Эр-Раха („ладонь“), на которой мог помещаться народ, и вообще особенности этой горы более соответствуют подробностям библейского повествования»[3].

Вероятно, об этой же вершине писал Н. Василиадис, указывая: «Гора Синай, или гора Хорив, отождествляется без каких-либо серьезных возражений с горой Джебель Мусса (что значит „гора Моисея“). У ее основания находится равнина площадью около 1,5 км^2, где, вероятно, и раскинули свои шатры израильтяне»[4].

Моисей по призыву Бога взошел на гору, где получил откровение о том, что народ должен получить Закон от Бога, согласно которому отныне он будет устраивать свою жизнь. Три дня народ готовился к принятию Закона. На третий день Бог сошел на гору Синай в виде грозового облака, и голос Его звучал как гром и трубный звук. «И весь народ... увидев то...

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 411.
[2] Первое издание труда А. П. Лопухина было осуществлено в 1887 г.
[3] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 117.
[4] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 118.

отступил, и стал вдали. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать; но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был перед лицем вашим, дабы вы не грешили. И стоял народ вдали; а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исх. 20, 18–20). «И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмой—суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его.

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20, 1–17).

Эти слова, в которых отразились основополагающие заповеди Закона Божиего, были записаны на двух каменных скрижалях (Исх. 31, 18; 32, 16). Скрижалями (евр.—лухот)

именовались доски для письма: медные у греков и римлян, глиняные на Востоке; часто применялись деревянные скрижали, покрытые воском; Священное Писание также в переносном смысле употребляет выражение «скрижали сердца» (Прит. 3, 3; Иер. 17, 1; 2 Кор. 3, 3).

Что такое закон и для кого он предназначен? Закон—это регламенты и запреты, это установление жестких и четких рамок в поведении людей, т. е. это прежде всего нравственный кодекс. Такой кодекс необходим тем, кто склонен поступать наоборот. Нужно ли говорить «да не будет у тебя иных богов, кроме Меня» тому, кто непоколебимо верует в Единого Бога, или говорить «не убивай» тому, кому претит сама мысль об убийстве? *В обществе праведников идея закона является абсурдной.* Закон имеет смысл лишь для общества потенциальных преступников. Заповеди-запреты даются для тех, кто склонен впасть в неверие и идолопоклонство, стать убийцей или вором и т. д. «Не делай так,—говорит закон,—иначе понесешь заслуженное наказание».

Обратим внимание на тот факт, что согласно библейской хронологии за 4 тыс. лет до исхода израильтян из Египта Бог дал людям в раю только лишь одну заповедь Закона—запрет на отречение от Бога (см. главу «Потеря рая»), а в дни Моисея заповедей Закона (запретов) уже стало десять. Причина этого умножения очевидна: люди ослабли нравственно, они стали плохо отличать добро от зла и оказались более падкими на зло, чем раньше. В раю человек был склонен к совершению только лишь одного греха (ошибки)—отречения от Бога, неверия Его словам. Другие грехи ему были неведомы и несвойственны. Но, совершив этот, самый страшный, грех, человек потерял добрый нравственный ориентир и постепенно сделал свою природу склонной и к идолопоклонству, и к непочитанию родителей и старших, и к убийству, и к блуду, и к воровству, и к зависти и т. п.

Таким образом, согласно библейским данным, налицо факт регресса духовно-нравственного состояния человечества, деградации общественной нравственности в ходе исторического развития, уровень которой Бог стремился поддерживать

Своим Законом в среде единственного пока народа, хотя бы в какой-то мере способного услышать и принять голос Божий. Затем этот голос был услышан многими народами, воспринявшими христианство, благодаря чему мир духовно преобразился. Именно христианская культура дала ту нравственную опору, на которой пока еще держится мир. Однако все сильнее ощущается наступление так называемых «постхристианских» принципов морали, духовности, нравственности, которые устремляют вновь человечество в темную и страшную бездну язычества и погибельного греха.

Моисей пребывал на горе Синай в течение сорока дней, что некоторым из народа показалось очень долгим. Эти люди стали бунтовать народ, говоря, что Моисей умер и больше не придет, а значит, и Бог их покинул. По их мнению, необходимо было сделать идола, наподобие египетских, и молиться ему, чтобы вернулись все те блага земные, которые были оставлены в Египте. Возмутилась та партия, которая была настроена на возвращение. И народ пошел за ней, не внимая увещаниям Аарона и его единомышленников. Люди собрали достаточное количество золота и отлили из него тельца, который заменил им Бога.

Спустившись с горы и увидев народ, поклоняющийся золотому тельцу, Моисей разгневался и разбил о землю скрижали с написанным на них текстом Закона. Это отрезвило народ. Многие изменили свое мнение и раскаялись в своем предательстве. Опасность оязычивания была так велика, что Моисей пошел на крайнюю меру: все, кто упорствовал в склонности к язычеству, были убиты.

Вымолив у Бога прощение своему народу, Моисей вновь взошел на гору и вернулся с новыми каменными скрижалями, на которых были начертаны десять заповедей Закона Божиего.

Попытаемся по порядку рассмотреть эти заповеди (Исх. 20, 1–17).

1) *«Я есть Господь, Бог твой: да не будет у тебя богов иных, кроме Меня»*.

В этой заповеди говорится о признании единого Творца, о воздаянии божественных почестей Ему одному и никому,

кроме Него. Но это воздаяние не может быть чисто внешним признанием того, что Бог существует, что Он — Творец и что Он един. Это воздаяние не может также ограничиваться только исполнением обрядов без участия самого человеческого сердца в служении Богу.

Апостол Иаков писал: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? <...> Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; *и бесы веруют и трепещут*. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? <...> И исполнилось слово Писания: „Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим“» (Иак. 2, 14. 19–23).

Эта заповедь направляет человека:

— к твердой уверенности в существовании Бога;
— к постоянной памяти о Боге, т. е. к наблюдению за своими чувствами, мыслями, словами и делами так, как это делает человек, постоянно находящийся лицом к лицу с Богом. Нужно помнить о том, что Бог видит не только всякое дело, но и все то, что сокрыто в сердце человека;
— к надежде на Бога, к терпению всего того, что посылается в жизни, и вере в то, что все в ней от Бога. Не роптать, не унывать, но помнить, что только Бог знает, когда и что нам полезно и необходимо;
— к благодарению Бога, к памяти о том, что все, что мы имеем, не наше, но Богом данное нам;
— к безбоязненному исповеданию единого Бога Творца и его Закона пред людьми.

Соответственно, грехами против первой заповеди являются: безбожие, многобожие, неверие (т. е. состояние души, когда человек, признавая или не признавая бытие Божие, не верит в божественный промысел и старается полагаться прежде всего на себя, на сильных мира сего, на дела рук человеческих и т. п., но не на Бога), ересь, раскол, богоотступничество, отчаяние, уныние, суеверие, колдовство, магия, леность, любовь к твари больше, чем к Творцу, человекоугождение и т. п.

2) *«Не сотвори себе кумира, ни какого-либо изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах под землею: не поклонися им и не служи им».*

Этой заповедью запрещается идолопоклонство вообще и изображение явлений природы (небесных светил, животных и т. д.), в том числе и человека, *с целью поклонения им.*

Современный журналист и детский писатель Евгений Санин точно и очень просто выразил сущность идолопоклонства:

Сколько идолов кругом —
Ими полон каждый дом!
Телевизор—вот кумир,
Соблазнивший целый мир.
Идол многих—телефон,
Видеомагнитофон,
Кинозвезд фотопортреты...
Даже вкусные конфеты,
Если слишком их любить,
Могут идолами быть!
Оглядите дом с порога:
Все, что нам дороже Бога,
А всего не перечесть —
Это идолы и есть!

Человек, не задумываясь о том, может беззаветно служить своему тщеславию, искать званий, титулов, знаменитости. Идолом для многих является алчность и материальное благополучие. Маммона[1] может заменить Бога. Однако Христос сказал: «Никто не может служить двум господам: ибо одного будет ненавидеть, а другого любить... Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24). Апостол Павел о людях, на деле ставящих превыше всего чувственные удовольствия, говорил: «Их Бог—чрево» (Флп. 3, 19).

3) *«Не произноси Имени Господа, Бога твоего напрасно (впустую, всуе)».*

Данная заповедь налагает запрет на легкомысленное и неблагоговейное отношение к имени Бога, которое является выражением такого же отношения и лично к Самому Богу.

[1] Маммон—арамейское слово, обозначающее «богатство» (Мф. 6, 24); оно называется неправедным богатством (Лк. 16, 9), так как обычно приобретается и употребляется грешным образом (см.: *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 236).

К грехам против этой заповеди относятся *божба* (пустые клятвы именем Божиим), *богохульство* (дерзкие слова против Бога), *кощунство* (шутливые разговоры, слова по отношению к святыням, анекдоты с использованием святых имен или понятий, насмешки над ними и т. п.), *нарушение обетов, данных Богу, ложные клятвы именем Божиим*, употребление имени Божьего в качестве приговорок, фразеологизмов, «к слову» (например: ах, ты, Боже мой! Господи! Бог его знает).

Произнося имя Божие впустую, в суете, человек совершенно забывает об истинном предназначении этих слов. Смысл же их произнесения—обращение лично к живому Богу.

4) *«Помни день субботний, чтобы святить его (проводить его свято): шесть дней трудись и делай в продолжение их дела твои, а седьмой день—суббота Господу, Богу твоему».*

Этой заповедью устанавливается специальный день для особого почитания Бога, в который оставляются дела, связанные с добыванием средств к существованию, с бытом и повседневным трудом. Этот день полностью должен быть посвящен Богу. Но только лишь внешнее исполнение этой заповеди, равно как и всех других, приводит к извращению практики духовной жизни. Например, человек может ревностно наблюдать за тем, чтобы в этот день не брать в руки иглу или метлу, но с легкостью способен нанести обиду ближнему своим отношением или может не прийти на богослужение и не участвовать в Таинствах Церкви. Именно такое отношение к субботнему дню, дню особого почитания Бога, было настойчиво обличаемо Иисусом Христом. Традиционно такое отношение к святыне именуется *фарисейством.*

Фарисеи были самой многочисленной и могущественной партией в иудейском обществе в I в. до Р. Х. Иосиф Флавий указывал на существование фарисеев уже около 145 г. до Р. Х.[1]

Фарисеев характеризовало «подчеркнуто строгое соблюдение всяких внешних установлений, как предписанных законом, так и множество других заповедей, которые они сами добавляли к закону. Они были ревностными хранителями

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 461.

отеческих установлений как церковных, так и общественных, добивались политической независимости еврейского народа. Фарисеи были ортодоксальными (т. е. неуклонно соблюдающими признанные догмы) патриотами, в противоположность либеральной партии саддукеев, которая относилась к этим вопросам более свободно. Фарисеи пользовались уважением со стороны народа, и одна пословица гласила: „Если бы только два человека попали на небо, то один из них был бы фарисей“»[1]. Вместе с тем «фарисеи были самыми злобными противниками Христа»[2]. Это происходило из-за того, что Христос резко критиковал формальное отношение к исполнению закона — *буквализм*.

В Древнем Израиле почитание субботы выражалось как в посещении храма или синагоги, в молитве, чтении и толковании Священного Писания, так и в запрете на совершение бытового труда. Вторая сторона исполнения данной заповеди приобрела в народе чрезвычайное развитие, такое, что затмила главную сторону — почитание Бога в делах милосердия, в не формальном, но живом отношении к богослужению, в деятельном проявлении любви, т. е. *в делах веры*.

В «Библейском словаре» отмечено: «С течением времени фарисейское иудейство довело внешнее празднование субботы до такой крайности, что запрещало делать добро в субботу, так что евреи во времена Христа были известны между язычниками прежде всего своим соблюдением субботы»[3]. Согласно фарисейским установлениям женщина в субботу не имела права взять на руки ребенка, приготовить пищу, прибрать жилище, сходить за водой. Врач не имел права излечить больного в этот день.

В ответ на обвинение в том, что Его ученики (апостолы) в субботу, проходя по хлебному полю, осмелились сорвать колосья, чтобы утолить голод, Христос ответил фарисеям: «Если бы вы знали, что значит: *милости хочу, а не жертвы*, то не осудили бы невиновных, ибо Сын Человеческий

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 461.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 438.

(Христос) есть Господин и субботы» (Мф. 12, 7–8). В другой раз в ответ на обвинение в том, что Он исцелил человека в субботу, Христос сказал: «Отец Мой доныне делал, и Я делаю» (Ин. 5, 17). Таким образом, Иисус Христос обращал внимание людей на то, что, во-первых, Он есть Тот, Кто дал заповедь о субботе, т. е. Бог-Законодатель. Поэтому Себя Христос назвал Господином субботы, указав, что в непочитании субботы люди обвиняли Того, ради Кого собственно она и была установлена. Законодатель обращал внимание исполнителей закона на то, что они неверно его толкуют, и на это исполнители отвечали яростью по отношению к Законодателю, поскольку желали исполнять закон таким образом, каким им это было удобно, выгодно и привычно. Во-вторых, Христос обращал внимание людей на то, что и Сам Творец в седьмой день, когда завершил сотворение мира, не устранился от этого мира, но продолжает не переставая промышлять и заботиться о нем, делать добрые дела для людей и для всякой твари.

Христос исцелял больных, но особенно часто Он делал это в субботу, потому что именно в этот день народ в большом количестве собирался в синагогах для чтения и толкования пророчеств о грядущем Мессии — Спасителе. Приходил в места собраний и Христос, поучения и толкования Которого все слушали с большим вниманием. Здесь Он видел множество страждущих, которых, согласно их желанию, тут же исцелял. Это вызывало возмущение ревнителей буквы закона, но Христос всегда отвечал так, что Ему нельзя было возразить: «Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы? (Мф. 12, 11–12). Спрошу Я вас: что должно делать в субботу: добро или зло, спасти душу или погубить? (Лк. 6, 9)».

Отношение к субботе, как ко дню, в который особенно ревностно необходимо творить добрые дела — богослужения, молитвы и милостыни (милостыни чувством, словом и делом, *т. е. дела милосердия*), в Церкви распространяется на все церковные праздники. Однако до сих пор фарисейское отношение к праздничным дням можно наблюдать и в среде христиан, в том числе православных. С этим явлением Церковь

пытается бороться своим примером, объяснениями и обличениями, как это делал Христос.

Иногда возникает недоуменный вопрос: почему христиане почитают воскресный, а не субботний день недели? Однако никакого противоречия заповеди о почитании субботы в этом нет. Во-первых, еврейское слово *шабат* (суббота) переводится на русский язык как «покой», день, в который нет дел. Таким образом, суббота—это седьмой день недели, следующий за шестью трудовыми днями, предназначенный для покоя от обычных дел. Некоторые славянские языки, например, украинский, сохраняют первоначальное название седьмого дня (воскресенья)—*неделя*. В русском языке этот день также сначала именовался неделей. *Неделя—нет дел, день без дел (покой)*.

Временной же цикл, состоящий из семи дней, именовался *седмицей*. Церковно-славянский язык продолжает сохранять первоначальный смысл этих слов, основанный на их истинном значении.

Таким образом, славянское слово *неделя* по смыслу соответствует еврейскому—*суббота*.

Однако днем покоя от будничных забот, днем, посвященным Богу, т. е. главным днем седмицы для христиан, естественно, является день Воскресения Иисуса Христа, т. е. воскресный день или просто воскресение. Это и есть христианская суббота (неделя). В среду Христос был предан Иудой Искариотским. В пятницу состоялся Его арест, неправедный суд и казнь. На следующий день совершилось сошествие Иисуса Христа в ад. А в третий день после Своей смерти Он воскрес. Этот день и был назван Воскресением.

Все современные наименования дней седмицы, кроме одного, берут начало, ориентируясь на *Воскресный день—христианскую субботу*:

1) неделя—Воскресение;
2) после недели (понедельник);
3) второй после недели (вторник);
4) средний в седмице (среда);
5) четвертый после недели (четверток или четверг);
6) пятый после недели (пяток или пятница);
7) суббота.

Почему шестой день после недели сохранил свое историческое еврейское наименование, не став каким-нибудь «шестериком»? Дело в том, что через это сохранение показывается, во-первых, преемственность Нового Завета по отношению к Ветхому Завету, а во-вторых, главенство Нового Завета над Ветхим Заветом, ибо новозаветная христианская суббота (Воскресение) следует после ветхозаветной субботы и является с момента Воскресения Иисуса Христа главным днем новозаветной седмицы. Именно для того, чтобы подчеркнуть разницу между ветхозаветным и новозаветным днями покоя и прославления Бога, день сошествия Христа в ад сохранил историческое название—суббота, а день Воскресения Христа стал называться—неделя. Постепенно в русском языке название главного дня дало название всей седмице, которая ныне именуется неделей.

Христиане воскресный день (день новозаветной субботы) стараются начинать богослужением, совершаемым в храмах, исповеданием грехов и причащением Тела и Крови Христовых, чтобы затем в течение дня уделить особое внимание богоугодным делам, жертвуя свой труд во славу Бога и на пользу ближним.

5) *«Почитай отца своего и матерь свою, чтобы тебе благо было и чтобы ты долго жил на земле»*.

Как сказал апостол Павел, эта заповедь явилась первой, в которой кроме регламентирующих наставлений дано обещание награды за ее исполнение (Еф. 6, 2). Почитающий родителей будет жить долго и счастливо.

А. П. Лопухин писал: «Почтение к родителям издавна считалось нравственною обязанностью детей, но это естественное чувство не имело еще высшего законодательного определения и поэтому у большинства народов преобладало вопиющее варварство. У некоторых народов древности был даже обычай предавать смерти своих престарелых родителей или оставлять их беспомощными. Среди древних народов мать вообще занимала низшее положение и по смерти своего мужа становилась в подчиненное положение к своему старшему сыну. Но теперь

было заповедано, что сын, даже соделавшись главою семейства, должен так же почитать мать свою, как почитал отца»[1].

Данная заповедь — это прежде всего заповедь о послушании. Непослушанием Отцу Небесному человек погубил себя. Именно с непослушания начинается череда грехов в жизни человека. Традиционно христиане обязанности по исполнению этой заповеди относят не только к отцу и матери, но и к учителям, наставникам, начальникам и просто старшим людям. Но при этом христианское отношение к данной заповеди утверждает, что если родители или начальники потребовали бы совершить что-либо противное Закону Божиему, то тогда должно поступать так, как поступили апостолы, отвечая начальникам общества, в котором они жили: «Судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога» (Деян. 4, 19).

6) *«Не убивай»*.

Этой заповедью совершается запрет на отнятие жизни у человека, в том числе и у себя самого. Самоубийство считается величайшим грехом, так как, во-первых, оно совершается в состоянии безнадежности, безверия, уныния или обиды и гнева, которые отвергают человека от Бога — источника жизни и счастья. Таким образом, человек уходит в вечность в положении богооставленности. Во-вторых, лишая себя жизни, человек лишает себя возможности покаяться в этих тяжких грехах, а следовательно, оставаясь в них вечно, лишает себя возможности унаследовать Царство Небесное, рай и счастье быть с Богом.

Особой проблемой является убийство на войне. Церковь относится к войне как к злу. «Война есть зло, — говорится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». — Причина его, как и зла в человеке вообще, — греховное злоупотребление благодатной свободой»[2].

В Евангелии переданы слова Господа Иисуса Христа: «Взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). В этих словах Спасителя находит обоснование идея справедливой войны.

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 119.

[2] *Основы* социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 57.

Преподобный Исидор Пелусиот указывал: «...Не должно обвинять всех ведущих войну; положивших начало или нанесению обиды, или хищению справедливо называют губительными демонами; отмщающих же умеренно не надлежит и укорять... потому что делают дело законное...»[1]. Преподобному Феофану Затворнику Вышенскому принадлежат следующие слова: «Воюют по любви к своим, чтоб они не подверглись плену и насилиям вражеским. Что делали французы в России?.. И как было не воевать с ними...»[2]. Существуют и более прямые и категоричные высказывания. «Не позволительно убивать. Но убивать врагов на брани и законно и похвалы достойно», — писал преподобный Афанасий Великий в послании к Аммуну[3].

«Основы социальной концепции РПЦ» указывают и на ряд факторов, оправдывающих войну как меньшее зло, среди которых главными являются следующие:

— «войну можно оправдать только стремлением восстановить мир и порядок»;
— «войну следует объявлять ради восстановления справедливости»[4].

Справедливость же определяется Законом Божиим, но не частным или общественным человеческим мнением, которое само по себе часто бывает ложным и изменчивым. «Не надейтесь на князей, на сынов человеческих, в них же нет спасения... Блажен тот, кому помощник Бог...» — так царь и пророк Давид воспевал истинность справедливости Божией и указывал на несовершенство справедливости человеческой (Пс. 145).

Профессор Московской духовной академии А. И. Осипов писал: «Явными признаками, по которым можно судить о праведности или несправедливости воюющих, являются методы ведения войны, а также отношение к пленным и мирному населению противника... Ибо... даже защищаясь от нападения... можно в то же время творить всяческое зло и в силу этого

[1] *Основы* социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 477.

[2] Там же.

[3] *Правила* Православной Церкви. М., 2001. Т. 2. С. 394.

[4] *Основы* социальной концепции... С. 59.

по своему *духовному* или *моральному* состоянию быть не выше захватчика. Справедливая война ведется с гневом праведным, но не со злобою, алчностью, похотью (2 Ин. 2, 16) и прочими порождениями ада. И потому *наиболее точную* ее оценку как подвига или, напротив, разбоя можно сделать лишь исходя из анализа *нравственного состояния народа и армии*»[1].

В иконографии святого великомученика Георгия Победоносца черный змий попирается копытами коня, который всегда изображается ярко-белым. Этим наглядно показывается, что зло и борьба с ним должны быть абсолютно разделены, ибо, борясь с грехом, важно не приобщиться к нему, не уподобиться злу. Апостол Павел писал: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию... Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но зло побеждай добром» (Рим. 12, 19–21). Этими словами обосновывается необходимость милосердного отношения к раненым и пленным.

«*Лишь победа над злом в своей душе* открывает человеку возможность справедливого применения силы. Такой взгляд, утверждая между людьми главенство любви, *решительно отвергает идею непротивления злу насилием*. Нравственный христианский закон осуждает не борьбу со злом, не применение силы к его носителю и даже не лишение жизни в качестве последней меры, но злобу сердца человеческого, желание уничижения и погибели кому бы то ни было»[2]. Когда воины, покаявшись в грехах, спросили Иоанна Крестителя, что им теперь делать, он не призвал их оставить воинскую службу, но сказал: «Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованием (т. е. не грабьте, не мародерствуйте)» (Лк. 3, 14).

Однако вместе с тем, что Церковью признается верность идеи справедливой войны и праведного гнева, отношение к исполнению воинского долга не столь однозначно. Тот же преп. Исидор Пелусиот писал: «Хотя умерщвление неприятелей

[1] *Осипов А.И.* Православное понимание смысла жизни. Киев, 2001. С. 38–39.

[2] *Осипов А.И.* Указ. соч. С. 38–39.

на войне кажется делом законным и победителям воздвигаются памятники... однако же если разобрать тесное сродство между всеми людьми, то и это умерщвление не невинно; почему Моисей и предписал убившему человека на войне пользоваться очищениями и кроплениями»[1]. Действительно, пророк Моисей (около 1500 лет до Р. Х.) в Писании Ветхого Завета согласно откровению Божию требует от воина, вернувшегося из битвы, семь дней находиться вне стана, очищаясь от пролитой крови (Чис. 31, 19).

Несмотря на то, что убиение на брани не вменяется в убийство, все же тринадцатое правило святителя Василия Великого (IV в.) требует, чтобы убивавшие, как имеющие нечистые руки, на три года, в качестве епитимии, удерживались бы от таинства причастия[2]. Сорок третье правило того же святого гласит: «Нанесший ближнему смертный удар есть убийца, он ли первый нанес удар или отмщал»[3]. Однако и св. Василий видел разницу между убившим на поле брани и убившим невольно в мирное время. Убивший невольно и покаявшийся отлучается от причастия на десять лет, тогда как убивший врага на войне лишь на три года. Вольный же убийца, в случае его покаяния, отлучается на двадцать лет[4]. Эти правила Василия Великого впоследствии были подтверждены правилами св. Иоанна Постника, который внес лишь некоторые поправки[5].

При всем том, что справедливая война — это зло, хотя и меньшее, убийство на войне — это убийство, хотя и законное, число воинов среди святых Православной Церкви весьма велико. На это, в частности, указывал святитель Феофан Затворник (XIX в.): «На воинах и войнах часто видимое Бог являл благословение и в Ветхом, и в Новом Завете. А у нас сколько князей прославлены (нетленными) мощами, кои, однако ж, воевали. В Киево-Печерской Лавре в пещерах есть

[1] *Сокровищница* духовной мудрости. Антология святоотеческой мысли. Издание Московской Духовной академии и Введенской Оптиной пустыни, 2003. Т. 2. С. 476.

[2] *Правила* Православной Церкви. Т. 2. С. 394.

[3] Там же. С. 426.

[4] *Правила* Православной Церкви. Т. 2. С. 436–437.

[5] Там же. С. 563.

мощи воинов»[1]. Первым среди Киево-Печерских воинов-святых является богатырь и монах преподобный Илия Муромец (XIII в.). Назовем и других святых воинов: мученик Димитрий Солунский, великомученик Георгий Победоносец, сорок мучеников Севастийских, князья страстотерпцы Борис и Глеб, мученик Меркурий Смоленский, святые благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской, праведный воин Феодор Ушаков и великое множество святых воинов...

В связи с чем среди православных по всему миру развито такое ревностное почитание праведных воинов-христиан? Прекрасное объяснение этого феномена дает эпизод из жития святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славян. Когда св. Кирилл был послан Патриархом Константинопольским на евангельскую проповедь и прибыл в столицу сарацин, с ним вступили в спор о вере ученые — последователи Магомета, которые задали вопрос: «Христос, ваш Бог, заповедал вам молиться за врагов, творить добро ненавидящим вас. А вы что делаете? Если кто обидит вас, вынимаете оружие и убиваете. Почему вы не слушаете своего Христа?» Выслушав это, св. Кирилл спросил в ответ: «Если в законе написаны две заповеди, какой человек более совершенно последует закону — тот, который исполнит одну заповедь или обе?» Когда агаряне сказали, что совершеннее исполнит закон, кто соблюдет обе заповеди, тогда проповедник объяснил, что Христос, повелевший молиться за обидящих и им благотворить, сказал также, что никто не может явить большей любви, чем положить душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13). Вот почему христиане великодушно терпят обиды, причиняемые им лично, но друг друга защищают и в битвах полагают души свои за ближних своих, дабы, пленив, не принудили их к отречению от веры. Воины охраняют Святую Церковь, государя, в особе которого почитают образ власти Небесного Царя, отечество, разрушением которого народ потеряет независимость, и поколеблется вера Евангельская. «Вот драгоценные залоги, — продолжал Кирилл, — за которые до последней капли крови должны сражаться воины, и если они на поле брани положат души свои, Церковь причисляет их к лику святых мучеников и нарицает молитвенниками перед Богом»[1].

[1] *Сокровищница* духовной мудрости... С. 477.

По мнению церкви, человек становится причастным к греху убийства и тогда, когда, не совершая лично, способствует убийству или не помогает погибающему, когда имеет возможность помочь ему. К греху убийства (самоубийства) в том числе причисляются курение, пьянство, наркомания и прочие пороки, способствующие сознательному погублению души и плоти человеческой.

Повинными в грехе убийства считаются также все, кто зложелателен, ненавистлив, гневлив. Христос сказал: «Всякий, ненавидящий брата (ближнего) своего, есть человекоубийца» (Ин. 3, 15), ибо в сердце своем уже убил брата своего.

Сегодня распространено убийство младенцев собственными отцами и матерями — аборты. Это деяние является прямым убийством, так как совершается умерщвление (мучительное для убиваемого) уже родившегося и существующего в утробе матери человека, личности, Образа Божия. Церковь считает это убийство за грех более тяжкий, нежели любое другое, ибо этим грехом попираются самые основания любви: отцовство и материнство, попирается благословение Божие: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1, 28). Вспомним, как жаждали исполнения на себе этого благословения святые патриархи, как они были благодарны Богу за дарование потомства.

Церковь грехом убийства считает также и отвращение человека от веры, ввержение его в неверие, препятствование рождению веры, так как вера в Творца является непременным условием вечной жизни (которая и есть в библейском понимании истинная жизнь). Таким образом, лишающий себя или кого-то другого веры в Единого Бога лишает себя или другого жизни. Христос говорил: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили бы его во глубине

[1] *Основы* социальной концепции... С. 58.

морской. Горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 6–7).

7) *«Не прелюбодействуй»*.

Этой заповедью совершается запрет на всякий блуд: незаконное сожительство вне семьи (вне законного супружества), нарушение супружеской верности.

Для Древнего мира эта заповедь была весьма актуальна. «Древний мир утопал в похотях, вся жизнь его отравлялась ядом животного сладострастия, и сами боги изображались далеко не образцами целомудрия»[1]. Вспомним пример Содома и Гоморры, а также развращенность греческого и римского античного общества, где соблазн и разврат возводились в культ, отражаясь на верованиях и представлениях о божествах.

Соблазн блуда весьма силен, и природа человека им столь поражена, что при современном упадке христианского благочестия седьмая заповедь для общества становится все более актуальной. Современные средства коммуникации и массовой информации способствуют быстрому и широкому распространению порока блуда.

Согласно библейской традиции к греху блуда причастен не только тот, кто физически оскверняется им, но прежде всего тот, кто поражен им в своей душе. Снова обратимся к словам Христа: «Сказано в законе: не прелюбодействуй. А Я говорю, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28). Поступок есть выражение той добродетели или того греха, которые живут в сердце человека. Поступающий греховно прежде всего внутренне принял этот грех, согласился с ним и соединился с ним своим существом, а не отверг его, т. е. согрешил в сердце своем, а уже затем грех воплотился в его делах.

8) *«Не воруй»*.

Эта заповедь провозглашает священным право на *законную* собственность, а воровство, незаконное присвоение чего бы то ни было, объявляет преступлением. Кражи, грабежи, вымогания и ожидание взяток, тунеядство, лихоимство

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 119.

(лихое, т. е. неправедное, приобретение), обман ради наживы и т. п., как и самые мысли обо все этом, подпадают под действие этой заповеди.

9) *«Не лжесвидетельствуй»*.

Этой заповедью осуществляется запрет на всякую клевету, ложные доносы, наговоры, напрасные обвинения, сплетни, злословия, осуждение всякого рода.

Любое осуждение другого человека чаще всего оказывается в той или иной мере ложью, ибо не может осуждающий знать, какие мотивы двигали тем, кого он осудил. Наше мнение не совершенно и извращено, ибо часто в добре видим зло, а во зле добро. Закон Божий призывает возложить суд над человеком на Законодателя, на Бога как Истинного Судью. «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»,— писал апостол Павел (Рим.12, 19).

«Не судите да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы»,— читаем слова Иисуса Христа в Евангелии (Мф. 7, 1–2). Видеть неправду, отличать добро от зла, избегать следования неправде, но не осуждать человека, поддавшегося, как нам представляется, неправде. Духовный опыт подвижников указывает на то, что, во-первых, человек в другом человеке способен замечать только те грехи, только то зло, с которым сам непосредственно знаком и которому подвержен. Ребенок не способен различить грех в действиях взрослых, так как в мыслях своих не подвержен греху. А во-вторых, человек, сердечно осудивший другого человека или посмеявшийся над ним, рано или поздно по попущению Божию сам впадет в тот же самый грех, дабы увидел свою собственную низость, недостоинство и больше не имел дерзости превозношения над ближними.

10) *«Не желай ничего, что принадлежит ближнему твоему»*.

Эта заповедь налагает запрет на зависть. Зависть— это то, что повергло Денницу и сотворило из него диавола. Это то, что приводило и продолжает приводить к малым и великим социальным потрясениям, что заставляет людей ненавидеть друг друга и делает их врагами. Профессор А. И. Осипов од-

нажды на вопрос о зависти ответил, что нет зависти белой или черной, зависть бывает только зеленая: моего друга наградили, а я позеленел от зависти. Не важно, какого цвета пальто, важно, какую функцию оно исполняет. Есть *зависть*, а есть *радость* за ближнего. Зависть и сорадование — абсолютно разные по своей сути вещи. Первая эгоистична и горда, вторая жертвенна и смиренна.

Кроме того, эта заповедь еще раз ярко указывает на то, что Закон Божий «не только осуждал злое дело, он проникал глубже и осуждал самую мысль злую, заповедав: „не пожелай“ ничего такого, что противно основным законам нравственности»[1].

Профессор А. П. Лопухин следующим образом оценивал сущность Синайского законодательства: «Синайское законодательство в своих основных началах давалось на все будущие времена. Оно заложило основу истинной нравственности и человеческого достоинства в мире. Это был час нарождения народа, отличного от всех дотоле существовавших в истории. Простые, но глубокие и вечные истины о духовном и личном Боге, о почтении к родителям, о целомудрии, о святости человеческой жизни и собственности, о чистоте совести — все эти истины открыты или утверждены были на Синае в наследие всем последующим векам... Взятое в целом Синайское законодательство по своим началам является необычайным и чудесным в истории человечества. Оно не только устанавливает истинные воззрения на Божество и отношение к Нему человечества, но и взаимные отношения между людьми ставит на совершенно новых началах. Дотоле существовали в этом отношении только такие законы, в которых притеснитель налагал иго на подчиненных, сильный и богатый угнетал слабого и бедного. Теперь впервые провозглашены были законы общественного равенства»[2].

В этих словах кроме оценки законодательства присутствует указание на то, что сам Закон состоит из двух частей: *первая* — заповеди, посвященные отношению человека

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 120.
[2] Там же. С. 121.

к Богу (1–4) и *вторая* — заповеди, посвященные отношению человека к человеку (5–10). Причем в последовательности заповедей отражена их иерархия.

Для того чтобы определить ценностную шкалу общественной морали, можно попытаться его членам поставить задачу перечислить десять заповедей Синайского законодательства. Обычно современные люди начинают это перечисление с шестой заповеди: не убивай. Затем — не кради. Затем непоследовательно вспоминают заповеди об отношениях между людьми. При этом обычно не обращаются к заповедям об отношении к Богу или ставят их на последнее место.

Однако главной среди заповедей является заповедь о вере в Единого Бога Творца, ибо исполнение этой заповеди является основанием для исполнения всех остальных заповедей. Она составляет основу спасения человека для жизни вечной и счастливой. Нарушение этой заповеди в конце концов приводит к нарушению и всех последующих заповедей.

Кроме того, с точки зрения самого Закона, заповедь «не убивай» не является главной среди заповедей об отношениях между людьми. Наиболее среди них важной оказывается *заповедь о почитании родителей* и старших, ибо первая заповедь о почитании Бога Отца тесно связана с пятой о почитании отца и матери. Послушание Богу и послушание родителям имеет одну природу, так же как и непослушание им. Отец является главой семьи, так же как и Бог является главой мира. Поэтому грех против родителей, проявляющийся в их непочитании, по Закону является грехом более тяжким для души человека, чем убийство.

Обычно результаты такого простого тестирования сегодня указывают на секулярность обывательского мировоззрения, для которого основными ценностями являются физическое здоровье, имущественное и социальное положение. Духовно-нравственные же ценности остаются намного менее востребованы. Это серьезный сигнал, на который семья и школа должны отреагировать, уделив особое внимание духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения.

Несмотря на то, что рассмотренные нами десять заповедей являлись сердцем и душой Закона, Синайское законодательство не ограничивалось только ими. В последующих главах книги Исход были зафиксированы нормы имущественного и уголовного права, правовые нормы брака. Также были отражены правила, регламентирующие положение вдов, сирот и рабов в израильском обществе.

Особенной частью Синайского законодательства явился свод положений о *скинии* (специально оборудованном месте для совершения богослужений) и о порядке совершения в ней богослужений, а также о священстве и о порядке совершения им жертвоприношений. Последние правила особенно подробно раскрыты в книге Левит.

В книге Числа были зафиксированы положения закона о переписи населения и о военной обязанности, об обязанностях священнических родов, о *назорействе* (посвящении человека Богу), закона о десятине, о делении военной добычи и о наследовании имущества.

В книге Второзаконие была отражена дальнейшая разработка законов о собственности, о военной службе, о брачных отношениях, о разводе, о наемном труде, о случаях невольного убийства, греха, осквернения и возможностях очищения от них и прочее.

Описание и характеристика основных положений гражданского права Синайского законодательства приводятся в известном труде А. П. Лопухина «Библейская история Ветхого Завета», в XXII главе «Постановления Моисеева законодательства касательно гражданского быта».

Тщательная разработанность, продуманность положений Синайского законодательства и его очень высокая нравственная планка послужили поводом для критики со стороны скептиков, утверждавших следующее: «Закон, известный по книгам Исход, Левит, Числа и Второзаконие, является позднейшим изобретением. Он не был издан около 1500–1400 гг. до Р. Х. Основные его положения были записаны и кодифицированы лишь около 500–450 гг. до Р. Х. <...> Свод законов в том виде, как о нем говорится в упомянутых выше четырех

книгах Ветхого Завета, был трудно доступен для восприятия и понимания малокультурных людей, какими были в то время израильтяне...»[1].

Однако пять археологических находок опровергли эту точку зрения:

1. Кодекс законов города-государства Эшнунны (современный Телль-Асмар в 90 км от Багдада), который древнее кодекса законов Хаммурапи, но обладает рядом схожих по содержанию и характеру черт.

2. Кодекс законов царя Липит-Иштара, который древнее кодекса Хаммурапи примерно на 200 лет и также содержит аналогичные ему статьи законов.

3. Глиняные таблички, обнаруженные в 1945 г. в Телль-Хермеле и содержащие законы времен Билаламы (1900 г. до Р. Х.). Один из них напоминает положения закона Моисея о собственности на крупный рогатый скот. Кодекс законов Билаламы состоит из введения и 59 статей, определяющих торговые отношения, тарифы цен и оплаты, наказания за невыполнение экономических или других обязательств. Другая часть статей касается уголовного и брачного права, вкладов, продажи, а также ущерба, нанесенного собственникам.

4. Кодекс законов знаменитого аморейского царя Вавилона Хаммурапи (1792–1750 гг. до Р. Х.), текст которого выбит на черном базальтовом столбе, найденном в Сузах в 1901 г. Этот кодекс содержит 247 статей уголовного и гражданского права, а также статьи по административному праву и законы, регламентирующие торговые отношения и другое. Специалисты утверждают, что он вобрал в себя основные положения статей законов Эшнунны и Липит-Иштара. Этот кодекс также содержит ряд статей, схожих со статьями закона Моисея.

5. Глиняные таблички из Рас-Шамры, открытые в 1929 г. (северная Сирия), относящиеся к собранию клинописных текстов библиотеки верховного жреца древнего Угарита, датируемые 1400–1200 гг. до Р. Х. В них были описаны религиоз-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 122.

ные обряды, напоминающие религиозные обряды израильтян и описанные в статьях закона Ветхого Завета, но с той существенной разницей, что одни были посвящены языческим божествам, а другие Единому Богу[1].

Как видим, законы четырех из пяти документов оказываются значительно древнее законов Моисея. Если халдеи и хананеи были достаточно цивилизованными для того, чтобы издавать столь глубоко разработанные законы, то почему израильтяне не могли иметь собственных законов, разработанных подобным же образом? По уровню культурного развития, как мы уже убедились, они не могли уступать народам Месопотамии и Ханаана.

Приведем ряд суждений, принадлежащих современным ученым. Профессор-рационалист Йельского университета М. Барроуз писал: «Некоторые ученые полагают, что уровень развития общества и уровень морали, отраженные в законах Моисея, слишком высоки для той древней эпохи. Однако сведения, которые содержатся в древних кодексах законов вавилонян, ассирийцев и хеттов, а также высокие идеалы, которые нашли отражение в древнеегипетской „Книге мертвых“ и в древней книжной мудрости египтян, окончательно опровергают это утверждение»[2].

С другой стороны, сходство статей закона Моисея с законами ассирийцев, вавилонян и хананеев дает повод оппонентам достоверности сведений Библии утверждать, что Моисей просто заимствовал свои законы из кодекса Хаммурапи. Однако тщательное исследование обоих сводов показало, что в действительности заимствования между ними не существует. Это признал и профессор-рационалист Пенсильванского университета Джордан А. Бартон, который писал: «В целом сопоставление кодекса Хаммурапи с законами Пятикнижия при всем их кажущемся сходстве убеждает исследователя в том, что законы Ветхого Завета, по существу, не заимствованы из вавилонских законов»[3]. Профессор археологии

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 123–125.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 126.
[3] Там же. С. 127.

Дж. А. Томпсон отмечал, что не стоит особенно удивляться сходству содержания законодательства Моисея с кодексом Хаммурапи. Ведь «поскольку семья патриарха происходила из Месопотамии, вполне естественно, что она принесла с собой и некоторые из законов общества, к которому она принадлежала до того времени, как покинула Месопотамию. Насущную необходимость подобных законов испытывала любая общественная система, и можно предположить, что они были утверждены Богом»[1].

Профессор археологии Дж. П. Фри следующим образом попытался объяснить сходство содержания законов Моисея с законодательствами древних народов при условии их самостоятельности: «...Возможно, законы, открытые Богом в очень древние времена (и переданные позже Моисею в кодифицированном виде), были предназначены для разных народов; однако со временем в законы были внесены изменения, различного рода поправки и искажения со стороны язычников. В результате передачи законов „из рук в руки“ и „от народа к народу“ они оказались записанными на глиняных табличках из Рас-Шамры»[2]. Н. Василиадис добавляет к этому: «Мнение профессора Дж. П. Фри о том, что закон был открыт народу Израиля в древнейший период (еще до Моисея), а затем передан другим народам, и после ряда изменений его содержание было воплощено в том виде, что известен нам по глиняным табличкам из Рас-Шамры, может быть основано на данных Священного Писания. Бог пообещал Исааку, который жил намного раньше Моисея: „Благословятся в семени твоем все народы земные, за то, что Авраам, отец твой, послушался гласа Моего и соблюдал, что Мною заповедано было соблюдать: повеления Мои, уставы Мои и законы Мои“» (Быт. 26, 4–5)[3]. «Повеления», «уставы», «законы» являются синонимами и означают заповедь или заповеди, которые Бог открыл патриарху Аврааму.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 128.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч.
[3] Там же.

2. Скиния Завета

Синайское законодательство содержит сведения о *скинии*—своеобразном святилище, предназначенном быть местом богослужений, жертвоприношений и присутствия Божиего. До учреждения и построения скинии функции святилища выполняла палатка (шатер) Моисея[1]. «Изображения алтарей (или святилищ—шатров) обнаружены среди археологических находок, датируемых III в. до Р. Х. Финикийцы возили с собой и использовали в военное время алтари-шатры. Эти алтари-шатры, конечно, относятся к более позднему времени, тем не менее, их существование указывает на то, что они были известны в древнем мире»[2].

Однако обычная палатка (шатер) мало соответствовала культовым потребностям умножившегося народа, поклонявшегося Единому Богу. Необходимо было специально оборудованное сооружение, каковым стала скиния.

Согласно Библии повеление устроить скинию, а также—каким образом она должна была быть устроена, Моисею дал Сам Бог (Исх. 25–27). Библейский словарь Э. Нюстрема обобщает библейские сведения о скинии: «Скиния—*евр. мишкан*. Скиния или шатер (Евр. 11, 9)—слово, которое преимущественно употреблялось для обозначения той палатки, которую Моисей, по повелению Божию, устроил в пустыне в качестве помещения для богослужений. Эта скиния называется также „скинией откровения“ (Исх. 38, 21) и „скинией собрания“, потому что народ собирался вокруг нее для богослужения.

По образцу, указанному Господом Моисею (Исх. 25, 9–40; 26, 30; Деян. 7, 44; Евр. 8, 5), скиния была построена в пустыне у Синая под руководством Веселиила и Аголиава (Исх. 31, 2–6; 35, 30–34) из драгоценных материалов, большую часть которых народ вынес из Египта (Исх. 38, 24 и далее; 12, 35 и далее); одного только золота было 29 талантов и 730 сиклей, а серебра 100 талантов и 1775 сиклей (Исх. 38, 24 и далее), всего, приблизительно на сумму около 2 миллионов рублей (данные по курсу рубля на конец 1970-х гг., т. е. около 3 миллионов долларов США.—*Свящ. С. К.*). Дары израильтян для скинии были так обильны, что собранного было более, чем нужно (Исх. 25, 35; 36, 3 и далее). Скиния представляла собой продолговатый прямоугольник 15 метров длины, 5 метров ширины и 5 метров высоты (Исх. 26, 15 и далее; 36, 20 и далее). Продольные стороны были обращены на юг и север, вход был с восточной стороны. Продольные и западные стены были сделаны из дерева ситтим (возможно, это акация.—*Свящ. С. К.)*, обложены тонкими листами золота и прикреплены шипами к литым серебряным подножиям. Наверху они были соединены шестами из того же дерева, обложенными золотом; эти шесты вкладывались в золотые кольца на концах вертикально стоявших брусьев. На восточной стороне не было брусьев, а только пять столбов из дерева ситтим, обложенных золотом, снабженных золотыми крючками и утвержденных на медных подножиях. Составленный таким образом остов покрывали четырьмя различными покрывалами.

<...> На пяти столбах, которые стояли перед входом с восточной стороны, висела богато вышитая завеса шириною в 20 локтей из голубой, пурпурной и червленой шерсти и белого виссона (Исх. 27, 16).

Внутри скиния была разделена на две части четырьмя столбами из дерева ситтим, обложенными золотом, подобно первым, но утвержденными на подножиях из серебра вместо меди (Исх. 26, 32; 36, 36); на этих столбах висела такая же завеса, как только что упомянутая (Исх. 26, 31 и далее; 36, 35; Евр. 9, 3). Оба внутренние помещения, вероятно, были разделены так, как и в храме: 2/3 скинии были заняты передним помещением, называемым Святое *(или Святилище)*, а одна треть—задняя—Святое Святых; следовательно, Святое было длиною 10 метров, шириною 5 метров и высотою 5 метров. Святое Святых представляло собой помещение в форме куба с одинаковой длиной, шириной и высотой в 5 метров. Ни Святое,

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 124.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 136.

ни Святое Святых не имели окон, чем объясняется постоянная необходимость в освещении во время богослужения.

Скиния была окружена двором в 50 метров длины и 25 метров ширины, расположенным с запада на восток и окруженным завесами или полотнищами, повешенными на столбах, обложенных медью в 7,5 метра высоты, с перекладинами и крючками из серебра. Эти столбы были утверждены на медных подножиях по 20 на продольных сторонах и по 10 на поперечных (Исх. 27, 9 и далее; 38, 9 и далее). <...> На этом дворе в западном направлении стояла скиния; ближе ко входу — жертвенник всесожжения, а между жертвенником и скинией — умывальник (Исх. 40, 6–7; 29–30).

В скинии находились различные священные предметы. За первой завесой в Святом, куда было позволено входить только священникам (Евр. 9, 6), помещались жертвенник курения (или алтарь кадильный — жертвенник для воскурения фимиама (ладана). — *Свящ. С. К.*), стол для двенадцати хлебов предложения и светильник (золотой семисвечник. — *Свящ. С. К.*). <...> (Исх. 26, 35; 30, 6 и далее; 40, 24; 40, 26 и далее). За второй завесой, в Святом Святых, куда входил только первосвященник и притом только однажды в год (Евр. 9, 7), стоял ковчег Завета.

В первый день первого месяца второго года после выхода из Египта Скиния была воздвигнута (Исх. 40, 17) и вместе со всеми принадлежностями торжественно помазана священным елеем, после чего слава Господня в облаке опустилась и наполнила скинию (Исх. 40, 34). <...>

Предназначенная для того, чтобы странствовать с Израилем по пустыне, скиния имела такое устройство, что ее легко было разбирать и носить, и также легко ставить снова»[1].

Ковчегом, или кивотом Завета, назывался ящик, сделанный из дерева и обложенный внутри и снаружи золотом, с золотой крышкой, на которой находились два скульптурных изображения херувимов из золота. В ковчеге Завета хранились скрижали с десятью заповедями (скрижали Завета), чаша с манной, жезл Ааронов, а впоследствии и священные книги.

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 418–419.

На двух сторонах ковчега было по два золотых кольца, куда вкладывались позолоченные шесты для его переноски.

«Конструкция и устройство Скинии Свидения (свидетельства) были привычными и знакомыми другим современным Израилю народам, в особенности хананеям, — писал профессор Томпсон. — Использованные материалы без труда можно было найти в местах странствования израильского народа. Дискуссии последних лет, касающиеся темы Скинии Свидения в целом, убедили исследователей в том, что к сообщению Священного Писания о Скинии Свидения в пустыне следует отнестись с большим уважением, чем относились исследователи и критики в прошлом веке»[1].

В результате археологических раскопок в северной части долины Негев, близ Телль-Арада, было обнаружено ханаанское городище IX–VII вв. до Р. Х. с расположенным в нем храмом. Планировка этого храма весьма напоминает планировку скинии завета: двор с алтарем (жертвенником) для сожжения жертв, портик, главный зал (святилище) и Святое Святых с маццеба и курильницами. Вряд ли эту планировку хананеи заимствовали у израильтян, которые, как мы увидим, на этот раз пришли в Ханаан отнюдь не с дружественным визитом, но как завоеватели. В случившемся крайнем противопоставлении культур такого заимствования произойти не могло. Уместным является предположение об общем источнике традиции именно таким образом устраивать святилища. Возможно, что эта традиция восходит к патриархам, но сведений, бесспорно доказывающих это, мы не имеем. Библия же, указывая на план устроения скинии, впервые говорит о подобной планировке святилища.

Для служения при скинии Моисей согласно откровению назначил всех потомков Левия, одного из сыновей Иакова-Израиля, из рода которого происходил и сам Моисей. Устанавливалась следующая иерархия: первосвященник, положению которого соответствовало положение епископов (современных архиереев); священники, по должности соот-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 136.

ветствовавшие иереям (современным священникам); левиты, исполнявшие обязанности, схожие с обязанностями современных диаконов, иподиаконов, пономарей, чтецов и т. д.

Первым первосвященником стал Аарон, брат Моисея, священниками — четыре сына Аарона, а прочие потомки Левия — левитами (само наименование должности указывало на их родовую принадлежность к колену Левия). Также согласно откровению было положено начало традиции, утвержденной Законом и состоявшей в том, чтобы в будущем первосвященником становился старший из рода Аарона, а прочие из его рода были священниками.

Скиния своим назначением и своей планировкой заложила основание образа будущего великого храма, посвященного Единому Богу, задуманного царем Давидом и построенного его сыном царем Соломоном, и вместе с этим храмом явилась прообразом христианских храмов, повторяющих и содержащих в себе основные составляющие ее части: двор, притвор, основную часть (Святилище) и алтарь (Святое Святых), а также и алтарную преграду, состоящую из иконописных образов святых, прообразом которой явилась завеса, отделявшая Святилище скинии и храма Соломона от их Святое Святых, с вышитыми на ней изображениями херувимов.

3. Сорок лет в пустыне

Согласно Закону, приняв его, народ Израиля становился народом избранным, т. е. народом, следующим божественным установлениям, тогда как другие народы не готовы были им следовать. Таким образом, избранный народ получил особую внутреннюю форму управления — *теократию*, т. е. *богоправление*, в которой все основные законы исходили непосредственно от Самого Иеговы, а все земные правители являлись лишь орудиями и исполнителями божественной воли, направлявшей народную жизнь[1]. Моисей учредил совет из 70 старейшин. Впоследствии (III–II вв. до Р. Х.) по образу этого совета был учрежден высший судебный орган древнееврейского государства — Синедрион.

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 127.

Восприняв Закон Божий, согласно которому Царем израильтян стал Сам Бог, и организовавшись в соответствии с Законом, древний Израиль получил основания для формирования из различных колен (племен), родственных друг другу, единого великого народа, способного ярко проявить себя в истории древних цивилизаций и сыграть важнейшую роль в деле спасения человечества от власти диавола.

Теперь Израиль, имея все необходимое, должен был войти в Землю обетованную и завоевать ее. Израильтяне двинулись по направлению к ней, не раз вновь и вновь проявляя недовольство, возмущение и ропот на трудности, встречавшиеся в пути. Вновь и вновь народу вспоминался Египет, но уже не как страна их рабства и угнетения, а как место, где они ели мясо из котлов, «рыбу, огурцы и дыни, и лук, и чеснок» (Чис. 11, 4–6). В пути народ питался только манной, которую варил, толок в муку и приготовлял из нее лепешки, подобные хлебным.

Также много раз и Моисей обращался к Богу со слезами и вопрошанием: «Зачем Ты возложил на меня бремя всего народа? Как я, будучи слаб, могу нести эту тяжкую ношу?» Однако Бог всегда откликался на просьбы Своего пророка, но неизменно при этом указывал на то, что ропот был безосновательным, ведь все необходимое для жизни и исполнения предназначенного свыше народ имел: «Народу же скажи: очиститесь к завтрашнему дню, и будете есть мясо. Так как вы плакали вслух Господа и говорили: „Кто накормит нас мясом? Хорошо нам было в Египте“, — то и даст вам Господь мясо, и будете есть. Не один день будете есть, не два дня, не пять дней, не десять и не двадцать дней, но целый месяц, пока не пойдет оно из ноздрей ваших и не сделается оно для вас отвратительным, за то, что вы презрели Господа, Который среди вас, и плакали пред Ним, говоря: „Для чего было нам выходить из Египта?“» (Чис. 11, 18–20).

Поднявшийся ветер принес со стороны моря огромное количество перепелов, которые упали на землю близ стана.

Многие из народа принялись неумеренно употреблять их мясо в пищу, и кто так делал, тот погиб, видимо, от другой «язвы», связанной со страстью объедения (Чис. 11, 33–34). Местность, на которой произошло это событие, получила наименование «Киброт-Гаттаава», т. е. «Гробы похотения». «В этой местности и теперь видны остатки древнего стана, окруженного необычайным множеством могил»,— утверждал профессор А. П. Лопухин[1].

Новое возмущение возникло в среде левитов, оказавшихся недовольными тем, что только род Ааронов получил право на священство, а не все потомки Левия. К этому протесту присоединились представители других колен Израиля, требуя всеобщего права на священство. Чтобы прекратить споры, Моисей, по повелению Божию, приказал всем старейшинам принести свои жезлы и положить в скинии на ночь. Наутро все увидели, что жезл Аарона расцвел и принес плоды миндаля. Споры прекратились (Чис. 16, 17).

И вновь недовольство трудностями привело к необходимости усмирения бунта. На этот раз бичом в руке Божией стало нашествие ядовитых змей. «И пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя. Помолись Господу, чтоб он удалил от нас змеев. И помолился Моисей о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя (т. е. в качестве знамения.— *Свящ. С. К.*), и ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Чис. 21, 5–9).

Согласно преданию Церкви этот медный змей послужил прообразом Христа Спасителя, распявшегося на кресте за грехи людей, и те из них, которые с верой взирают на спасительное древо (крест, распятие), спасаются от жала вечной смерти.

Подойдя к границам Ханаана, израильтяне встали станом в пустыне Фаран. Моисей избрал двенадцать человек, по одному от каждого колена Израилева, и послал их соглядатаями (разведчиками) в Землю обетованную. Пройдя от Кадеса, что в пустыне Фаран, до моря Галилейского и вернувшись, разведчики доложили Моисею: «Мы ходили в землю, в которую ты послал нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее. Но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие. И сынов Енаковых мы видели там. Амалик (т. е. амаликитяне.— *Свящ. С. К.*) живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе (т. е. возвышенной части.— *Свящ. С. К.*), Хананеи же живут при море и на берегу Иордана» (Чис. 13, 28–30).

Итак, разведчики сообщили, что, во-первых, в той земле крупные и хорошо укрепленные города, во-вторых, разноплеменное население, и в-третьих, богатые и плодородные земли («текут мед и молоко»). Археология подтвердила все сведения, которые сообщили израильские разведчики. «Действительно, пишет археолог Томпсон, в тот период в Палестине существовало множество окруженных стенами крепостей. Феодальная система управления в Палестине требовала укрепленных центров. Местные цари (или правители) хотя и обязаны были выплачивать ежегодную дань египетскому фараону и признавали его главенство, тем не менее, обладали достаточной самостоятельностью...

В конце XIX в (1887 г.) одна крестьянка из деревни Телль-эль-Амарна случайно нашла в развалинах несколько глиняных табличек... Проведенные археологичекие раскопки позволили обнаружить 377 подобных глиняных табличек... Сюда входит переписка палестинских царей с фараоном Аменофисом III и его сыном Аменофисом IV, или Эхнатоном, представляющая богатейший источник свидетельств о политическом положении Палестины за сто лет до того, как в Ханаан прибыли израильтяне. В табличках, в частности, речь идет и о разных городах, укрепленных стенами (см.: *Pritchard J. B.* The Ancient Near East. Vol. J. A. Princeton Univ. Press, 1973. P. 262–277; *Thompson J. A.* Op. cit. P. 68). Вполне естественно, что большое число хорошо укрепленных городов произвело сильное впечатление на разведчиков Моисея, поскольку в Гесеме, где до того проживали израильтяне, единственным укрепленным городом был Рамсес. <...>

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 129.

В обнаруженной археологами в Телль-Эль-Амарне переписке сохранилось множество имен, которые позволяют составить представление о расселении в те времена на территории Палестины чужеземных племен, известных израильтянам (см.: *Pritchard J. B.* Op. cit.; *Thompson J. A.* Op. cit. P. 68–69).

Древнеегипетские тексты еще ранее этого времени говорили о Палестине как о плодородной и богатой земле. Благодаря усилиям археологов в распоряжении исследователей оказался ценнейший письменный источник — сообщение египетского правителя Синухета („История Синухета“), который побывал в Палестине за 650 лет до прихода туда израильтян (1971–1928 гг. до Р. Х.) и который жил в одно время с аморейскими вождями племен, такими же, как Авраам, Лаван и Иаков. Синухет восторгается Палестиной, по его описанию, столь же богатой, как говорили и двенадцать посланцев Моисея (см.: *Pritchard J. B.* Op. cit. P. 5–11). Кроме того, исследователи получили в свое распоряжение сообщение о военных походах египетского фараона Пепи I (около 2350 г. до Р. Х.) В нем также ярко обрисована картина богатой и плодородной Земли обетованной (см.: *Pritchard J. B.* The Ancient Near Eastern Texts. Princeton: Princeton Univ. Press, 1955. P. 18–22, 277; *Thompson J. A.* Op. cit. P. 69)»[1].

Несмотря на то, что двое из двенадцати (Халев, из колена Иудина, и Иисус Навин, из колена Ефремова) успокаивали израильтян и пытались убедить их в том, что, имея такого помощника и покровителя, как Бог, не стоит бояться сильных туземцев и их крепостей, народ все же поддался мнению остальных десяти соглядатаев, которые говорили: «Не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас... земля, которую проходили мы для осмотра есть земля, поедающая живущих на ней. И весь народ, который видели мы среди нее, люди высокорослые. Там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода. И мы были в глазах наших пред ними, как саранча, такими же были мы и в глазах их» (Чис. 13, 32–34). «И подняло все общество вопль... И роптали на Моисея и Аарона все сыны Израилевы и все общество сказало им: „... Для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? Жены наши и дети наши достанутся в добычу врагам. Не лучше ли нам возвратиться в Египет?“» (Чис. 14, 1–4).

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 141–142.

Народ был готов восстать против Моисея. Когда Халев и Иисус Навин обратились к людям с речами вразумления, в ответ полетели камни. Только вмешательство Самого Иеговы смягчило гнев народный. Но Бог, видя неготовность израильтян послушаться слова Его и занять обетованную землю, видя то, что народ не изжил рабское наследие своей души, не воспитался еще как народ свободный от рабской психологии, заповедал народу не входить в Палестину в течение еще 38 лет, до тех пор, пока не умрет все взрослое население и пока не возрастет новое поколение, наделенное сознанием свободного народа, готового отстаивать свою свободу, а не продавать ее за пищу, питие, одежду и кров, т. е. за материальные и социальные блага.

В общей сложности сорок лет провели в пустыне израильтяне, не послушавшие воли Бога, пока не умерло все поколение взрослых (от двадцати лет) людей, вышедших из Египта, кроме Халева и Иисуса Навина (сына Навинова), которого Моисей, взглянувший издалека с горы на Землю обетованную и умерший на сороковой год странствия, поставил вождем народа вместо себя (Втор. 31, 23; 34, 9).

Борьба за Ханаан. Период судей израильских

«В настоящее время Палестина кажется пустынною и бесплодною. Но не такою была она в древности. Когда она отдана была во владение избранного народа, то представляла собою как бы искусственный сад, заботливо насажденный среди окружающих пустынь, и отличалась изумительным плодородием, дававшим ей полное право называться страной, „где течет молоко и мед“ (Исх. 3, 8), „красою всех земель“ (Иез. 20, 6).

Это была, по описанию Моисея, „земля добрая, где пшеница, ячмень, виноградная лоза, смоковницы и гранатовые деревья, масличные деревья и медь, земля, в которой народ будет есть хлеб, и ни в чем не будет иметь недостатка“ (Втор. 8, 7–9). Еще и теперь долины отличаются плодородием, и при некотором трудолюбии дают по две жатвы в год»,—писал профессор А. П. Лопухин[1]. В. И. Авдиев утверждал: «В географическом отношении Палестину можно разделить на четыре части: побережье, плоскогорье к западу от Иордана, долину Иордана и плоскогорье к востоку от Иордана. Южная часть побережья орошается множеством речек и славится своей плодородной почвой; особенно плодородны земли Саронской низменности, которую иногда называли „райским садом“. Плодородием славились и некоторые внутренние области Западной Палестины... В этих жарких и влажных районах может расти даже финиковая пальма»[2].

При рассмотрении вопроса о борьбе за обладание этой землей между израильтянами, получившими ее в удел по божественному обетованию, и местным хананейским и филистимским населением мы столкнулись с определенными трудностями в датировке событий. Вопрос о более или менее точном определении периода времени, прошедшего от Исхода израильтян из Египта до появления у них государственности, для исторической науки является достаточно сложным. Интересен и показателен анализ сложившейся ситуации, данный Д. Дрейном: «Одним из главных предметов дискуссии в современных исследованиях Ветхого Завета остается вопрос о моменте и подробностях возникновения Израиля как нации. По этому вопросу существуют многочисленные взаимоисключающие мнения. Одни ученые с полной уверенностью опираются на библейское повествование об Исходе и завоевании Ханаана как на достоверный исторический источник, другие же полностью отметают эти рассказы как вымысел позднейших поколений... Между этими крайними точками зрения располагается еще множество

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 164–165.
[2] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 313.

промежуточных. В силу этих причин вопрос о датировке событий оказывается отнюдь не простым, а многие ученые сочли бы пустой тратой времени саму попытку привязать библейское повествование к какой-либо дате. Исследование осложняется как множеством „сопутствующих“ ему проблем, так и спорами по кардинальным вопросам и, в частности, о том, что вообще представляло собой „завоевание“ Палестины»[1].

Согласно наиболее распространенной на Западе точке зрения, к которой склонялись, хотя и не всегда однозначно, советские историки, борьба израильтян за Ханаан разгорелась в XIII в. до Р. Х. Такой вывод базируется на данных археологии, которые, по преобладающему сегодня мнению, свидетельствуют о том, что в XIII столетии до Р. Х. в Ханаане происходили масштабные военные действия, в ходе которых был разрушен ряд важных городов-государств, а XII–XI вв. до Р. Х. прошли в постоянных войнах, о чем свидетельствует то, что все раскопанные археологами города были разрушены от одного до четырех раз и при этом между этими разрушениями практически не было выявлено корреляции по времени[2].

В библейской книге Иисуса Навина изложены два основных этапа военных действий. Первый—это военное выступление на юге страны, второй—на севере. На юге израильтяне разрушили города Иерихон, Гай, Лахиш, Давир, Авлон (Эглон) и Ливну. Почти все они были раскопаны, и многие ученые в попытках унифицировать датировки событий того периода пришли к мнению, что эти города подверглись значительным разрушениям примерно около 1250 г. до Р. Х.[3], что практически совпадает с расчетами, произведенными на основании массаретского текста Священного Писания, ориентацию на который необходимо учитывать, имея в виду результаты исследований западных авторов.

Однако в привязке к массаретской редакции Библии кроется противоречие, заключающееся в том, что согласно книге Царств Соломон начал строить Иерусалимский храм «в четы-

[1] *Дрейн Д.* Путеводитель по Ветхому Завету. М., 2003. С. 74.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 107–108.
[3] *Василиадис Н.* Указ соч. С. 143.

реста сороковом (греч. и слав. текст; в евр. тексте — в четыреста восьмидесятом) году по исшествии сынов Израилевых из земли Египетской» (3 Цар. 6, 1). Не менее четырехсот лет дает и подсчет времени правления судей (так называемого периода, или эпохи судей) в истории израильского народа — от Моисея до первого израильского царя Саула. Согласно данным Д. Дрейна, «складывая следовавшие друг за другом периоды правления различных судей, мы получаем промежуток времени между Исходом и царствованием Соломона как минимум в 554 года»[1]. Если время деятельности Саула и Соломона определяется XI–X вв. до Р. Х., в чем практически ни у кого из историков не возникает сомнений и что прекрасно согласуется с расчетами, сделанными на основе Септуагинты, то время Исхода, а соответственно и время начала военных действий в Ханаане (по истечении сорока лет после Исхода), необходимо отнести к концу XVII–XVI вв. до Р. Х.

Кроме того, Н. Василиадис отметил: «Датировки разрушения палестинских городов сделаны с помощью радиоуглеродного метода, неточность которого общеизвестна[2]. Впрочем, в период судей Палестина, согласно Священному Писанию, была ареной постоянных набегов и войн, поэтому нет ничего удивительного, если эти города пострадали еще раз после их захвата израильтянами»[3].

Интересны сведения, описание которых мы находим прежде всего в отечественной историографии советского периода и на которые не столь тщательно обращается внимание в известной нам западной литературе. Например, В. И. Авдиев писал: «В некоторых документах, главным образом из Амарнского архива, упоминается племя хабири, которое *в середине II тысячелетия до н. э.* проникает в Палестину. Имеются основания считать, что

[1] *Дрейн Д.* Указ. соч. С. 75.

[2] Действительно, если при использовании радиоуглеродного метода ставится цель датировать предметы древности *примерно* (например — 4–4,5 тыс. лет назад), то полученные с его помощью результаты можно считать удовлетворительными. Но если речь идет о более или менее точных датировках (до сотен и десятков лет), то в данном случае надеяться на такую точность не приходится.

[3] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 146.

название племени хабири тождественно с библейским названием древних евреев (ибрим), а также с древнеегипетским словом „аперу“ (возможно, происходящим от „ибрим“ или „иврим“. — *Свящ. С. К.*), которым египтяне обозначали жителей Палестины, захваченных ими в плен в период Нового Царства»[1].

Академик В. В. Струве, излагая события периода XVIII династии Египта (1560–1355 гг. до Р. Х.)[2], связанные с египетским влиянием в Сирии и Палестине, и ссылаясь на тот же Телль-Амарнский (Амарнский) архив, найденный во дворце Эхнатона, писал следующее: «В городах Азии делаются попытки к восстанию.<...> Эти города находят поддержку у народов, появившихся на политическом горизонте в XV веке. В это время в Сирии впервые в большом количестве появляются еврейские племена под названием „хабиру“. <...> Оказывается, что еврейские племена уже тогда беспрерывно вторгались в пределы плодородных областей Сирии и Палестины и доходили до стен старых финикийских городов, т. е. до самого побережья Средиземного моря. Евреи, продвигаясь по странам Передней Азии, находили поддержку у населения пригородов сирийских, финикийских и палестинских городов... Однако вторжение евреев оказалось особенно опасным не на побережье, а во внутренней Сирии и Палестине, поскольку они лежали ближе к степям, из которых выходили еврейские кочевники»[3].

Одно из писем Амарнского архива называет «хабиру» («апиру») «бывшими рабами»[4], что в устах написавшего его подданного (наместника, чиновника) египетского фараона может звучать как «бывшими рабами фараона».

Н. Василиадис писал: «...Следует признать, что во времена Эхнатона евреи уже жили в Палестине»[5]. Согласно данным «Всемирной истории», фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) правил в течение 17 лет около 1400 г. до Р. Х.[6]

[1] *Авдиев В. И.* Указ. соч. С. 321.

[2] Датировка приводится на основании сведений В. В. Струве.

[3] *Струве В. В.* История Древнего Востока. М., 1941. С. 193–195.

[4] *Дрейн Д.* Указ. соч. С. 76.

[5] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 142.

[6] *Всемирная* история. М., 1955. Т. 1. С. 348.

Вместе с тем В. В. Струве уточнял, что «хабиру» «представляли собой союз племен, среди которых еще не выделилось племя Израиля».[1] Однако если иметь в виду под племенем Израиля народ Израиля, который действительно заявляет о себе как о едином этносе только ко времени возникновения государства, то есть ближе к XI в. до Р. Х., то данное противоречие снимается. В книге Судей указывается, что в ту эпоху еще царила анархия: «Каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Суд. 21, 25). Колена Израилевы объединялись только под воздействием внешней угрозы и вновь после ее устранения каждое снова жило своей жизнью, вероятно, воспринимая себя как союз двенадцати племен, между которыми также происходили вооруженные столкновения. Кроме того, показателен следующий вывод: «Попытка же собрать воедино информацию множества различных источников о переменах, произошедших в культуре Ханаана периода позднего бронзового века, позволяет прийти лишь к одному выводу: процесс превращения Израиля в нацию внутри этого исторического контекста кажется чрезвычайно сложным. Широкомасштабные политические и социальные движения, приведшие к основанию нового государства, едва ли могли быть простыми и линейными, как бы нам ни хотелось так считать. Вполне вероятно, что народ Израиля превратился в нацию со своей собственной территорией, применяя в различные моменты различную тактику. Само библейское повествование упоминает „смешанное множество“ различного этнического происхождения, присоединившееся к покинувшим Египет рабам-израильтянам (Исх. 12, 38)»[2].

Эти обстоятельства могут служить косвенным подтверждением того, что в числе «хабиру» времен XVIII династии Египта могли быть и израильтяне.

Одной из проблем в вопросе об идентификации евреев-«хабиру» с евреями, исшедшими из Египта, является то, что в библейском повествовании о событиях периода судей нет

[1] *Струве В.В.* Указ. соч. С. 193.
[2] *Дрейн Д.* Указ. соч. С. 87.

упоминаний об их противостоянии египтянам, именно в тот период подчинившим себе землю Ханаанскую.

Однако таких упоминаний может не быть и потому, что управление подчиненными землями в Азии осуществляли не непосредственно сами египтяне, которые не колонизировали их, но поставленные фараоном царьки из местной знати. Обычно семьи местных князей брались в заложники, и из среды их младших членов избирались, воспитывались и назначались правители. С одной стороны, они действительно были представителями местной знати, но с другой — могли являться египетскими государственными чиновниками. Кроме того, египтяне не держали крупные военные гарнизоны в Сирии и Ханаане. Гвардией египетских наместников являлись небольшие египетские отряды[1]. Войска правителей-царьков состояли из представителей местного населения.

Авторы многотомного труда «Всемирная история», подготовленного Академией наук СССР, указывали: «Палестина не была включена в состав Египетского государства Нового царства как его органическая часть. Египтяне грабили Палестину, превращая ее в источник добычи, особенно рабов; в различных крепостях Палестины... продолжали сидеть собственные царьки, представители местной родовой знати, от которой они полностью зависели. <...> Египет выкачивал из этих царств тяжелую дань, и население Палестины крайне тяготилось египетским владычеством...»[2] Однако «хабиру», по всей вероятности, тяготы данничества не коснулись. По крайней мере, об этом нет никаких указаний в литературе, используемой нами. В ней «хабиру» представлены как пришельцы, в какой-то мере использовавшие недовольство местного населения против собственной знати, подчиненной египтянам.

Вместе с тем в Библии содержится упоминание о том, как израильтяне отнеслись к представителям местного населения, обитавшим в Иерусалиме и его окрестностях: «Но иевусеев,

[1] *Дрейн Д.* Указ. соч. С. 178–180.
[2] *Всемирная* история. С. 392–393.

которые жили в Иерусалиме, не изгнали сыны Вениаминовы, и живут иевусеи с сынами Вениамина в Иерусалиме до сего дня» (Суд. 1, 21). Этот факт подтверждается и свидетельствами табличек Телль-эль-Амарны. Из них же стало известно, что царь Иерусалима — представитель местной знати — в то же время *продолжал сохранять верность фараону Египта*[1], что в рассматриваемом нами контексте является важным нюансом.

Вопрос об отождествлении израильтян именно с «хабиру» в исторической науке продолжает оставаться открытым. Однако однозначно отрицать, что израильтяне могли в XVI–XIV вв. до Р. Х. влиться в массу родственных им семитических (еврейских) племен «хабиру» и даже впоследствии занять среди них господствующее положение, невозможно.

Другим камнем преткновения служит вопрос о времени появления в Ханаане представителей «народов моря», с которыми израильтяне в период судей и при первых своих царях вели постоянные войны. Под «народами моря» египетские источники подразумевают представителей эгейских племен, пришедших в активное движение на восточном побережье Средиземного моря и обрушившихся на Египет примерно в середине XIII–XII вв. до Р. Х. Частью этих народов были филистимляне (в египетских надписях имя этого народа — пелсет). Возможно, что филистимляне были частью той же народности, которая была известна грекам под именем пеласгов[2]. Библейская традиция говорит о филистимлянах как о выходцах с острова Кафтор (Крит или Кипр) (Втор. 2, 23; Иер. 47, 4; Амос. 9, 7). Филистимляне (филистим, пелсет, пеласги) настолько прочно колонизировали подвластные им прибрежные территории и распространили свое влияние на Ханаан, что их имя, в конце концов, даже дало новое название древнему Ханаану — Филистима (Палестина), т. е. земля филистимлян. Филистимляне и явились главными и самыми страшными врагами израильтян в Ханаане.

То, что пик активности «народов моря» приходится на XIII в. до Р. Х., дает повод ряду исследователей настаивать на том,

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 147.
[2] *Всемирная* история. С. 486.

что филистимляне появились в Ханаане именно в это время. А следовательно, и израильтяне, столкнувшиеся с ними в Земле обетованной, пришли в нее не ранее XIII в. до Р. Х. Однако в Ветхом Завете излагается эпизод из жизни Авраама в Гераре, связанный с филистимлянами, где говорится о том, что Авраам в течение долгого времени жил «в земле филистимской» (Быт. 21, 32–34). Значит, уже к XX в. до Р. Х. «народы моря» были известны в Ханаане.

Среди ученых существует мнение о том, что к XIII в. до Р. Х. «народы моря» уже прочно утвердились вдоль побережья Средиземного моря, а их вторжение началось намного раньше. В. И. Авдиев писал: «Уже за две тысячи лет до н. э. в Палестину проникают морские народы, в частности с Кипра. На побережье Средиземного моря жило Эгейское племя филистимлян, давших название самой стране»[1]. К. А. Китчен приводит следующий аргумент: «Остров Кафтор — это Каптара клинописных табличек, найденных в Мари и датируемых XVIII в. до Р. Х., то есть временем библейских патриархов. В одной из этих табличек упоминается, что царь города Асора в Палестине посылает дары на остров Каптара... имеются находки керамики средиземноморской эпохи в городах Асор, Угарит и в Верхнем Египте»[2]. Английский археолог Ф. Петри полагал, что нет ничего удивительного в том, что филистимляне находились в Ханаане уже во времена Авраама, с тем чтобы обеспечить себя пшеницей, что было необходимо для них как жителей гористого острова Крита. Обнаруженные Ф. Петри серпы в той местности, где жили филистимляне, свидетельствуют о том, что эгейские переселенцы занимались возделыванием зерновых культур[3].

Рубеж III–II тыс. до Р. Х. является временем возникновения древнейшей из известных европейских цивилизаций — Критской. Несмотря на то, что критское государство погибло примерно в XV в. до Р. Х., его традиции продолжи-

[1] *Авдиев В. И.* Указ. соч. С. 321.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 86.
[3] Там же.

ло Микенское царство, сложившееся под влиянием критской культуры.

Все это говорит о том, что категорическое отрицание присутствия филистимлян в Ханаане до XIII–XII вв. до Р. Х. лишено основания.

Как уже было указано, борьбу за Ханаан со стороны Израиля возглавил преемник Моисея Иисус Навин. Первой хананейской крепостью, подвергшейся удару, был город Иерихон, располагавшийся в западной части долины реки Иордан близ Мертвого моря. Израильтянам, занявшим к тому времени гористую часть левобережья Иордана, для нападения на Иерихон необходимо было перейти Иордан. В целях разведки в город были посланы два соглядатая, об истории которых говорится в книге Иисуса Навина (Нав. 2, 1–15). Собрав необходимые сведения, соглядатаи нашли убежище в жилище иерихонской блудницы Раавы, которая при погоне помогла им бежать через окно своего дома, построенного прямо на крепостной стене города. Впоследствии, при взятии города, эта услуга помогла Рааве спасти свою жизнь.

В 1930–1936 гг. археологические раскопки в Иерихоне (1,5 км от современного Иерихона) под руководством англичанина Дж. Гарстанга показали, что город имел двойные стены: внешнюю, толщиной 1,82 м, и внутреннюю, толщиной 3,56 м. Расстояние между стенами было равно 4,57 м. В связи с высокой плотностью населения часть жилых построек была возведена прямо на внутренней городской стене. Между двойными стенами нередко делали распорки, использовавшиеся в качестве мостиков и подпиравшие также дома. В северной части города основания этих домов были более прочными, так как вместо распорок были сооружены узкие поперечные стенки из кирпича, соединявшие между собой внутреннюю и внешнюю стены[1].

В ходе археологических раскопок было обнаружено весьма странное обстоятельство: двойные стены Иерихона рухнули, одновременно вывалившись наружу по всему периметру.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 144.

Наука не находит удовлетворительного для себя объяснения этому необычайному явлению. Библия же описывает сам процесс осады Иерихона как удивительное событие, больше похожее на молебен и крестный ход, нежели на военную операцию. В течение шести дней по одному разу в сутки осаждавшие во главе с семью священниками в молчании, но со внутренней молитвой ходили вокруг стен города, неся с собой Ковчег Завета. В седьмой день это молчаливо-торжественное шествие закончилось звучанием звонких труб в руках священников и громогласным криком израильтян, после чего вдруг зашатались и упали неприступные крепостные стены Иерихона (Нав. 5, 16; 6, 1–20).

Среди археологов в настоящее время нет единого мнения, к какому периоду можно отнести основную часть руин, раскопанных Дж. Гарстангом. Однако сам исследователь пришел к выводу, что город был уничтожен примерно около 1400 г. до Р. Х. Причем к западу от городища Гарстанг обнаружил обширный некрополь, где среди погребального инвентаря находились около 160 экземпляров египетских скарабеев, большинство из которых гиксосского происхождения, что косвенно может свидетельствовать о приходе сюда израильтян во время изгнания гиксосов из Египта (XVI в. до Р. Х.).

К. Кеньон, изучавшая останки Иерихона в 1952–1958 гг., пересмотрела некоторые выводы Гарстанга. Она установила, что одна из раскопанных им крепостных стен рухнула еще в конце III тысячелетия до Р. Х. и что некоторые из слоев разрушений следует датировать не началом XIV в. до Р. Х., а первой четвертью — серединой XVI в. до Р. Х., т. е. временем изгнания гиксосов из Египта. В XIV в. до Р. Х., после долгого периода запустения, Иерихон возродился, его стены были восстановлены, но через несколько десятилетий он был разрушен вновь, на этот раз, похоже, окончательно[1].

Следующими городами, взятыми израильтянами, согласно тексту Библии, были Гай (возможно, здесь речь идет о Вефиле) и Сихем. Затем — Македа, Ливна, Лахиш, Эглон и Давир.

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 112–114.

Весь юг страны был в руках Иисуса Навина. Против Израиля объединились северо-ханаанские города-государства во главе с царем Асора, но были разбиты, а их цари казнены. Однако все города, кроме Асора, который был сожжен, разрушениям не подверглись.

Развалины Асора также оказались обнаружены экспедицией Гарстанга, результаты которой позволили предположить, что город был полностью сожжен примерно в XV в. до Р. Х. Археологический слой обуглившихся развалин, обнаруженный археологом Й. Ядином, свидетельствует о страшном пожаре, приведшем к полному разрушению Асора[1].

Несмотря на то, что плацдармом израильтян в Ханаане стали центральные гористые районы западной Палестины и Галаад, в частности город Сихем, куда на церемонии, проводимые Иисусом Навином, сходились все колена Израилевы (Нав. 8, 30–35; 24), о военных действиях в этой местности, обладание которой сыграло важную роль в истории Израиля, нет свидетельств ни в Библии, ни в результатах археологических исследований. Это обстоятельство позволяет, по меньшей мере, утверждать, что местные жители не оказали сопротивления израильтянам[2], что также говорит в пользу гипотезы, относящей израильтян к «хабиру» XVI–XV вв. до Р. Х., нередко находившим общий язык с местным населением. Многие ученые склоняются к мнению о том, что Сихем около 1550 г. до Р. Х. уже контролировался евреями, которые либо вышли из Египта вместе с гиксосами, либо пришли из другой местности и поселились в этих землях[3].

Из писем, найденных в Телль-эль-Амарне, известно, что в XIV в. до Р. Х. областью Сихема владели племена, не выказывавшие почтения египетскому фараону и его соседям[4].

Несмотря на то, что, казалось бы, Иисусу Навину удалось овладеть многими опорными пунктами Ханаана, израильтяне еще долгое время, вплоть до времен царя Давида (XI–X вв.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 144.
[2] Там же. С. 145–146.
[3] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 111.
[4] Там же. С. 111–112.

до Р. Х.), не имели полной власти над этой землей. Они были вынуждены считаться с существованием независимых от них и враждебных городов, находившихся под контролем египтян и хананеев, как, например, Мегиддо и Бефсан. О размерах оставшейся неподвластной израильтянам территории говорится в 1-й главе книги Судей. Лишь по истечении значительного периода времени, как свидетельствуют данные археологии, на этой территории обнаруживаются характерные для израильской культуры признаки (в основном глиняные сосуды). В связи с этим археолог Томпсон высказал мнение о том, что свидетельства Библии, сообщающие, что в эпоху Иисуса Навина окончательное покорение Ханаана еще не завершилось, в высшей степени точны[1].

Борьба с хананеями для израильтян оказалась не столь тяжелой. По мнению авторов «Всемирной истории», завоевание Палестины было совершено израильскими племенами сравнительно легко и быстро, поскольку коренное население страны — хананеи — были сильно ослаблены хозяйничанием египетских поработителей, постоянными войнами, бесконечными вторжениями, в том числе и «народов моря» — филистимлян[2].

Филистимляне обладали совершенным для того времени вооружением, имели высоко развитую материальную культуру и являлись прекрасно организованным в военно-политическом отношении народом, который стремился к обладанию Ханааном.

Израильтяне и в политическом, и в экономическом плане значительно уступали филистимлянам, которые приобрели такое влияние, что, проникнув в гористые области Ханаана, монополизировали производство железных орудий и установили контроль над всеми железными рудниками, что позволило им удерживать под контролем значительную часть Ханаана. Священное Писание свидетельствует: «Кузнецов не было во всей земле Израильской, ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сделали меча или копья. И должны

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 146.
[2] *Всемирная* история. С. 486.

были ходить все израильтяне к филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки, когда сделается щербина на острие у сошников, и у заступов, и у вил, и у топоров, или нужно рожон поправить. Поэтому во время войны не было ни меча, ни копья у всего народа...» (1 Цар. 13, 19–22). В то же время археологические находки свидетельствуют о высоком уровне и широком распространении металлообработки (меди и железа) у филистимлян, на местах поселений которых были обнаружены хорошо оборудованные литейные мастерские и кузницы (Гераф, Газа, Телль-Казил и другие города)[1].

Археология подтверждает факт активно развивавшейся морской торговли филистимлян. Главными городами филистимлян являлись Азот, Аскалон, Газа, Екрон, Геф. В период между 1300 и 1100 гг. до Р. Х. филистимляне предприняли ряд вторжений в центральные области Палестины. В конце концов им удалось захватить всю страну. В результате одного из набегов они овладели Ковчегом Завета и вынесли его из города Силома (Нав. 18, 1; Суд. 21, 19; 1 Цар. 3, 21). Археологические исследования показали, что филистимляне сожгли город дотла.

Все трагедии израильского народа, подобные этой, Библия связывает с усилением нечестия в самом народе: либо с конкретным согрешением, либо с каким-то более значительным отступлением от Закона Божия (чаще всего впадением в язычество, забвением Бога Творца и недоверием Ему). Развалины Силома можно было наблюдать еще в дни пророка Иеремии (VII в. до Р. Х.), который использовал эти руины в качестве наглядного примера для отступивших от Истины иудеев, связывавших свои надежды на избавление от вавилонской угрозы с тем, что в Иерусалиме находился Храм Божий (тогда единственный в мире), где хранился Ковчег Завета. Пророк от имени Бога призывал: «Пойдите же на место Мое в Силом, где Я прежде назначил пребывать имени Моему (т. е. на место пребывания Ковчега Завета), и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестие народа Моего Израиля» (Иер. 7, 12).

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 149.

В Первой книге Царств говорится о том, что когда филистимляне овладели Ковчегом Завета, то поместили его в храме своего верховного божества Дагона, находившегося в городе Азот. На следующее утро они обнаружили опрокинутую статую Дагона, лежащую перед Ковчегом. Филистимляне поставили ее на место и удалились. Утром они вновь увидели ту же картину, что и накануне, но статуя при этом оказалась разбитой, а самих жителей Азота постиг неведомый недуг: на их телах появились язвы в виде наростов. Это привело филистимлян в ужас, и они сами вернули Ковчег Завета израильтянам (1 Цар. 5, 1–4; 6, 7). Израильтяне же, согласно Священному Писанию, не стали возвращать Ковчег на его прежнее место в Силом, но перенесли его в Кириаф-Нарим (в 14 км от Иерусалима). Таким образом, как отметил Г. Л. Робинсон, «действительно, все находки... археологов в Силоме точно соответствуют тому, что подразумевается в Ветхом Завете»[1].

Период упорной, но не приводящей к освобождению от влияния филистимлян борьбы, а также постоянных столкновений с другими местными народами (XVI–XI вв. до Р. Х.) соответствует историческому периоду Судей израильских, описанному в книге Судей.

Библейская энциклопедия дает следующие представления об исторической ситуации и о сути служения судей Израилевых: «Израильские колена поселились в областях, доставшихся им по жребию. Они были разбросаны по стране и окружены враждебно настроенными соседями. Иисус Навин умер. Установление полного контроля над страной стало казаться невозможным. Постепенно израильтяне забыли о том, что на их стороне Бог. В попытках добиться мира евреи начали заигрывать с окружающими народами и с их богами. Их мощь ослабла, и враги не замедлили этим воспользоваться. <...> Окружающие евреев народы возобновили нападения: царь Месопотамии с севера, моавитяне и аммонитяне из-за Иордана, мадианитяне с востока. Хацорские хананеи усилились настолько, что начали опять нападать на поселенцев. А жившие на по-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 158.

бережье филистимляне оттесняли евреев все дальше и дальше в горы. Много раз за свою историю израильтяне, оказываясь в трудном положении, взывали к Богу. Тогда Бог посылал Своему народу „судей“ (т. е. вождей), победы которых давали народу по крайней мере временные передышки»[1].

Э. Нюстрем, автор Библейского словаря, указывал: «Когда Иисус Навин и его современники умерли и подросло новое поколение, которое не знало Господа и Его дел для Израиля, сыны Израилевы оставили Господа и стали служить Ваалу и Астарте, то „воспылал гнев Господа на Израиля“, и Он предал их в руки грабителей и врагов, окружавших их; и им было весьма тесно. И воздвигал им Господь судей, которые спасали их от руки грабителей, ибо умилосердился над ними Бог и помогал им при жизни судей. Когда же судьи умирали, народ возвращался к прежнему житию и даже поступал еще хуже отцов в злых делах своих, и воспылал гнев Господень на Израиля снова. Необузданность и беспорядок этого времени обрисовываются очень метко несколькими словами: „В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым“ (Суд. 17, 6; 18, 1; 19, 1; 21, 25 и далее). Судьи не имели власти царя... Как лично призванные Иеговой, истинным Царем Израиля, они применяли свою власть в то время и в том месте, которые Он им указывал»[2].

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, раскрывая характер власти судей, писал: «Сыны Авраамовы, расселившиеся по лицу той земли (Палестины), не имели, как и при выходе из Египта, иного вождя и царя, кроме Бога. Именно поэтому народ израильский долгое время не поставлял над собою земных владык, считая своим царем Самого Бога.

Религиозная система правления государством в отсутствие видимого главы именуется теократией: от греческих слов „теос“—„бог“ и „кратия“—„власть“, вместе—„власть божия“. Израиль признавал над собой только эту, Божественную, власть и потому не нуждался в земном царе. Видимым объединяющим

[1] *Библейская* энциклопедия. М., 1998. С. 320–321.
[2] *Нюстем Э.* Указ. соч. С. 440.

началом для народа были в те времена особые национальные лидеры, именовавшиеся судьями. Судьи, избиравшиеся на это служение народом, отличались мудростью и духовной силой»[1].

Это суждение выражает самую сущность силы, скреплявшей общество и организовывавшей его до времени создания единого государства с централизованной царской властью. Дж. Э. Райт писал: «Израиль являл собой достаточно условную конфедерацию племен, объединенных не центральной политической фигурой, а религиозными узами или „Заветом“, материальным символом которого являлся Ковчег Завета, находившийся в главном святилище в Силоме»[2].

Митрополит Кирилл точно указал на предназначение народа израильского—быть народом Божиим, принимающим непосредственное божественное руководство, обладающим теократической формой правления.

Власть судей не была наследственной, но зависела от их личных качеств и избранности Богом. «Деятельность судьи обыкновенно начиналась с выступления во главе войска на врагов, которые в то время беспокоили землю. Победивши врагов, судья управлял страной до своей смерти (см., например, Суд. 10, 8. 18; 11, 32; 12, 7). Далее надо заметить, что большая часть судей управляла только известными частями страны. Колена Израилевы в то время еще не сплотились настолько, чтобы представлять один народ. Иеффай был вождем жителей Галаадских и, победив аммонитян, вступил в кровавое сражение с коленом Ефремовым (Суд. 12, 1 и далее). За Деворой и Вараком на войну последовала только часть колен Израилевых. Рувим, Гад, Дан и Асир осуждаются за то, что не приняли участие в войне (Суд. 5, 14 и далее). Гедеон не признавался ефремлянами (Суд. 8, 1) и т. д. В конце периода судей их деятельность ограничивалась управлением гражданскими делами, сами они не принимали участия в войнах, как, например, Илий и Самуил»[3].

[1] *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Слово пастыря: Бог и человек. История спасения. М., 2004. С. 76–78.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 138.
[3] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 441.

В древней истории Израиля насчитывается четырнадцать судей. Наиболее известными из них являлись Гедеон, Самсон, Самуил и др.

Гедеон был пятым из судей Израиля и прославился тем, что с малым войском, при помощи Божией, избавил народ от мадианитян, угнетавших израильтян в течение семи лет. Это несчастье заставило, в конце концов, людей покаяться и, вспомнив о Завете, обратиться к Богу. Тогда Бог послал им избавителя в лице Гедеона.

Гедеон был призван Богом в то время, когда он молотил пшеницу. Ему явился ангел и повелел собрать войско против мадианитян. Гедеон в городе Офре, где жил, разрушил жертвенник, посвященный Ваалу, и стал собирать войско, которое выросло до тридцати двух тысяч человек. Однако он стал просить у Бога знамения своей победы, и Бог дал ему такое знамение. Шерсть, расстеленная Гедеоном на ночь, утром оказалась мокрой от росы, в то время как земля вокруг суха. На другое утро та же шерсть была суха, в то время как вся земля вокруг была мокрой от росы.

Уверившись в грядущей победе, Гедеон был готов исполнить, казалось бы, невероятные требования Божии. Бог дал понять Гедеону, что его войско слишком многочисленно для того, чтобы победу над врагом отнести к помощи Божией, а не к человеческим усилиям, ведь целью миссии Гедеона было не освобождение Израиля само по себе, а приведение народа к покаянию в грехах и утверждении в вере Единому Богу. Гедеон отпустил домой всех, кто болен или робок. Таковых оказалось двадцать две тысячи. Осталось лишь десять тысяч. Но и это Господу показалось слишком много. Жаждавших воинов Гедеон отпустил напиться к реке. Тех, кто был более терпелив и пил воду, черпая ее ладонями, он оставил при себе, а тех, кто нетерпеливо пил прямо ртом, наклоняясь к воде, отпустил домой. Теперь войско насчитывало триста воинов.

В решающую ночь Гедеон разделил свой отряд на три части и с трех сторон напал на многотысячный лагерь мадианитян. Воины Гедеона шли с факелами, трубили в трубы и кричали: «Меч Господа и Гедеона!» Мадианитяне пришли

в ужас и в панике стали убивать друг друга, обратившись, наконец, в бегство. Были убиты два мадиамских царя — Зевей и Салман. Результатом этой победы явился сорокалетний мир.

Народ Израиля предложил Гедеону и его потомкам царскую власть над собой, но тот отказался, сказав: «Ни я не буду владеть вами, ни сын мой; Господь да владеет вами» (Суд. 8, 23). Последнее замечание обращает вновь наше внимание на мысль о роли теократии в истории древнего Израиля и постоянных колебаниях народа, не крепкого в вере и все более склоняющегося к учреждению сильной монархической власти вместо прямого подчинения Божественному промыслу.

Другой судья — Самсон — был знаменит тем, что обладал непоколебимой верой и необычайной физической силой. Его мать долгое время была неплодной и забеременела лишь тогда, когда дала обещание, в случае рождения ребенка, посвятить его Богу. Родив Самсона (Шимшон (евр.) — Солнышко), она исполнила обещание. В знак этого согласно древней восточной традиции Самсон не должен был стричь своих волос.

Господь воздвиг Самсона в то время, когда израильтяне в течение сорока лет пребывали под игом филистимлян. Однажды в поле на него напал молодой лев, и Самсон, схватив его пасть, разорвал зверя. После того герой выжег обширное поле филистимлян, лишив их запасов хлеба. Тогда филистимляне сожгли его жену и тестя, за что Самсон сначала покалечил многих из них, а затем ослиной челюстью, попавшейся ему под руку, убил тысячу врагов (Суд. 15, 8–15). Филистимляне, заметив однажды Самсона в своем городе Газа, заперли городские ворота, чтобы не дать ему уйти и схватить его. Но тот, сломав косяки, унес двери городских ворот на своих плечах к вершине горы и бросил их там (Суд. 16, 1 и далее).

Наконец одна филистимлянка по имени Далила очаровала Самсона и, сумев узнать о посвящении героя Богу и о значении его нестриженых волос, обрила его во время сна, предав затем в руки своих соплеменников. Самсону выкололи глаза и направили крутить огромный мельничный жернов. За время работы волосы отрасли вновь и сила вернулась к Самсону. Однажды филистимляне устроили торжества в храме своего

идола Дагона и привели туда Самсона, чтобы повеселиться, насмехаясь над тем, кто некогда наводил на них ужас. Оказавшись в языческом капище, Самсон воззвал к Богу и сдвинул с места два центральных несущих столба. Здание обрушилось, похоронив под обломками каменных плит множество филистимлян и самого Самсона.

Научный журнал «Biblical Archaeologist» (1951. Май. С. 44) опубликовал сведения об археологических данных, подтвердивших некоторые подробности гибели Самсона. Раскопки развеяли всякие сомнения относительно того, что большие постройки филистимлян имели внутреннее центральное помещение, отделенное от остальных рядом столбов, поддерживавших верхний этаж сооружения с кровлей[1].

Самсон был судьей Израиля в течение двадцати лет.

«Жизнь Самсона, равно как и некоторых других судей, ясно показывает, до какого религиозно-нравственного падения дошел народ израильский в Земле обетованной,— писал А. П. Лопухин.— Вся история периода судей есть печальная история постоянных заблуждений, беззаконий и идолопоклонства с неразлучно следовавшими за ними бедствиями. Даже в жизни самих судей пороки часто берут верх над добродетелями, и злые вожделения заглушают робкий голос совести и сознания долга»[2]. Действительно, из жизнеописания героев явствует порой вопиющее нарушение нравственных и духовных норм Закона. Самсон погиб из-за сладострастия, склонности к блудодеянию, буйствам и разгулу. Его погубили порочные связи и нехранение целомудрия. Гедеон имел семьдесят сыновей от многих жен и наложниц. Он же, поклоняясь Богу Творцу (Яхве), вместе с тем стремился удовлетворить запросы язычествующих соплеменников и воздвиг истукана. Неспособность некоторых судей до конца устоять в добре являлась следствием общего духовно-нравственного падения народа израильского. «Безнравственность сделалась настолько всеобщею, что прелюбодейственное сожительство

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 150.
[2] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 200.

считалось обычным делом и как бы заменяло брак, а в некоторых городах развились даже такие гнусные пороки, которые некогда навлекли на Содомское пятиградие страшный гнев Божий. Внутреннее безначалие и всеобщее самоуправство довершают картину жизни израильского народа „в те дни, когда у него не было царя и когда каждый делал то, что ему казалось справедливым“. В подтверждение всего этого книга Судей приводит несколько поразительных случаев и событий, ярко характеризующих религиозно-нравственное и общественно-государственное состояние народа»[1].

Пришло время, когда необходим стал не столько военный вождь, объединяющий народ против внешних врагов, сколько духовный предводитель, восстающий против самого коварного внутреннего врага — идолопоклонства. Именно этот враг и губил народ, развращая его изнутри, не давая ему возможности восстать и быть свободным, быть самим собой, исполняя возложенную на него великую и тяжелую миссию хранения и преумножения истинной веры.

Героизм Самсона оказался не в состоянии низвергнуть филистимское иго и, в силу его несостоятельности быть духовным лидером, объединяющим народ на основе Завета, лишь раздражал филистимлян, еще более настраивая их против Израиля.

Шагом к внутреннему возрождению явилось то, что миссия судьи была предоставлена израильскому первосвященнику Илию. Бедствия и неспособность силовыми, военными (внешними) мерами решить обрушившиеся проблемы заставили народ обратить внимание на состояние собственного религиозного духа. Книга Судей умалчивает о роли и месте первосвященников в жизни народа того периода. По-видимому, их влияние, в силу духовно-нравственного состояния израильтян, было незначительным, и о них, как и о Скинии вообще, забыли, не придавая должного значения.

Пребывание первосвященника на месте судьи сыграло свою положительную роль. Судья жил при Скинии, и это при-

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 200.

влекало в город Силом к святыне Ковчега Завета множество людей, приходивших за разрешением всевозможных насущных проблем. Народ вновь начинал ощущать и переживать чувство культурного единства. Причем единства, основанного на святынях веры отцов, веры Авраама, Исаака и Иакова. Это возбуждало общее религиозное настроение народа. Но народ, массами собиравшийся в Силоме у Скинии для жертвоприношений и совершения установленных общенародных религиозных праздников, имел достаточно сильную испорченность язычеством. Поэтому к религиозным традициям примешивалось немало обычаев, заимствованных у окружающих языческих народов, и религиозные празднества сопровождались плясками, разгулом и распутством, как это было в языческих капищах[1]. Профессор А. П. Лопухин писал: «Для того чтобы очистить религиозную жизнь от этой нечистой примеси, нужен был сильный характер, а им-то к несчастью и не обладал Илий. <...> Правление его, насколько можно судить, отличалось достоинством и кротостью, водворяющими некоторый внешний порядок в жизни народа. Но он не имел той твердости, которая требовалась от правителя столь распущенного народа, и когда к слабости его характера прибавились немощи престарелого возраста, то Илий казался настолько слабым, что даже не в силах был обуздать крайнего своеволия и страшного святотатства своих собственных сыновей Офни и Финееса, которые своим нахальным и зазорным поведением не только давали худой пример народу, но и отчуждали его от Скинии. Престарелый священник скорбел о таком поведении своих сыновей и даже делал им выговоры, „но они не слушали голоса отца своего, ибо Господь уже решил предать их смерти“»

[1] Эти нюансы, указывающие на то, что израильтяне уже продолжительное время тесно общались с местным населением, среди которого проживали и к которому порой даже попадали в зависимость, говорят в пользу гипотезы, утверждающей, что колена Израилевы были в числе тех, кто именовался «хабиру». Характер отношений между израильтянами и ханаанеями, описанный в Библии, схож с характером отношений между «хабиру» и местным населением Ханаана, что видно из выводов, сделанных исследователями на основании других археологических источников.

(1 Цар. 2, 12–17; 22–25)[1]. Пришедший к Илию пророк предсказал ему ту кару, которую Бог уготовал его сыновьям за бесчестие, творимое ими, и самому Илию за то, что тот не воспитал их должным образом, заботясь лишь о своем личном благочестии и не умея обуздать народ свой и сыновей своих.

После нескольких лет затишья филистимляне решили сломить наметившееся стремление израильского народа к объединению. Произошла битва при Афеке в северной части земли, доставшейся по жребию колену Иудину. Израильтяне потерпели поражение и потеряли четыре тысячи человек. Тогда они призвали к себе священников из Силома вместе с Ковчегом Завета. Этими священниками были сыновья Илия. Прибытие Ковчега воодушевило израильтян, но Бог отдал победу в руки филистимлян. Израильтяне потеряли убитыми тридцать тысяч человек, Ковчег Завета попал в плен, а оба сына Илия были убиты. Когда вестник сообщил Илию о случившемся, сердце девяностовосьмилетнего старца не вынесло горя. Особенно его поразило известие о потере Ковчега. Илий умер прямо у ворот Скинии.

По всем коленам Израиля прошел стон, ибо потеря Ковчега для израильтян означала то, что Сам Бог покинул их, а это грозило не только бесславием, не только политическим и военным поражением, но и угрозой самому существованию этого народа, рабством и уничтожением от рук врагов.

Филистимляне разрушили и сожгли священный для израильтян город Силом, успевший стать местом их общих собраний и символом межплеменного единства. Но, как уже было сказано ранее, спустя семь месяцев после пленения Ковчега и водворения его в языческом храме города Азота, филистимляне сами с великим благоговением и страхом вернули Ковчег народу израильскому. Но иго филистимское продолжалось еще двадцать лет.

Однако во время судейства Илия при Скинии возрастал новый судья Израиля — Самуил. Его родители Елкан и Анна долгое время не имели детей, что считалось позорным, ибо означало безблагодатность брака. Напротив, множество детей

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 205–206.

указывало на то, что брак благословлен Богом. Анна в своем бесплодии много и со слезами молилась у Скинии, прося избавления от позора бездетности и обещая в случае рождения сына посвятить его Богу и отдать на служение в Скинию в качестве назорея. Признаком назорейства, т. е. посвященности Богу, были длинные волосы, которых не касалось лезвие бритвы. Самсон тоже был назореем. На то, насколько велика была разница между Самуилом и Самсоном в делах их и во всем образе жизни их, указывает Священное Писание.

Имя Самуил означает «испрошенный у Бога». Когда Самуил подрос, мать, как и обещала, привела его в город Силом в Скинию и оставила в ней, поручив сына первосвященнику Илию, через которого Бог предсказал Анне рождение ею еще троих сыновей и двух дочерей. Самуил же возрастал, прислуживая при Скинии, и своим благонравием и твердостью в вере постепенно стяжал всеобщее уважение и почтение. Еще в юности Бог даровал Самуилу силу пророчествовать от Его имени.

После смерти Илия Самуил был поставлен судьей над народом израильским. Это был сильный духом и твердый в отстаивании истины судья и пророк. Он походил на своих древних предков Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея. «Своим проницательным умом он открыл самый источник бедствий своего народа и решил совершить религиозно-общественное преобразование. Он всецело посвятил себя делу поднятия религиозного духа в народе, и, будучи общепризнанным пророком и учителем, в своей длинной, присвоенной этому служению мантии, то и дело странствовал по уделам колен и повсюду пробуждал ревность к вере отцов. <...> Он увещевал народ отвергнуть всех иноземных богов, всех этих Ваалов и Астарт, которые увлекали непостоянный народ грязными прелестями идолослужения, навлекая вместе с тем всевозможные бедствия. И народ под давлением прежних тяжких испытаний не оставался глух к его проповеди. Началось религиозно-нравственное возрождение»[1].

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 209.

Появление Самуила в городах и селениях ожидали как благодати и благословения Божиего. Его советы слушали со вниманием и исполняли без прекословия. Настало время, когда авторитет Самуила укрепился настолько, что он мог созвать многочисленных представителей от всех колен в город Массиф, где под его руководством состоялось общественное моление, покаяние в грехах и возобновление Завета с Богом. Это общественное богослужение завершилось жертвоприношениями. Возобновилось то, что совершалось при Моисее и Иисусе Навине, а затем было забыто. Народ воспрял и ожил, ибо воскресла его душа.

Это торжество воскресшего духа дополнилось торжеством незабываемой и невообразимой никем победы над филистимлянами. Последние, узнав о необычайном собрании израильтян в Массифе, решили помешать их объединению и двинулись на них с сильным войском. Самуил призвал народ к молитве. Разразился сильный гром, вызвавший панику в рядах филистимлян, подобную той, что случилась с мадианитянами, на которых напал Гедеон. Израильтяне долго преследовали врагов. Были возвращены города и территории, некогда захваченные у них филистимлянами. Многолетнее и тяжелое иго было свергнуто. В память об этом Самуил воздвиг камень, как это сделал Иаков у Вефиля, и назвал его «Камень помощи», ибо для всех и для каждого было очевидно, что победа была достигнута с помощью Божией.

Самуил происходил из колена Левия, т. е. был левитом, и имел право совершать богослужения; он был назореем, т. е. посвященным Богу, и в связи с этим, воспитываясь при Скинии, получил образование согласно Закону Божиему; он был пророком благодаря чистоте жизни, и люди слушали его слово; он был судьей и имел законную власть управлять обществом. Таким образом, в руках у этого великого мужа оказалась сосредоточена духовная и гражданская власть, какую до него имели только патриархи и Моисей.

Желая укрепить и развить качество духовно-нравственного состояния общества, Самуил основал так называемые «пророческие школы». Эти школы представляли собой нечто вроде

религиозных братств, где изучался Закон Божий, история народа израильского, происходило воспитание молодых людей в духе благочестия. Такие школы именовались еще «сонмами пророков». А. П. Лопухин писал о них: «Хотя в Священном Писании очень мало сообщается о внешней и внутренней жизни этих братств, но все-таки можно составить некоторое представление о них. Принадлежавшие к ним назывались „сынами“ или „учениками“, и глава их назывался „отцом“. Большинство их были молодые люди — признак того, что молодое поколение, как наиболее чуткое к добрым нравственным влияниям, скорее всего, отозвалось на призыв Самуила. Они жили общинами, пользовались общинным содержанием, ели вместе, носили особо отличавшую их мантию с кожаным поясом, ходили целыми сонмами или толпами и были так многочисленны, по крайней мере, в позднее время, что есть упоминания случаев, когда пророки собирались по сто и более человек (3 Цар. 18, 4; 22, 6). Главные школы находились в родном городе Самуила — Раме, затем в Вифлееме и Галгале, но меньшие школы находились под надзором и попечением старших и наиболее известных пророков, которым „сыны“ или „ученики“ оказывали должное послушание и уважение. <...> Старшие пророки, или учители, в свою очередь заботились о благосостоянии своих „сынов“, и известны случаи, как, например, пророк Елисей однажды во время голода кормил не менее ста учеников и по смерти одного из них дал возможность (помог) вдове заплатить оставленные им долги (4 Цар. 4).

Источниками содержания братств служили... обычные труды по земледелию и скотоводству, а также вообще ремесленные занятия... но вместе с тем они принимали и приношения, которые давались им посторонними, искавшими у них назидания, утешения и прощения.

Прием в братство, по-видимому, был свободный: принимался всякий, кто по своей жизни более или менее был способен для того дела, которое составляло задачу этих братств. Главной целью их основания было содействовать начавшемуся движению к восстановлению истинной веры и возрождению религиозно-нравственной жизни народа.

Сообразно с этой целью главным предметом изучения в пророческих школах был Закон Божий, и не только в его букве, но и в духе. Вместе с тем в них изучалась религиозная обрядность и священная музыка. Последняя была одной из отличительных особенностей сонмов, пророчество которых сопровождалось „псалтирью и тимпаном, свирелью и гуслями“, что особенно способно было привлекать людей. Общинная жизнь под благотворным религиозно-нравственным влиянием старших пророков способна была закалять характеры „сынов“ пророческих, и из них выходили те доблестные мужи, которые бесстрашно говорили горькую правду сильным мира сего. Одушевленные самоотверженною ревностью об истинном благе народа, они были бесстрашными поборниками истинной религии и выступали решительными защитниками ее при всякой угрожающей ей опасности. Деятельность их развивалась и крепла. <...> Своей неустанной проповедью они с этого времени не переставали будить совесть народа и его правителей и тем поддерживали в нем дух истинной религии и доброй нравственности»[1].

С приходом преклонных лет Самуил решил искать помощи в судейских делах у двух своих сыновей, но был сильно оскорблен их поведением, когда до него стали доходить слухи о том, что его сыновья «уклонились в корысть, брали подарки и судили превратно». «Ввиду строгого характера Самуила, очевидно, что такое поведение сыновей не было результатом его отеческой слабости к детям, как это было у первосвященника Илия. Напротив, это была жертва его самоотверженной общественной деятельности, всецело поглощавшей его силы и внимание и лишавшей его возможности должным образом заняться воспитанием своих детей. И это обстоятельство послужило прямым поводом к важному перевороту в истории израильского народа»[2].

Под важным переворотом профессор А. П. Лопухин имел в виду обращение народа к Самуилу с просьбой поставить над ними царя, а не судью, который бы правил ими так же,

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 210–212.
[2] Там же. С. 212.

как правят другими народами их цари. Эта просьба основывалась на желании не только сохранить, но и укрепить единство народа и крепость складывавшегося государства, ибо народные вожди видели непрочность судейской власти, зависевшей от личных качеств и добродетелей каждого судьи. Мздоимные сыновья Самуила вызывали опасение тем, что после смерти их отца народ не пойдет за ними и вновь произойдет духовно-нравственное падение, что повлечет падение социальное и возвращение всех тех бед, которые народ уже испытал. Желание крепкой централизованной власти, опирающейся на государственные органы, в которой народ видел гарантию своего единства и силы, заставили обратиться вождей колен Израилевых к своему судье и пророку Самуилу с просьбой поставить над ними царя. Эта просьба выражала вместе с тем и неспособность народа самостоятельно жить по воле Божией, обладать самоуправлением и иметь своим царем Бога. Самоуправление без сильной человеческой руки, в связи с религиозно-нравственной нетвердостью народа, непременно вырождалось в самоуправство и бесчинство.

Самуил, видя, что эта просьба исходила не от желания укрепить благочестие и веру, а лишь от страха перед лицом бед, отнесся к ней неблагосклонно. Хотя он и знал, что она не беззаконна, ибо законодатель Моисей, предвидя будущую судьбу народа, сказал: «Когда ты придешь в землю, которую Господь Бог твой даст тебе, и овладеешь ею и поселишься на ней, и скажешь: поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которого изберет Господь Бог твой» (Втор. 22, 14–15).

Однако желание народа было выражено без предварительного испрашивания воли Божией. Народ вновь поспешил проявить свою собственную волю. Это-то и возмутило Самуила. Он обратился к Богу с молитвой, в которой выражал вопрос: что делать? И Бог ответил ему: «Послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар. 8, 7). Затем Господь благословил Самуила предупредить народ о том, какими тяготами грозит им царская власть (обязательная служба в армии, налогообложение, деспотизм и своеволие

царей и пр.). Но народ дал следующий ответ: «Нет, пусть царь будет над нами: и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (1 Цар. 8, 19–20). Тогда Господь повелел Самуилу удовлетворить желание народа и поставить над ним царя.

Цари Израиля

1. Саул—первый царь Израиля (1080 (1075) –1060 (1055) гг. до Р. Х.)

После того, как Самуил получил благословение Божие удовлетворить желание народа и поставить над ним царя, Бог указал ему того, кто должен был понести на своих плечах тяготу царской власти. Им оказался сын Киса, зажиточного земледельца из колена Вениаминова, жившего в городе Гиве, Саул.

Саул был на голову выше других ростом и выделялся благородством внешности. Вместе с тем он был мужественным и опытным воином-ополченцем. Однажды у Киса пропали рабочие ослицы, и Саул был отправлен на их поиски. Три дня он безуспешно обходил окрестности и хотел было уже возвращаться, но слуга его посоветовал зайти в ближайший город Массифу, где в это время пребывал Самуил, совершавший жертвоприношения Господу, и спросить об ослицах у него. По совершении жертвоприношения Самуил приветствовал Саула, не успевшего еще объяснить цели своего посещения, как самого доброго гостя, уверял его не беспокоиться об ослицах, ибо они нашлись, и, усадив на самое почетное место, объявил Саулу его высокое предназначение. По окончании торжественной трапезы Самуил вывел Саула за город и помазал на царство, возливая на его голову елей (освященное растительное масло).

Все это ошеломило Саула, который не имел знатного происхождения и принадлежал к самому малочисленному, чуть было не подвергшемуся совершенному истреблению колену Израилеву.

В подтверждение истинности всего, что происходит, Самуил предрек Саулу встречу с сонмом пророков, ниспослание ему самому пророческого дара и обретение утерянных ослиц. Все случилось так, как обещали слова Самуила. Причем, когда люди увидели Саула, ранее не отличавшегося особенной религиозной ревностью, пророчествующим и находящимся в сонме пророков, то восклицали: «Что это стало с сыном Кисовым? *Неужели и Саул во пророках?*» (1 Цар. 9; 10, 1–16). Последнее выражение стало народной пословицей, употребляющейся в тех случаях, когда происходит неожиданное возвышение какого-либо знакомого человека.

Вернувшись домой, Саул не говорил о случившемся. Над ним совершилась Господня воля, но его еще должен был принять народ. С этой целью Самуил собрал народное собрание, на котором был брошен жребий, который сначала пал на колено Вениаминово, затем на племя Матриево и в нем — на Саула, сына Кисова. Саул, однако же, зная о том, на кого укажет жребий, страшась сей тяжкой и казавшейся ему невыносимой миссии, спрятался в обозе. Найдя его, народ привлек помазанника к Самуилу, и тот сказал: «Видите ли, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул: „Да живет царь!“ Однако были и такие, кому не по нраву пришлось указание жребия. „Ему ли спасать нас?“ — говорили они, и не поднесли даров царю, не признав его. Саул же не обратил своего внимания на них, во всем полагаясь на Бога, ибо слишком явен был его промысел. Самуил тогда объявил народу права царя и обязанности его подданных, записал это в книгу и, положив ее на святое место, отпустил народ» (1 Цар. 10, 17–27).

Профессор А. П. Лопухин писал следующее: «В новоизбранном царе народ израильский приветствовал воплощение своего политического идеала, и действительно Саул был олицетворением самого народа, его добродетелей и недостатков. Его добрые качества заключались главным образом в его величавой внешности, которая особенно и расположила народ в его пользу; а его внутренние качества, качества его ума и сердца, должны были постепенно выработаться и развиться в послушании воле Божией»[1]. Последнее замечание весьма существенно, ибо в нем выражен смысл миссии, возложенной Богом на царя, а в его лице и на всякого имущего власть. Избранничество само по себе вовсе не означает совершенства избранного, но предполагает надежду на его стремление к совершенству и ожидание его совершенствования.

«Помазание уже просветило его ум Духом Божиим, но в своей деятельности он должен был сам показать сознание высоты своего призвания и добрыми делами должен был оправдать свое избрание... Насколько Саул в послушании воле Божией оправдывал свое избрание, это должна была показать его будущая деятельность», — так завершил свою мысль профессор А. П. Лопухин.

После избрания на царство Саул отправился в родной город Гиву и продолжил свой прежний труд земледельца. Однако вскоре на город Иавис Галаадский напал князь аммонитский Наас. Жители города предложили ему заключить союз с тем, чтобы служить Наасу, и тот согласился, но с условием, что он выколет каждому жителю правый глаз в знак позора и покорности ему. Узнав об этом, Саул разрубил на куски пару своих волов и разослал эти части во все концы Израиля с предупреждением, что если кто-то из народа уклонится от борьбы с неприятелем, то точно так же, как случилось с волами царя, случится и с волами уклонившихся. Единодушие было велико, и войско, собравшееся по призыву Саула, составило 330 000 человек. Наас был разбит, а город Иавис избавлен от опасности и позора.

Это славное дело вызвало всенародный подъем и усилило веру в царя Саула. Теперь горячие головы желали разобраться с теми, кто не принял Саула как царя. Но царь остановил их: «В сей день никого не должно умерщвлять, ибо сегодня Господь совершил спасение в Израиле» (1 Цар. 11).

В тот же день в Галгале Самуил торжественно сложил с себя обязанности судьи. Произошло окончательное и всенародное утверждение Саула на царском престоле. Главной

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 217.

заботой Саула стало создание постоянной и сильной армии. С этой целью он организовал трехтысячный отряд царской гвардии. Резиденцией царя сделался город Михмас.

Несмотря на то, что филистимляне уже не властвовали в той степени, как раньше, они все еще имели в землях колен израильских свои опорные пункты с охранными отрядами, которые представляли реальную опасность. Узнав о том, что израильтяне избрали царя, могущего объединить силы народа, филистимляне направили против них огромное по тем временам войско, имевшее 30 000 колесниц и 6 000 конницы. Под этой угрозой жители городов бежали в горы.

Саул собрал войско в Галгале, где для воодушевления народа было решено совершить жертвоприношение, ради чего должен был прибыть сам Самуил. Но тот не приходил в течение почти семи дней. Войско стало разбегаться, и Саул сам принес жертву. Это самоволие явилось, во-первых, преступлением перед Законом, так как никто, кроме священников, благословленных на то Богом, не мог совершать жертвоприношения, во-вторых, проявлением неверия Саула в промысел Божий, упование его не на помощь Божию, но на силу войска, которое таяло на его глазах. Стремясь остановить растущее малодушие воинов, Саул решился на преступление Закона. Этим царь объявил свое притязание действовать не как слуга Бога, но как самостоятельный правитель, дерзнувший стяжать в своих руках и гражданскую и духовную (священническую) власть. «Этот поступок Саула сразу показал, что дальнейшая его деятельность пойдет вопреки воле Божией, что увлекаемый политическими интересами он готов пренебрегать интересами религиозными»[1].

Явившись на седьмой день, Самуил негодовал. Он предупредил Саула, который выказывал свое раскаяние, что этим действием тот поколебал свое царство, которое Бог может у него отнять.

Между тем филистимляне дошли до Мертвого моря и захватили все кузни и кузнецов, лишив израильтян источника вооружений. Саул укрылся в укрепленном городе Гива. Его сын Ионафан, бывший мужественным, открытым и честным человеком, не сказав ничего отцу и взяв с собою лишь оруженосца, тайно пробрался в лагерь к передовому отряду филистимлян и, призвав на помощь Бога, один поразил двадцать человек, чем вызвал неожиданную панику и бегство части неприятельских войск, увлекших за собой и других. Израильтяне стали преследовать врага, а Саул, решив довершить дело до полной победы, объявил обет: «Проклят, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим» (1 Цар. 14, 24). Так Саул вновь превысил свои права гражданского властелина и, необдуманно своей властью установив неурочный пост, обрек сражающихся людей на физическое истощение.

Ионафан не слышал о заклятии, наложенном его отцом, и съел мед, который нашел в лесу. Когда ему сказали о запрете, Ионафан изумился его нелепости и воскликнул: «Смутил отец мой землю; смотрите, у меня просветлели глаза, когда я вкусил немного этого меда. Если бы поел сегодня народ... то не больше ли было бы поражение филистимлян?» (1 Цар. 14, 29–30).

К вечеру израильтяне так обессилели, что бросились на добычу и, закалывая телят и овец, не могли дожидаться, пока стечет кровь, готовили пищу с кровью и ели. Это было против Закона, данного Моисеем от Бога, запрещающего вкушать мясо животных с кровью. Так безрассудство царя привело ко греху весь народ.

В результате этого Бог не отвечал больше на призывы Саула, желавшего знать, продолжать ли ему преследование филистимлян или оставаться на месте. Саул искал виновного, кто нарушил обет, данный им, ибо считал, что нарушивший повинен в молчании Бога. Но народ, видя подвиг Ионафана, не хотел выдать его царю. Тогда Саул приказал бросать жребий, и жребий указал на Иоанафана. Несмотря на то, что перед ним был собственный сын, Саул приказал казнить его как ослушника. Но народ вступился за Ионафана и не отдал его царю, ибо все были уверены, что таким образом нарушив волю отца, царский сын не нарушил волю Божию. Наоборот,

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 219.

Бог помог через него всему народу победить филистимлян (1 Цар. 14, 31–46).

Саул продолжал укреплять гвардию и формировать регулярные военные отряды в городах. Однажды Самуил открыл Саулу волю Божию о том, что необходимо истребить амаликитян, которые угрожали Израилю и когда-то первыми напали на него, преградив дорогу из Египта в Палестину. Саул предупредил кинеян (потомков Кинея), которые жили среди амаликитян и некогда помогли израильтянам, об опасности, и те на время покинули свои места, чтобы быть живыми. Саул истребил амаликитян, но царя их Агага взял в плен и сделал своим гостем, а также оставил самых хороших верблюдов, овец и другой скот, вопреки указанию Самуила. В Священном Писании сказано: «И было слово Господа к Самуилу такое: Жалею, что поставил Я Саула царем, ибо он отвратился от Меня и слова Мои не исполнил. И опечалился Самуил и взывал к Господу целую ночь» (1 Цар. 15, 1–11). Скорбь Самуила возросла еще более, когда он узнал, что Саул, возгордившись военными подвигами, воздвиг памятник своим победам, как это делали все языческие цари, на горе Кармил.

Самуил явился к Саулу со строгим укором за непослушание. На слова оправдания Саула, что он не уничтожил стада амаликитян якобы не ради наживы, но ради жертвоприношения Богу, Самуил ответил: «Неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы, и повиновение лучше тука овнов. Ибо непокорство есть такой же грех, как и волшебство, и противление — то же, что идолопоклонство. За то, что ты отверг слово Господа, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем» (1 Цар. 15, 12–23). Самуил оставил Саула и уже больше не виделся с ним до самой своей смерти.

Он весьма печалился о Сауле. «И сказал Господь Самуилу: доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг, чтоб он не был царем над Израилем? Наполни рог твой елеем и пойди; Я пошлю тебя к Иессею Вифлеемлянину, ибо между сыновьями его Я усмотрел Себе царя» (1 Цар.16, 1).

Иессей был потомком Раавы иерихонской, спрятавшей около трехсот лет назад лазутчиков Иисуса Навина и поселившейся со своей семьей среди израильтян, и внуком благочестивой моавитянки Руфи, которая оказалась преданной своей свекрови-израильтянке. Руфи посвящена одна из книг Священного Писания — книга Руфь. Иессей был уважаемым жителем Вифлеема, и поэтому посещение его дома Самуилом хотя и вызвало всеобщий интерес, но не удивило, ибо пророк придал всему делу вид обычного жертвоприношения, которое совершило семейство Иессея.

Когда Самуил встретил за трапезой одного из сыновей Иессея, Елиава, то, увидев его величавую и прекрасную внешность, он подумал, что именно тот и есть избранник Божий. Но Бог указал пророку: «Не смотри на вид его, на высоту роста его. Я отринул его. *Я смотрю не так, как смотрит человек, ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце*» (1 Цар. 16, 2–7).

Среди сыновей Иессея не оказалось младшего, который в это время пас овец. Самуил попросил привести его. Когда тот пришел, пророк увидел перед собой белокурого отрока с красивыми глазами и приятным лицом. Бог указал на этого юношу (1 Цар. 16, 12). Его звали Давид.

Давид с детства был пастухом. Внешне ничем особенным он не отличался, но имел мужественное сердце, не раз прогонял от овечьего стада львов и медведей. Он любил созерцать красоту окружающего мира, который наблюдал и днем, и ночью, и в проявлениях которого, подобно Аврааму, сердцем чувствовал и видел Творца. Свое восхищение божественным творением, величием и могуществом Создателя Давид выражал в собственных сочинениях — песнях, которые он исполнял под звуки гуслей (лиры). Эти гусли назывались *псалтирью*, а песни, исполняемые под аккомпанемент псалтири, — *псалмами*. Так, свой поэтический и музыкальный талант Давид с юности посвятил Богу.

Самуил помазал этого отрока на царство. Дух Божий, оставивший Саула, с того дня почил на Давиде. Но еще долж-

но было пройти время, в течение которого отроку надлежало возрасти, воспитаться и приготовиться к правильному несению креста царской власти.

Саул же, оставленный Богом и мучимый совестью, но не могущий переступить через свою гордыню, впал в тоску. Приближенные царя боялись тех минут и часов, когда наступало время затишья от ратных и государственных дел, ибо в своем унынии Саул был страшен. Чтобы как-то скрасить царскую печаль, приближенные предложили доставить в расположение его резиденции Давида, славившегося по всей округе своим искусством. Пение Давида приводило в упокоение мучимый дух Саула, так как юноша имел на себе благодать Божию. Его песни были наполнены молитвой, обращенной к Богу,— именно то, о чем и тосковала душа Саула, как некогда стонала душа Адама, потерявшего рай. В минуты Давидова пения мрачность и сугубая подозрительность оставляли царя, он находил покой.

Давида время от времени специально доставляли ко двору царя из отцовского дома, отвлекая от обычного пастушеского занятия. Но однажды Давид сам пришел к Саулу, что в сложившихся обстоятельствах удивило последнего. Началась очередная война с филистимлянами. В течение нескольких дней перед расположением израильских войск представал филистимский воин-исполин Голиаф, который насмехался над израильтянами и их Богом, предлагая единоборством решить исход битвы. Саул назначил весьма почетную награду тому, кто победит Голиафа,— свою дочь в жены. Но никто не осмеливался сразиться с насмешником.

В это время Давид по поручению отца пришел в израильский военный стан, чтобы навестить своих братьев, призванных в ряды ополчения. Услышав насмешки Голиафа, сердце его возгорелось желанием показать силу того Бога, над которым потешался филистимлянин. Давид неоднократно, призвав имя Божие и воспев гимны-псалмы, при помощи пращи и пастушеского посоха поражал львов, когда те нападали на его стадо. Теперь он пожелал защитить свой народ и имя Божие.

Сначала Саул отверг притязания Давида на единоборство, считая, что юноша более годен к игре на арфе, чем к битве. Однако Давид так воодушевленно рассказывал о своих единоборствах с дикими зверями, похищавшими овец, что царь уступил и даже предложил свои доспехи, которые оказались слишком тяжелы для Давида, и он отказался от них. Со словами: «Господь, который избавлял меня ото льва и медведя, избавит меня и от руки этого филистимлянина», Давид взял в руки посох, положил в пастушескую сумку пять гладких камней из ручья, пращу и выступил против Голиафа. Велико было изумление опытного бойца, когда против него вышел белокурый юноша с тонкими чертами лица. «Что ты идешь на меня с палкой? Разве я собака?.. Подойди ко мне, и я отдам тело твое птицам небесным и зверям полевым»,— воскликнул Голиаф. Весьма показательны в смысле характеристики Давида те слова, которыми он ответил на вызов: «Ты идешь против меня с мечом, и копьем, и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израилевых, которые ты поносил. Ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму с тебя голову твою, отдам трупы войска филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле! И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши!»

«Не в силе Бог, но в правде!»— спустя две тысячи двести лет воскликнет святой благоверный князь Александр Невский, будучи двадцатилетним юношей, и, повторяя подвиг Давида, поразит шведского принца, смеявшегося над Русью и православием.

С этой победной песнью Давид побежал навстречу врагу, вкладывая в пращу камень. Через несколько мгновений Голиаф, оглушенный, лежал на земле. Подбежавший Давид отсек великану голову его же собственным мечом и вернулся в стан. Филистимляне бежали, а израильтяне преследовали их.

Эта победа сделала Давида приближенным царя Саула. Его благоразумие в исполнении приказов послужило тому,

что вскоре Давид сделался военачальником, нашел поддержку в народе и в войсках. Сын Саула Ионафан привязался всем сердцем к Давиду и полюбил его как брата. Сам же Саул стал завидовать победам и популярности Давида, который не отдавал, подобно ему, необдуманных распоряжений. Народ стал говорить: «Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч». И огорчился Саул: «Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи. Ему недостает только царства». И возненавидел Саул Давида. Особенно возненавидел его за благоразумие, которому завидовал, ибо сам не обладал таковым. Терпение, смирение и осторожность Давида вызывали у царя подозрение в том, что Давид якобы притворялся и задумывал отобрать царство у Саула, который помнил слова Самуила о том, что Бог уже лишил его царства. Все это внушало несмиренному царю страстное опасение за свою власть. Однажды Саул даже бросил копье в Давида, но тот увернулся. Теперь Саул стал не на шутку бояться своего военачальника.

Решив погубить Давида, царь предложил ему руку своей дочери Мелхолы, но лишь на условии того, что Давид вступит в неравное сражение. Согласившись на это, помазанник Божий не только остался живым, но и одержал потрясающую победу. После того, как сыграли свадьбу, Саул поклялся убить Давида и предпринял к этому действия. Давид был вынужден бежать с помощью Ионафана и Мелхолы, которую вскоре Саул выдал замуж за другого (1 Цар. 17–19, 1–17).

Уже ничто не могло усмирить ненависти Саула. Даже его любимый сын и наследник едва не погиб от руки отца, метнувшего в него копье, когда тот пытался ходатайствовать за Давида.

Давид скрывался в разных городах от преследовавших его по всей стране слуг Саула, был вынужден жить в пещерах. Вокруг него собралось около четырехсот человек, недовольных царем, в том числе и его родные братья, также подвергшиеся гонениям за родство с Давидом. В священном городе Номве, где Давида приютил первосвященник Ахимелех, по приказу царя было убито восемьдесят пять священников,

заподозренных в измене, а город был разрушен. Авиафар, сын первосвященника, бежал к Давиду.

Бывали случаи, когда Саул оказывался волей промысла Божиего в полной власти Давида. Но тот страшился даже самой мысли о том, чтобы поднять руку на *помазанника Божия*, каковым являлся царь. Однажды Саул с немногочисленными слугами заночевал в пещере, где прятался Давид. Последний, когда все крепко уснули, отрезав мечом край царской одежды и отойдя на безопасное расстояние, разбудил Саула, упрекая его в недоверии себе. Саул был крайне растроган и каялся в своей злобе, обещая сделать Давида своим наследником, если тот даст слово не преследовать его род. Но вскоре дух злобы вновь напал на Саула.

Даже у филистимлян искал убежища Давид. Филистимский царь города Гефа дал Давиду во владение целый город Циклаг, но затем потребовал за это участия в набегах на израильские земли. Однако недоверие самих филистимлян избавило Давида от этой незавидной участи.

Вскоре на 88-м году жизни скончался пророк Самуил. Это еще более подкосило духовные и нравственные силы Саула. Филистимляне с большим войском двигались по стране. Царь готовился к битве и, принося жертвы, вопрошал Бога о ее исходе. Бог не отвечал. Тогда Саул решился на преступление, которое еще более ясно показало, что он готов служить кому угодно, лишь бы это принесло ему победу и сохраняло власть. Саул обратился за помощью к одной из волшебниц-гадалок, которых он еще недавно преследовал сам, поскольку занятие их противно Богу. Та сумела вызвать дух Самуила, который поведал неутешительное для Саула: «Для чего ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим? Господь сделал то, что говорил через меня. Отнимет Господь царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему, Давиду... И предаст Господь Израиля вместе с тобою в руки филистимлян: завтра ты и сыны твои будете со мною». На следующий день разразилась битва на горе Гелвуе. Пали трое из сыновей Саула. Сам же Саул был ранен и, не имея сил, бро-

сился на свой меч, чтобы не попасть в плен и не быть поруганным и мучимым филистимлянами (1 Цар. 19, 18–24; 20–31).

Так бесславно окончилось многообещающее своим началом царствование Саула, навлекшего личной гордыней, властолюбием, тщеславием и непослушанием воле Божией на народ свой и на семью свою многие беды. Начав с устремлений к объединению страны и народа, к свержению иноземного ига, он оставил после себя гражданское разобщение, раскол в обществе, шатания внутри армии, не доверявшей уже этому царю, и разорение страны иноземцами.

Об интересных находках, подтвердивших подробности повествования о гибели Саула, писал Н. Василиадис. Библия утверждает, что, обнаружив тело Саула, филистимляне сняли с него доспехи, обезглавили и пригвоздили к стене города Бефсана. Голову Саула они поместили в храм Дагона, а доспехи положили в храм Астарты (1 Цар. 31, 1–10; 1 Пар.10, 10). Археология дала следующие сведения: «1. Исторические источники и раскопки показывают, что Астароф была одной из самых известных языческих богинь плодородия. В некоторых районах Ближнего Востока ее называли Астарт, или Астартой, а вавилоняне звали ее Иштар. В Вефиле археологи нашли печать, на которой запечатлен ее облик.

2. Раскопки стены в Бефсане, той самой, к которой филистимляне пригвоздили обезглавленное тело Саула, показали, что Бефсан (70 км к северу от Гивы) был разрушен в период с 1050 по 1000 гг. до Р. Х. Эти даты совпадают со временем жизни и деяний Саула и Давида.

3. В результате раскопок в Гиве... были получены интересные сведения... Раскопки проводились под руководством американского профессора археологии В. Ф. Олбрайта и продолжались двенадцать лет (1922–1933 гг.). <...> Эта крепость... существовала (во всяком случае, по мнению Олбрайта) в период с 1025 по 950 гг. до Р. Х. и служила полевым оборонительным сооружением и штабом Саула, в котором он разрабатывал планы походов против филистимлян»[1].

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 163–164.

Более подробно о находках в Гиве писал Дж. Э. Райт: «...В Гиве... были найдены развалины дворца. Город... был заложен около 1200 г. до Р. Х. и уничтожен столетием позже, возможно, в результате межплеменной междоусобицы (ср. Суд. 20). Крепость-дворец, выстроенная Саулом на развалинах древней деревни, как и все лучшие здания того времени, имела не менее двух этажей. Семья Саула жила на втором этаже. Крепость была окружена двойной стеной, сложенной из грубо отесанных камней... По углам стояли мощные башни, с которых защитники крепости могли стрелять из лука и бросать камни в неприятеля. Подобная резиденция вряд ли пришлась бы по вкусу монархам Египта, Сирии или Месопотамии, однако ее простота вполне подходила по духу Саулу, который был прежде всего воином и харизматическим героем, но никак не богатым, образованным вельможей-космополитом... Находки, сделанные в крепости, также свидетельствуют о простоте ее обитателей. Помимо всего прочего, здесь были обнаружены два характерных для того времени вида оружия: бронзовые наконечники стрел и камни для пращи. Железный носок лемеха, оселок, керамика, прялки, жернова для перемалывания зерна и большие кувшины для хранения зерна, вина и масла — вот что обычно удавалось найти в домах израильтян. Керамика чисто функциональна и практически лишена каких-либо украшений.

Несмотря на всю мощь этой крепости, она была уничтожена при жизни Саула, и произошло это, вероятно, перед битвой при Михмасе, описываемой в 1 Цар. 13–14. Как бы то ни было, она была едва ли не тут же восстановлена... Мы не знаем, что происходило с ней после окончательного поражения и смерти Саула на горе Гелвуе (1 Цар. 31). Крепость была разрушена вновь, и не менее чем через столетие израильтяне построили на ее месте небольшой, но хорошо укрепленный форт»[1].

4. Археологическая экспедиция университета Пенсильвании, работавшая в Бефсане в течение двенадцати лет (с 1921 по 1933 гг.) под руководством Кларенса С. Фишера, Алана

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 153–157.

Роу и Г. М. Фицжеральда, обнаружила руины двух храмов. <...> В руинах... «были также найдены, главным образом, металлические предметы культа»... которые четко указывают на то, что «храмы посвящены богине плодородия Астарте и главному богу филистимлян Дагону». <...> Археолог Фри относительно вышеупомянутых находок высказался... «Археологи, производившие раскопки в Бефсане, отождествили этот храм с храмом Астарты, в который (филистимляне) поместили доспехи Саула (1 Цар. 31, 10). Храм был найден на южном склоне высокого холма и сооружен, как показали раскопки, до эпохи Саула... Внутри храма был обнаружен монумент из базальта с изображением богини Астарты... Археолог Роу... полагает, что храм был построен египтянами—жителями Бефсана в честь богини Астарты». По поводу храма Дагона... профессор Фри пишет: «В ходе раскопок к югу от храма Астарты был обнаружен храм, который Роу отождествляет с храмом Дагона, упоминаемом в Священном Писании. Роу приходит к выводу, что в Первой книге Паралипоменон Ветхого Завета подразумевается наличие двух храмов в Бефсане, относящихся к периоду филистимлян, и раскопки подтверждают это».

Следовательно, городские стены древнего Бефсана и стены двух языческих храмов, обнаруженных в ходе раскопок, на самом деле были свидетелями поругания тела царя Саула, о чем повествуется в двух книгах Ветхого Завета: Первой книге Царств (31, 1–10) и Первой книге Паралипоменон (10, 10)[1].

2. Давид—царь Израиля (1060 (1055)–1020 (1016) гг. до Р. Х.)

По смерти Саула колено Иудино, уже давно склонившееся на сторону Давида, провозгласило его царем. Но военачальник и приближенный Саула Авенир, желая реализовать личные устремления, объявил царем Иевосфея, одного из Сауловых сыновей, который был признан остальными одиннадцатью коленами. Разгорелась междоусобная война, которая продолжалась около пяти лет. Однако Авенир, поссорившись с Иевосфеем, перешел на службу к Давиду, но погиб от руки слуги Давида, отомстившего за смерть своего брата. Вскоре и Иевосфей был убит своими приближенными. Война прекратилась. Представители всех колен собрались в Хевроне и провозгласили Давида своим царем (2 Цар. 1–5, 1–5).

Профессор А. П. Лопухин так описал качества нового царя Израиля: «Ему было тридцать лет от роду. В войне он уже приобрел громкую, всенародную известность... которая... воспевалась в народных песнях... При своей страннической жизни в качестве изгнанника он прошел всю страну вдоль и поперек, близко ознакомился с жизнью не только своего собственного народа, но и ближайших соседей, у которых ему не раз приходилось искать себе убежища. Во время тяжкой школы испытаний он научился ценить жизнь не с высоты отдельного царского престола, а в ее действительных нуждах и потребностях, быть милостивым и сострадательным к простому народу, равно как и великодушным к своим врагам. Но более всего перенесенные им испытания научили его всецелому упованию на Бога и еще более воспламенили в нем тот дух религиозности, который и выразился в его дивных боговдохновенных песнях-псалмах, дышащих безграничным упованием на промысел Божий. Такой царь не мог не пробудить сочувствия в народе, и около него быстро образовалось большое войско, начальники которого всецело отдали себя в распоряжение Давида»[1].

Действительно, жизнеописание Давида поражает величием духа этого человека. Его великодушие в варварских условиях ветхозаветного периода древней истории вызывает почтение и указывает на его безусловную приверженность Закону Божиему. Его поступки были продиктованы не буквой писаного закона, а часто даже вопреки этой букве—духом Закона Божиего, духом веры во всемогущего и всемилостивейшего

[1] См.: *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 164–165.

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 232.

Творца, что чрезвычайно редко встречается в праведниках Ветхого Завета. Бог тогда в силу несмиренного и бунтарского народного характера представал как грозный вершитель судеб, способный защитить верных Ему и наказать неверных и отступающих от Него. Давиду же, судя по содержанию его поэтических творений, Бог представал не только как грозный судья, но и как милующий и прощающий Отец, забывающий обиды, нанесенные Ему, и берущий кающихся грешников под Свою защиту. Бог в псалмах Давидовых предстает как терпеливо ожидающий покаяния и исправления, как изливающий Свою милость и щедроты на людей, как дарующий жизнь и счастье, как Тот, Кто не забывает ни одного доброго движения сердца и ума со стороны человека. Этот духовный феномен царя Давида дает основание говорить о прообразовании в нем новозаветного духа, новозаветной веры. Недаром именно среди потомства Давида (от рода Давидова) произошел по человеческой Своей природе Богочеловек Иисус Христос.

Давид являлся не только слагателем великолепных религиозных гимнов, но и прекрасным музыкантом, сочинителем и организатором музыкальных ансамблей, которые играли и пели в скинии (затем в храме) при совершении богослужений (1 Пар. 23, 5–6). Сомневающиеся в историчности Священного Писания оспаривали возможность подобной деятельности в столь раннюю эпоху, полагая, что музыкальные коллективы возникли после 538 г. до Р. Х. Однако раскопки, производившиеся начиная с 1942 г., показали на конкретных примерах, что музыкальное искусство не только около 1000 лет до Р. Х., но и в более раннюю эпоху находилось на довольно высоком уровне.

Изображения музыкальных инструментов, напоминающих арфу (лиру), восходят к середине III тысячелетия до Р. Х. (г. Ур, Шумер) и к середине II тысячелетия до Р. Х. (Египет). Л. Вулли, описывая содержимое царских гробниц Ура Халдейского (вторая половина III тыс. до Р. Х.), раскопками которых он лично руководил в 20–30-х гг. XX в., указывал: «Обязательной принадлежностью царских гробниц является арфа или лира. В одной большой могиле было, по крайней мере, четыре лиры,

и среди них — самая прекрасная из найденных нами... Самым обычным украшением арф или лир были головы животных...» Далее Ч. Л. Вулли подробно описывает устройство и богатое убранство лир из царских гробниц[1].

В погребениях Бени-Хасан (Египет), датируемых 1900 г. до Р. Х., найдено изображение азиатских семитов, пришедших в Египет и принесших среди прочего с собой музыкальные инструменты, одним из которых была лира. Об этом изображении мы уже упоминали в связи с историей Авраама. В Фивах (Верхний Египет) в погребении, датируемом 1420 г. до Р. Х., были найдены изображения девушек, составивших собою музыкальный ансамбль: одна была изображена играющей на лире, другая на двойном гобое. На вазе из Мегиддо, датированной около 1025 г. до Р. Х., была изображена лира, употреблявшаяся, скорее всего, в эпоху Давида[2]. Н. Василиадис писал: «...Археологические находки в Египте, Месопотамии и Палестине показывают высокий уровень развития музыкальных инструментов, начало которого относят к 2000 г. до Р. Х., а продолжалось оно во времена Давида и позднее...[3]

Кроме того, тексты из Рас-Шамры запечатлели множество религиозных поэм, в которых часто упоминаются служители храмов, называвшиеся sarim (шарим) и являвшиеся почти тем же самым, что и аэды (певцы) эпохи Давида и последующих веков. В Библии упоминается несколько имен музыкантов времен Давида (напр., 1 Пар. 15, 19). Археолог Олбрайт считает их происхождение ханаанским. По мнению археолога Томпсона, „по крайней мере, некоторые из этих ханаанских имен являются, вероятнее всего, именами коренных жителей страны. Следовательно, мы можем предположить, что Давид заставил некоторых местных жителей служить ему в качестве музыкантов, подобно тому, как он принудил представителей прочих подчиненных им народов служить в других сферах жизни“[4].

---

[1] *Вулли Ч. Л.* Ур Халдеев. М., 1961. С. 76–78.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 160–161.
[3] Там же. С. 161.
[4] Там же. С. 161–162.

Таким образом, музыка, различные музыкальные инструменты, вокальные и инструментальные ансамбли существовали задолго до времен Давида, который в значительной степени придал музыкальному творчеству религиозный смысл и уделил большое внимание профессиональному музыкальному сопровождению богослужений. Псалмы, сложенные царем Давидом, до сих пор исполняются (читаются и поются) за каждым богослужением Православной Церкви. Никакие другие песни не приобрели во всем мире такой известности, как Давидовы псалмы.

«Он был не только царь и певец,— написано о Давиде в „Библейском словаре“ Э. Нюстрема,— но также и пророк, который предсказал о Мессии— „Сыне и Господе Давида“. Христос указывает на 109 Псалом в Мф. 22, 43 и далее, а апостол Петр в своей проповеди в день Пятидесятницы ссылается на свидетельство „праотца и пророка“ Давида о воскресении и вознесении Христа на небо (Деян. 2, 25 и далее, Псл. 15)»[1]. Действительно, практически все пророчества, содержащиеся в Давидовых псалмах, связаны именно с грядущим Мессией: пророчества о Богородице (о непорочном зачатии Ею Сына Божия, о Ее чистоте и о Ее качествах); о Спасителе (о Его происхождении, о Его подвиге, о предательстве Его людьми, о Его смерти и воскресении), об установлении таинства евхаристии, о победе над смертью и т. д. На богочеловеческую природу Христа Спасителя царь Давид указывал тем, что называл Его своим Сыном (т. е. произошедшим от его семени) и своим Господом (т. е. тем единственным Господом, Которому только служил Давид и Который сотворил все). Таким же образом церковные песнопения в уста Богородицы вкладывают Ее обращение к своему Сыну: «О, Сыне и Боже Мой».

В Священном Писании не только Иисус Христос многократно именуется «Сыном Давидовым» (Мф. 1, 1; Мк. 10, 47; Лк. 20, 41), но также и престол Иисуса Христа— Царя Небесного именуется «престолом Давида» (Иер. 22, 2–4), и Царство Христово называется «Царством Давида» (Мк. 11, 10), и даже

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 96.

Сам Христос— обещанный Царь Небесный, Мессия именуется Давидом[1] (Иер. 30, 9; Иез. 34, 23 и далее; Ос. 3, 5) и имеющим ключ Давида (Откр. 3, 7).

Но если Царство Христово не от мира сего, то Давиду в удел Богом было дано земное царство, которое еще требовало устройства и защиты.

Семь с половиной лет Давид царствовал в Хевроне. Этого времени оказалось достаточно, чтобы понять необходимость перенесения столицы в такой город, который бы не принадлежал ни одному из колен, но чтобы он был только царским уделом. Такая нейтральная столица сделала бы царя более независимым правителем и в то же время не выделяла бы особо какое-то одно колено по отношению ко всем остальным. Все колена оказались бы в таком случае равны перед царской властью. Кроме того, это должен был быть хорошо укрепленный и выгодно расположенный город.

Давид усмотрел себе новую столицу— Иерусалим, крепость, располагавшуюся на границе земель Иудина и Вениаминова колен, принадлежавшую в то время иевусеям и до сих пор сохранявшую свою независимость. Выгодное положение почти в центре земель царства, на возвышенности в горной местности, прекрасно укрепленные и неприступные стены— все делало Иерусалим привлекательным для Давида. Он стремительно завоевал этот город и назвал его «градом Давидовым». Тем самым была обозначена независимость царской власти и ее возвышение в равной степени над всеми коленами.

В. И. Авдиев писал: «Энергичная военная деятельность Саула привела к образованию довольно значительного Израильского государства во главе с царем, авторитет и власть которого укрепляются и освящаются религией и жречеством... Объединительную деятельность Саула продолжал Давид (начало X в. до н. э.), который в библейских преданиях изображается национальным героем. Обосновавшись в южной части Палестины... Давид объединил под своей властью Израиль и Иудею.

[1] Имя Давид означает «возлюбленный».

Опираясь на военные силы объединенного государства, Давид повел упорную борьбу с филистимлянами. Решающая битва произошла около филистимского города Гат. Этот город был завоеван Давидом, и филистимляне были изгнаны из израильской страны»[1].

Первостепенной задачей царя было укрепление и развитие регулярного войска. Сначала, так же как и Саулу, Давиду удалось набрать собственный отряд верных ему воинов-профессионалов, своеобразную гвардию. Впоследствии в этом подразделении появился иностранный контингент наемных воинов: хелефеи, фелефеи (2 Цар. 8, 18) и шестьсот филистимлян из города Геф под командованием Еффея (2 Цар. 15, 18). Эта армия обеспечила Давиду ряд удачных военных кампаний, так как армии окружавших народов в основе своей были ополченческими и не могли противостоять профессионалам. Филистимляне теперь оказались в подчиненном от Израиля положении, и их территории сократились до пределов земель, примыкавших к трем прибрежным городам: Газа, Аскалон и Азот. Земли моавитян, аммонитян, идумеев и арамеев вошли в состав государства царя Давида, территория которого, по сравнению с территорией подконтрольной Саулу, увеличилась более чем в три раза.

Арамеи в XI в. до Р. Х. захватили верховья Евфрата и серьезно угрожали Ассирии, возможный разгром которой был предотвращен победами Давида над арамейским царем Адраазаром. Об этом свидетельствуют ассирийские источники — надписи времен ассирийского царя Ашшур-раби II, современника Давида[2]. Это обстоятельство указывает на силу армии Давида, в результате деятельности которого «Израиль стал самым сильным из всех небольших государств на пространстве между Евфратом и Египтом»[3]. О военных кампаниях Давида говорится во Второй книге Царств, особенно в восьмой ее главе.

[1] *Авдиев В. И.* Указ. соч. С. 336–337.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 160–161.
[3] Там же. С. 160.

Внешняя политика царя Давида, однако, не носила исключительно завоевательного характера. Например, он «приобрел дружбу своего соседа Хирама, царя могущественного и богатого Тира. Хирам был полезен Давиду особенно при благоустроении его новой столицы, так как посылал ему „кедровые деревья, плотников и каменщиков“ для возведения дворца и необходимых государственных построек. Да и вообще эта дружба была в высшей степени выгодна для обоих народов, из которых один (израильский) был по преимуществу земледельческий, а другой — торгово-промышленный, и потому со взаимной выгодой могли меняться произведениями своего труда»[1].

Государственное строительство при Давиде приобрело системный характер. «Недавно представленные данные свидетельствуют о том, что Давид мог использовать египетскую систему правления в качестве модели при создании собственного государства. Существует два списка сановников Давида (2 Цар. 8, 16–18; 20, 23–26), вероятно, относящихся к различным периодам его правления. Особый интерес представляют должности „дееписателя“ и „писца“. Функции „дееписателя“ состояли в основном в ведении архивов и хроник, однако, судя по контексту, данная позиция была гораздо более важной. Используемое в тексте еврейское слово является точным эквивалентом титула египетского царского вестника, управляющего всеми дворовыми церемониями и являвшегося посредником между царем, сановниками и народом.

Должность „писца“ также соответствует аналогичной египетской должности. Писец занимался как внутренней, так и внешней перепиской, а также выполнял обязанности личного и государственного секретаря. Переписчики, очевидно, не знали, как звучало имя писца Давида, вследствие чего оно явно было искажено (Суса — Sheva, 2 Цар. 20, 25). Вероятно, писца звали Шоша или Шиша. В любом случае это имя было египетским. Кажется вполне возможным, что Давид пригласил на эту должность именно египтянина... Со вре-

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 233.

мен Соломона мы находим при каждом дворе сановника, титул которого звучит как „начальник над домом царским“ или „начальник дворца“ (3 Цар. 4, 6; 18,3; 4 Цар.18, 18). Эта должность соответствует египетскому визирю или первому вельможе — должности, которую некогда занимал и Иосиф (Быт. 41, 40)... Каждое утро он представал перед царем, отчитывался... и получал от него наставления. После посещения хранителя казны он открывал двери дворца (и соответственно различных государственных учреждений), с чего и начинался его рабочий день. Все важные документы скреплялись его печатью. Он руководил всеми имевшимися службами, занимавшимися отправлением правосудия, организацией общественных работ, финансами, армией и т. д. В Израиле, как и в Египте, первый вельможа носил особые одеяния, правил вместо царя при отсутствии или болезни последнего, а в одном месте даже назван „отцом“ народа (Ис. 22, 31)»[1].

При дворе царя были учреждены также должности высшего военного чиновника («начальника всех войск израильских»), начальника военных наемников, начальника службы сбора государственных податей, придворных священников (2 Цар. 20, 23–26).

Укрепив стены Иерусалима и построив царский дворец при помощи финикийских рабочих, Давид решил перенести сюда и главную религиозную святыню — Ковчег Завета. Со времени возвращения Ковчега из филистимского плена он располагался в Кириафиариме. Ковчег на своих плечах переносили первосвященники. Через каждые шесть шагов, на седьмом, совершалось жертвоприношение. Шествие сопровождалось пением, музыкой и танцами. «Сам Давид, одетый в простой священнический льняной ефод, увлеченный чувством религиозного восторга „скакал изо всей силы пред Господом“, изливая свою восторженность в дивных псалмах, смешивавшихся с песнями левитов, радостными криками народа и торжественными звуками труб, кимвалов и арф. На горе Сион для Ковчега была приготовлена новая скиния... Вечною памятью

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 161–164.

об этом великом событии остались те псалмы, которые составлены были Давидом по случаю великого торжества. При самом поднятии Ковчега для перенесения его в Иерусалим... пелся псалом 67, начинающийся словами: „Да восстанет Бог и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его“. При вступлении Ковчега в крепость Сионскую пелся псалом 23, в котором на самый момент вступления указывает восторженное обращение к вратам крепости: „Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вечные, и войдет Царь славы!“ ... „Кто сей Царь славы?“ — спрашивает в этом псалме один хор, а другой торжественно отвечает: „Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани“. „Кто сей Царь славы? — Господь сил, Он есть Царь славы!“»[1]

Вернувшись во дворец, ликующий царь был встречен холодным укором одной из своих жен, Мелхолы, дочери Саула, которую он вернул себе силой, став царем. Мелхола высказала упрек Давиду в том, что тот, в простом вретище, почти обнаженный, без царских одежд появившись перед народом, вместе с рабами своими скакал как безумный перед Ковчегом и так вошел в столицу. Давид же ответил Мелхоле: *«Пред Господом играть и плясать буду. И еще больше унижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих (пред Господом)»* (2 Цар. 6, 21–22). Он тут же выразил свое желание предпочесть религиозную восторженность последних служанок гордому высокомерию царицы. С тех пор царь не прикасался к царице Мелхоле «и у Мелхолы, дочери Сауловой, не было (больше) детей до дня смерти ее» (2 Цар. 6, 23). Так Давид, будучи царем могущественного государства, смирял себя перед Богом и в одном из псалмов, пел: «Я же червь, а не человек...» (Пс. 21, 7).

Перенесение Кивота Завета в Иерусалим сделало этот город не только государственной, но и религиозной столицей Израиля, возвращая ему славу священного города, бывшую с ним в дни царя и священника Господня Мелхиседека и почивающую на нем до сей поры. Давид задумал также строи-

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 234.

тельство грандиозного каменного храма, посвященного Богу, и начал приготовления. Но честь стать строителем храма была отдана Богом сыну Давида Соломону.

Однако вместе с ростом могущества Давидова царства возрос и разлад в его собственном семействе, сказавшийся на обстоятельствах жизни государства. Этот разлад был спровоцирован самим Давидом и заключался в том, что царь не сумел устоять перед искушением роскошью быта и возможностью иметь многих жен и наложниц, забыв о запрещении «умножать себе жен», которое установил для будущих монархов Моисей, умудренный Богом (Втор. 17, 17). Уже в Хевроне Давид имел семь жен и десять наложниц, а затем умножил это число. Грех прелюбодеяния, прочно вошедший в обычай падшего человечества и реализовывавшийся через многоженство и наложничество, не смог превозмочь даже такой сильный и любящий Бога человек, как Давид.

Именно эта страсть привела Давида к еще более страшному падению. Однажды он увидел молодую женщину, к которой возгорелся плотским желанием, и приказал выяснить, кто она. Женщина оказалась внучкой царского советника Ахитофела и женой одного из выдающихся военачальников — Урии Хеттеянина — Вирсавией. А. П. Лопухин утверждает, что этого было достаточно для того, чтобы даже языческому деспоту подавить свою страсть[1]. Но Давид не захотел превозмочь ее и овладел Вирсавией, посягнув на честь ее мужа и всего ее рода. Вирсавия забеременела, и царь, желая скрыть свой грех и позор от людей, сначала вызвал ее мужа, сражавшегося в это время с аммонитянами, домой, дабы все думали, что от него законно зачат ребенок. Но потом повторил то, что с ним самим пытался сделать Саул: царь приказал поставить Урию на такой участок битвы, чтобы тот непременно погиб. Через некоторое время пришло известие о гибели Урии, и Давид взял Вирсавию себе в жены (2 Цар. 11).

Когда у Вирсавии родился сын, к Давиду пришел пророк Нафан и обратился к царю со своей знаменитой речью.

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 239.

Он рассказал следующую притчу: «В одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный. У богатого было очень много мелкого и крупного скота. А у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его ела она, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него как дочь. Пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить обед... а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему». Давид сильно разгневался и воскликнул: «Жив Господь! Достоин смерти человек, сделавший это». Тогда сказал Нафан Давиду: «Ты — тот человек. Так говорит Господь, Бог Израилев: Я помазал тебя в царя над Израилем и Я избавил тебя от руки Саула... и дал тебе дом Израилев и Иудин, и, если этого для тебя мало, прибавил бы еще больше. Зачем же ты пренебрег слово Господа, сделав злое пред очами Его? Урию Хеттеянина ты поразил мечом, а жену его взял себе в жены, а его ты убил мечом аммонитян... Вот Я воздвигну на тебя зло из дома твоего, и возьму жен твоих пред глазами твоими, и отдам ближнему твоему, и будет он спать с женами твоими пред этим солнцем. Ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем». После этой обличительной речи пророка царь Давид исповедал свой грех, и душа его пришла в покаяние. «Господь снял с тебя грех твой, ты не умрешь, — отвечал ему Нафан, — но как ты этим делом подал повод врагам Господа хулить Его, то умрет родившийся у тебя сын» (2 Цар. 12, 1–15).

Давид действительно каялся от всей души и оплакивал свой грех. Именно в это время из сердца его родился известный покаянный Пятидесятый псалом (Пс. 50), о котором мы упоминали в главе «Каин и Авель. Культура древних людей: земледелие, скотоводство, религия». Псалом этот содержит следующие слова: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Еще более омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня, ибо беззаконие мое я осознаю, и грех мой постоянно находится передо мною. Тебе единому я согрешил

и лукавое сотворил пред очами Твоими, так что Ты справедлив в приговоре Твоем и чист в суде Твоем... Отврати лицо Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои. Сердце чистое созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвергни меня от Твоего лица, и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычным утверди меня... Господи! Отверзи уста мои, чтобы они возвестили хвалу Тебе, ибо... жертвой Богу является сокрушенный дух, ибо сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит...»

Покаяние это было услышано Богом, и Давид был возвращен в число праведников. Но то зло, которое посеял Давид в своей семье, дало всходы в свое время. Было у Давида множество сыновей и дочерей от разных жен и наложниц, которые признавали отца, но осознавали разницу между своими матерями. Сын Давида Амнон возгорелся страстью к своей сестре, рожденной не его матерью, к дочери Давида Фамари, и соблазнив, взял ее силой. Затем он не пожелал просить ее у отца себе в жены, но с ненавистью прогнал. Через два года брат Фамари по отцу и по матери, Авессалом, прятавший сестру в своем доме и защищавший ее от позора все это время, убил Амнона, отомстив тем самым за ее бесчестие. Убив брата, Авессалом бежал от гнева отца и жил три года у Емиуда, царя Гессурского. Давид не стал мстить сыну за сына, но все же не хотел видеть Авессалома при себе.

Проживая в Сирии у Емиуда, Авессалом возгорелся желанием сам царствовать в Иерусалиме. Давид по ходатайству своего военачальника Иоава, сочувствовавшего Авессалому, через три года возвратил того из изгнания и простил. Авессалом же стал постепенно осуществлять план переворота, находя себе единомышленников в различных коленах. Однажды, на сороковом году царствования Давида, Авессалом, испросив разрешения у отца, отправился в Хеврон якобы для принесения жертвы Господу. Там он объявил себя царем и, созвав своих сторонников, организовал мятежное войско. Он призвал к себе весьма уважаемого Давидова советника Ахитофела. И тот, памятуя о бесчестии, нанесенном Давидом его роду через позорную связь с его внучкой Вирсавией, пришел и встал на сторону мятежа.

Сила и все обстоятельства мятежа оказались столь серьезны, что Давиду и верным ему людям пришлось вновь прятаться в гористой пустыне. Авессалом и его люди заняли Иерусалим. Сам же Авессалом, по совету Ахитофела, совершил с женами и наложницами Давида то же, что некогда и сам Давид соделал с внучкой Ахитофела. Собрав их в один шатер среди дня перед всем народом, Авессалом обесчестил их, осквернив ложе отца. Совершилось то, о чем предрекал пророк Нафан.

Весьма красноречивой характеристикой внутреннего мира Давида явился следующий эпизод. «Когда дошел царь Давид до Бахурима, вышел... человек из рода Саулова, по имени Семей, сын Геры. Он шел и злословил, и бросал камнями на Давида... Так говорил Семей... уходи, уходи, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова... и вот ты в беде... И сказал Авесса, сын Саруин, царю: зачем злословил этот мертвый пес господина моего, царя? Пойду я и сниму с него голову. И сказал царь: пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида... И сказал Давид Авессе и всем слугам своим: вот, если мой сын, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын вениамитянина. Оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему. Может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостию за теперешнее его злословие» (2 Цар. 16, 5–13).

И действительно, Бог устроил так, что враги Давида погибли в крупном сражении, состоявшемся в лесу Ефремовом. Среди двадцати тысяч убитых мятежников оказался и сам Авессалом, несмотря на приказ царя не убивать его сына. И плакал Давид, крича: «Сын мой, Авессалом! Сын мой, сын мой, Авессалом! О, кто бы дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой!» (2 Цар. 18, 33).

Рассмотрение истории мятежа, нестроений дома Давидова и связанных с ними народных бедствий приводит к выводу о том, что причины их проистекали от грехов самого царя — многоженства и невоздержания плотской страсти.

Воцарившись вновь и отразив очередные набеги воинственных соседей, Давид, взирая на могущество государства, достигнутое при нем, не сумел заметить, как самонадеянная гордость родилась в его сердце. Он приказал сосчитать население страны, пригодное к участию в войне. Всего способных держать в руках оружие оказалось миллион триста тысяч человек (2 Цар. 24, 3–4). Ради каких планов это производилось? Не ради ли новых завоеваний, о которых молчал Бог, но думал сам Давид? На вопрос своего военачальника Иоава, для чего царь желает это сделать, ответа не последовало, и Иоав исполнил приказ об исчислении народа. Но, видимо, Бог усмотрел неблагие побуждения в деянии царя и в день, когда известили ему о результатах исчисления, сердце Давида почувствовало Божию скорбь, и Давид воскликнул: «Тяжко согрешил я, поступив так, и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего, ибо крайне неразумно поступил я». На другой день явился к царю пророк Гад и возвестил, что тот может избрать: быть ли голоду семь лет в стране или три месяца скрываться ему от врагов его, или три дня быть моровой язве. Давид избрал язву, смиренно приняв это наказание и сказав: «Тяжело мне очень, но пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его, только бы в руки человеческие не впасть мне». Когда от язвы в течение этих дней погибло семьдесят тысяч человек, и опасность угрожала столице, Давид взмолился: «Вот, я (пастырь) согрешил, я поступил беззаконно. Но эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего» (2 Цар. 24, 10–17). И вот тогда, когда сердце Давида, видевшего, как страдает народ за его грех, действительно принесло плод покаяния, *выразившийся в готовности царя пострадать вместо своего народа*, тогда мор быстро прекратился.

Свои преклонные годы царь Давид посвятил подготовке строительства храма. Этим он намеревался выразить свою веру и благодарение Богу, не оставлявшему его в дни жизни его.

Само ветхозаветное повествование о царе Давиде наполнено дыханием реализма. Это не мифический образ с неизменно и однобоко присущими таковому добродетелями или наоборот злонравием. Это живой человек, сын своего времени и сын своего народа, пораженный многими греховными недостатками. Но это лучший сын, стремившийся всеми силами изжить в себе и в своем народе эти недостатки, вступивший в тяжелую борьбу с грехом. История Давида насыщена реалистическим, глубоким психологизмом. Она не стремится скрыть недостатки и превознести добродетели. Если бы было так, то это повествование не стоило бы той великой цены, какую оно приобрело. Русский народ своим христианским чутьем уловил родственный дух в Давиде, и Давид сделался одним из любимых героев для русского народа. В его честь сложены песни, его псалмы сами стали любимыми народными песнями, о нем повествуют народные сказания, героями которых наряду с Соломоном Премудрым, Ильей Муромцем, князем Владимиром Красно Солнышко стал и Давид Псалмопевец. И это не случайно. Сам русский народ, подобно царю Давиду, впадал в искушения и отступал от Бога, повергаясь в бездну греха, братоубийства, буйства, разврата, жизни по законам мира сего против духа Закона Божия. Но, подобно Давиду, не был наш народ оставлен Богом, но бывал наказан и вразумляем Им и находил в себе силы вновь восставать к покаянию и праведному житию, получая в том избавление от бед и напастей. Слова А. П. Лопухина, характеризующие личность царя Давида, вместе с тем являются и точной характеристикой души русского народа: «Давид есть величайший образец нравственно доброго и одушевленного возвышенными чувствами человека, который всеми силами стремится к добру и мужественно борется с одолевающими его искушениями. В этой борьбе он может падать и падать глубоко, но он никогда не оставит этой борьбы и после всякого падения — со слезами и сокрушением вновь начнет эту нескончаемую, ожесточенную борьбу и в конце концов восторжествует в ней „над всеми темными силами зла“»[1].

[1] *Лопухин А. П.* Указ.соч. С. 250.

3. Царствование Соломона (1020 (1016)–980 гг. до Р. Х.)

Достигнув преклонных лет, царь Давид покинул этот мир, завещав престол одному из своих сыновей — Соломону, сыну Вирсавии. В связи с указанными выше неприятными обстоятельствами внутри царской семьи Давид вынужден был спешить и всенародно помазать Соломона на царство еще при своей жизни, дабы предотвратить весьма реальную угрозу раздоров между сыновьями и раскола в обществе (3 Цар. 1, 11–53).

Соломон был юн. На царский трон он взошел восемнадцати лет от роду. Но юный царь обладал даром мудрости. Первой и главной заботой на начальном этапе правления было устранение всякой опасности переворота или бунта. Следуя наставлениям своего отца, которые тот дал ему незадолго до кончины, Соломон сумел быстро справиться с этой задачей и расставить на ключевые позиции в государстве людей, преданных его отцу и послушных ему самому.

Соломон вступил на царство при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах. Судя по сведениям археологических источников, Египет поддерживал тесные связи с Ханааном на протяжении второго тысячелетия до Р. Х. На период примерно с 1550 по 1150 гг. до Р. Х. приходится основная часть походов фараонов в Ханаан и раздел сфер влияния на Ближнем Востоке между Египтом и Хеттским царством. В это время Ханаан представлял собой ряд крошечных государств, платившихъ дань Египту. В дальнейшем в связи с кризисом на Ближнем Востоке, вызванным причинами, являющимися предметом научных споров, Египет потерял возможность активно вмешиваться в дела Восточного Средиземноморья. Возможно, что этот кризис стал последствием появления и активных действий народов моря (эгейских народов, в том числе и филистимлян), создавших своим вторжением серьезную угрозу Египту. Образовавшийся политический вакуум, как пишет Дж. Э. Райт, способствовал формированию в Ханаане новых самостоятельных государств, в том числе Израиля, Моава, Амона, Едома. Египетские источники эпохи Давида и Соломона почти ничего не сообщают об отношениях между Египтом и Ханааном[1]. И хотя отношение египетских владык к царству Соломона нельзя было назвать дружелюбным, а случаи предоставления убежища политическим противникам Соломона подтверждают это (3 Цар.11, 14–22; 40), так же как и то, что после смерти Соломона Египет своим вмешательством во внутреннюю политику Израиля способствовал расколу страны, а затем перешел к прямой агрессии, все же археологические находки свидетельствуют об упадке, переживаемом Египетским государством с 1150 г. до Р. Х. В 1100–900 гг. до Р. Х., когда складывалось Израильское царство, в Египте правила «слабая и бесславная 21-я династия»[2].

В то же самое время Ассирия переживала стадию военного и общего упадка[3]. Длительные и упорные войны ассирийских царей со всеми соседними народами, особенно с Вавилоном, ослабили силы страны, что привело Ассирию к временному подчинению власти Вавилона. Восстановление былой мощи Ассирии при царе Тиглатпаласаре I, совершившем ряд успешных походов в Сирию и Вавилонию, оказалось лишь временным успехом. После его смерти Ассирия быстро клонилась к упадку, не имея достаточных сил противостоять даже набегам арамейских племен. Сохранилось мало письменных памятников, относящихся к этому периоду истории Ассирии[4].

Так как в наследство Соломону досталось сильное и обширное государство, то его внутренняя политика заключалась в укреплении этого государства, его аппарата и армии. Академик В. В. Струве писал: «Если Давида можно назвать собирателем государства, то Соломон был его организатором»[5]. Была произведена попытка исключить прежнее племенное территориальное деление и перейти к делению на округа, тем более что весьма значительный прирост территорий был осуществлен за счет завоеванных земель, не входивших в со-

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 178.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 178.
[3] Там же.
[4] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 361–362.
[5] *Струве В.В.* Указ.соч. С. 287.

став Израиля или Иудеи. Во главе округов были поставлены государственные чиновники, основной задачей которых был сбор податей с населения. В. В. Струве указывал: «В борьбе с остатками родового строя Соломон разделил свое царство на двенадцать административных округов, не считаясь с этническим делением. Во главе каждого округа стоял наместник царя, основной обязанностью которого был сбор податей. Была установлена податная система, известная нам уже во времена Шульги в Шумере: каждая из этих двенадцати областей ежегодно в течение одного месяца должна была нести расходы по управлению государством. Над наместниками стоял особый начальник; наряду с ним при дворе имелся главный сборщик податей. Царь окружил себя всевозможными чиновниками, писцами, придворными; появились докладчики, „друзья царя“ и другие сановники»[1]. Была реорганизована и усилена армия, которую пополнили регулярные отряды конницы и колесниц.

Профессор археологии Олбрайт в работе «Археология Палестины» отметил: «Эпоха Соломона была периодом наивысшего расцвета в истории Палестины... археология убедительно подтвердила сведения, сообщаемые Священным Писанием»[2]. Н. Василиадис писал: «Царь Давид завещал своему сыну поистине огромное царство. В Священном Писании сказано: Соломон был главой, государем и правителем всех тех государств, пределом которых на востоке была река Евфрат, на западе — земли филистимлян, а на юго-западе — Египет (2 Пар. 9, 26). Цари и правители этих государств доставляли Соломону дары, были его данниками и пожизненно зависели от него (3 Цар. 5, 1; 2 Пар. 9, 26). ... Ветхий Завет сообщает нам, что Соломон построил города-крепости и городские стены Ассора, Мегиддо, Газера и Иерусалима (3 Цар. 9, 15–19; 10, 26). Действительно, последовавшие за раскопками исследования показали, что ворота городов-крепостей, особо сконструированные и прекрасно выполненные в городах

[1] *Струве В.В.* Указ.соч. С. 288.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 165.

Ассоре, Мегиддо и Газере, относятся к периоду царствования Соломона. Кроме того, в результате раскопок в Мегиддо (современный Телль-эль-Мутезеллим) был обнаружен интересный образчик одной из военных баз Соломона. Эти базы располагались в стратегически важных пунктах. Эти города были „колесничными городами“, т. е. местами расположения боевых колесниц. Там же проводилось обучение всадников (3 Цар. 4, 26; 10, 26–29 и др.). Раскопки были начаты Германским обществом Востока (1903–1905) при Чикагском университете. Район, в котором предстояло произвести раскопки, был обширным, поэтому они продолжались более двадцати лет. Работы возглавляли последовательно Кларенс Фишер, П. Л. О. Гай и Гордон Лауд.

В 1928 г. Гай обнаружил в этом районе руины, имеющие большое значение. Эта находка в четвертом слое относится к эпохе Соломона. Верхний уровень слоя почти полностью состоял из общественных зданий, в одной пятой части которых располагались две группы конюшен на 450 лошадей и навесы на 150 повозок. Находки показали, что жилой район находился вне стен, а внутри была только крепость. Схожие группы конюшен были обнаружены в Фаанахе, Ассоре, Телль-эль-Эзы (аиалоне) и Газере...

В третьей книге Царств... говорится о соломоновых „городах для запасов“, „городах для колесниц“ и „городах для конницы“...

Так или иначе, археология подтверждает засвидетельствованное в Ветхом Завете: 1) Соломон с помощью финикийцев построил и укрепил в стратегически важных пунктах Палестины города для колесниц; 2) он использовал города преимущественно в качестве продовольственных складов и стоянок для колесниц, конников и лошадей»[1].

Внешняя политика сильного Израильского государства, со всех сторон окруженного крепостями и военными гарнизонами, не была агрессивной. Соломон при помощи прекрасно оснащенной, хорошо организованной и многочисленной армии

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 165–172.

сумел обеспечить на время своего царствования стабильный мир на Ближнем Востоке под своим протекторатом. Никто из правителей окружающих государств не смел нарушить этот мир, способствовавший внутреннему благоустройству царства за счет, во-первых, привлечения в большом количестве потомком хананеев на государственные оброчные работы; во-вторых, найма высококвалифицированных и известных по всему тогдашнему «цивилизованному миру» финикийских инженеров, мастеров-каменотесов, резчиков и т. д.; в-третьих, богатых даней, собираемых с покоренных государств, предоставлявших драгоценные металлы, медь, строительный камень и строительный лес, слоновую кость и т. д.

Союз с финикийскими городами, особенно с царем Тира Хирамом, способствовал активному включению Израиля в процесс мировой торговли. Хирам подарил Соломону флот, для которого тот построил порт в Ецион-Гавере на побережье Красного моря. Финикийские моряки, лучшие в те времена, сформировали морские команды из числа подданных Соломона (3 Цар. 9, 26–27). Как утверждают исследователи, это предприятие было выгодно обеим сторонам. Израиль приобретал флот и опытных в морской торговле капитанов корабельных команд. Финикийцы же могли, не беспокоясь за свое господство в Средиземном море, так как Соломон не имел хорошего порта на средиземноморском побережье, через торговлю с Израилем получать ранее малодоступные для них товары с аравийского побережья, которые они перепродавали в Средиземноморье[1].

О строительстве морского торгового порта в Ецион-Гавере известно также из финикийских источников, в которых упоминаются имена командующих израильскими кораблями финикийских капитанов: Кедар, Иамин и Котил[2]. Порт был прекрасно оснащен и укреплен. Отправляясь в плавание, корабли достигали Фарсиса и Офира (Софиры) (3 Цар. 9, 28; 10, 22). Местонахождение Офира является спорным, чаще всего его отождествляют с Йеменом (Южная Аравия), но есть

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 176–177.
[2] Там же. С. 178.

предположения, что он мог находиться в Восточной Африке или даже Индии. Вместе с тем известно, что Офир служил источником пополнения золотых запасов. Об этом сообщают не только Священное Писание, но также и археологические находки. На черепке, найденном в Телль-Казилехе, имеется надпись: «Золото из Офира в Бефорон, 30 сиклей».

Вся имевшая место торговля стран Ближнего Востока с Эфиопией и Аравией осуществлялась исключительно через Израильское царство и под контролем Соломона[1].

Несмотря на сложности в отношениях с Египтом, возможно, что Соломон все же совершил попытку установить союзные с ним отношения. Однако об этом говорит единственный исторический источник — библейское указание на то, что Соломон заключил династический брак, взяв в жены дочь египетского царя XXI династии, приданым которой послужил город Гезер (3 Цар. 3, 1)[2].

О силе и могуществе Израильского царства в эпоху Соломона красноречивее всех прочих многочисленных построек (крепостей, роскошных дворцов и правительственных зданий), по которым обычно судят о возможностях государства, говорит храм, построенный Соломоном в Иерусалиме и посвященный Единому Богу.

В истории строительства храма впечатляет все от начала до конца. Со всей страны были собраны 153 600 иноплеменников, использовавшихся в качестве рабочих. 80 000 из них были посланы в горы для тесания огромных камней под обширный фундамент храма, 70 000 перевозили их в Иерусалим, 3 600 служили в качестве надзирателей. Кроме того, Соломон обложил повинностью самих израильтян, которые были обязаны поставить 30 000 человек для работы в Ливанских предгорьях совместно с финикийцами, где заготовлялись кедровые и кипарисовые брусья.

В соответствии с соглашением между Соломоном и Хирамом, последний обязывался предоставлять возможность заготовки

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 180.
[2] *Авдиев В. И.* Указ соч. С. 338.

кедровых брусьев в Ливане, а первый должен был ежегодно поставлять во дворец Хирама условленное количество пшеницы и оливкового масла. Заготовленный лес финикийцы сплавляли морем до Яффы, откуда израильтяне организовали его переправку в Иерусалим (3 Цар. 5, 1–18).

Кроме того, финикийский царь предоставил в распоряжение Соломона своего главного архитектора, который носил то же имя, что и он сам — Хирам. Отец его был известным финикийским художником, а мать — израильтянкой из колена Данова.

В наследство от Давида для оснащения и украшения будущего храма Соломону достались 100 000 талантов золота и 100 000 талантов серебра, железа и меди столько, что учесть их огромное количество было трудно. Давид приобрел и само место под храм, выкупив его за 600 сиклей золота. Это было место на той горе, где Авраам приносил в жертву своего сына Исаака и которая получила название — гора Мориа (т. е. «видение»). Именно здесь Давид видел, как Ангел, карающий народ моровой язвой, был остановлен перед Иерусалимом по покаянной молитве царя.

Подготовительные работы были выполнены настолько безупречно, что само возведение храма, на которое ушло семь с половиной лет, производилось без всякой спешки, в полной благоговейной тишине без единого удара молота, так как камни, брусы и доски были заранее прекрасно подогнаны друг под друга.

Храм имел обширную и благоустроенную площадь, разделенную стенами на внутренний двор для верных (израильтян) и внешний двор для язычников, готовящихся к обрезанию, т. е. принятию веры в Единого Бога. Собственно храм (или святилище) был сравнительно небольшим и устроен по образцу Скинии Завета, но его размеры превосходили размеры Скинии. Длина собственно храма равнялась 60 локтям (30 м), ширина — 20 локтям (10 м), высота — 30 локтям (15 м). Собственно храм состоял из трех частей: притвора, святилища и Святого святых. Христианские храмы, также созданные по образцу Скинии, соответствуют структуре Иерусалимского храма: притвор, центральная (средняя) часть, алтарь. Однако если в святилище Иерусалимского храма допускалось вхождение

только священнослужителей, а в Святое святых, где находился Ковчег Завета, только первосвященников, тогда как народ во время молитвы находился во внутреннем храмовом дворе, то центральная часть христианского храма предназначена для молящегося народа, а в алтарь благословлен вход не только епископов, но и других священнослужителей, а также специальных церковнослужителей (алтарников, чтецов, пономарей и пр.). Это различие связано с христианским представлением о символическом значении ветхозаветного и новозаветного храма. Ветхозаветный (Иерусалимский) храм служил образом Царствия Небесного, закрытого для вхождения в него представителей падшего человечества. Только с пришествием Спасителя — воплотившегося (вочеловечившегося) Бога, пострадавшего, сошедшего в ад, разрушившего его власть, воскресшего, своею смертью победившего смерть и открывшего для людей врата рая, сам образ Царства Небесного — храм стал в традиции Нового Завета доступен для вхождения в него всего верующего народа.

Стены Иерусалимского храма снаружи были отделаны белым мрамором, а внутри стены и потолок были обшиты кедровым деревом с резными изображениями херувимов, пальм, плодов и цветов. Пол был покрыт кипарисовым деревом. Все деревянные поверхности, т. е. вся поверхность внутренних площадей, были покрыты золотом (3 Цар. 6, 22). Дверь из оливкового дерева, также украшенная изображениями херувимов, пальм, цветов, обложенных золотом, являлась входом в Святое святых. Перед этим входом висела завеса из многоцветной ткани, подобная завесе Скинии. На завесе были вышиты крупные изображения херувимов (2 Пар. 3, 14). Эта завеса явилась прообразом алтарной преграды (иконостаса) христианского храма. Перед входом в притвор снаружи находились два столба, каждый из которых имел 9 м высоты и носил свое имя: Иахин и Воаз. Капители столбов были украшены рельефами в виде гранатов, лозы и лилий.

К боковым и задней стенам собственно храма примыкали трехэтажные пристройки с комнатами, служившими хранилищами богослужебных принадлежностей и запасов.

Вся территория храма имела ступенчатую форму в виде террас, расположенных на вершине горы (холма) Мориа. На самой высокой точке находился сам храм. Ниже — внутренний двор размером примерно 100 × 50 м, отделенный от внешнего двора строениями с помещениями и портиками для различных нужд (4 Цар. 23, 11; Иер. 35, 2–4; 36,10). Еще ниже располагался внешний двор, который, вероятно, был вдвое больше внутреннего и имел площадь 200 × 100 м[1].

В Святом святых ковчег Завета был поставлен между скульптурными изображениями херувимов, которые имели 5 м в высоту и были выполнены из оливкового дерева, обложенного золотом. Крылья обоих херувимов соединялись над Ковчегом, как бы покрывая его. Лица херувимов были обращены к ковчегу.

В святилище находились малый жертвенник для воскурения фимиама, сделанный из кедра, покрытого золотом, десять пятилампадных золотых светильников и стол для хлебов предложения.

На внутреннем дворе стоял великий медный жертвенник всесожжения, имевший 5 м в высоту (2 Пар. 4, 1), с принадлежностями (тазами, лопатками, чашами, вилками (3 Цар. 7, 40; 45, 45; 2 Пар. 4, 11–16)). Здесь же находилась большая медная емкость (3 Цар. 7, 23 и далее; 2 Пар. 4, 2 и далее), стоявшая на двенадцати медных волах, служившая для омовения жертвы (3 Цар. 7, 27; и далее; 2 Пар. 4, 6) и именовавшаяся «медным морем». Общий вес «медного моря», исходя из его размеров (2,3 м высота, 70 см толщина стенок, 4,6 м диаметр), должен был равняться примерно 25–30 тоннам (3 Цар. 7, 23 и далее).

Когда храм был построен, его освятили великолепным торжественным жертвоприношением. Во внутреннем дворе храма, который был превращен в огромный жертвенник, во всесожжение были принесены 22 тыс. волов и 120 тыс. овец (3 Цар. 8, 64; 2 Пар. 7, 7–15). В это время царь молился, находясь на медном возвышении (3 Цар. 8; 2 Пар. 6). После его молитвы, как говорится в Священном Писании: «Сошел огонь

[1] *Нюстрэм Э.* Указ. соч. С. 481.

с неба и поглотил всесожжение и жертвы, и слава Господня наполнила дом... И все сыны Израилевы, видя, как сошел огонь и слава Господня на дом (храм), пали лицом на землю, на помост, и поклонились, и славословили Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его» (2 Пар.7, 1–3).

В связи с тем, что на месте разрушенного Иерусалимского храма в настоящее время находится мечеть Омара, одна из святынь мусульман, на нем невозможно производить археологические изыскания. Однако исследование современных храму Соломона восточных языческих храмов могут дать нам достаточно точное представление и о самом храме Соломона. С Иерусалимским храмом по своей структуре особенно схож храм в Телль-Тайнате, значительно, однако, уступающий ему по своим размерам.[1] Дж. Э. Райт писал: «Трехчастная схема Храма с расположением всех трех компонентов на единой длинной оси известна в Палестине с конца среднего бронзового века и может считаться традиционной для хананейской, а далее и финикийской храмовой архитектуры. А. Мазар, давший предельно четкое описание Храма на основании исчерпывающего анализа библейского текста (*Mazar A.* Archaeology of the Land of Bible, 10000–586 B.C. E. Cambridge, 1990. P. 375–378), подчеркивает преемственность строительных традиций, отмечая, что даже толщина стен Соломонова Храма была та же, что и у храма среднего бронзового века в Сихеме. По общим же размерам Храм превышает известные образцы как хананейской, так и финикийской архитектуры... А. Мазар указывает на безусловные прототипы Соломонова Храма в среднем бронзовом веке Эблы, Мегиддо, Сихема и на сохранение того же плана в последующий период, что документируется храмом III в. до Р. Х. в Телль-Тайнате (Сирия). Он же указывает на то, что, согласно библейскому описанию, при строительстве Соломонова Храма, как и при строительстве хананейских и филистимских храмов (Лахиш и Телль-Квазиль), широко применялось привозное кедровое дерево. Весьма выразителен тот факт, что специфический финикий-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 147; *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 193.

ский стиль кладки был распространен в Палестине и в последующие за царствованием Соломона периоды — от наиболее ранних построек Самарии (IX в. до Р. Х.) до наиболее поздних (VI в до Р. Х.) стен Рамат-Рахели — дворцового комплекса вблизи Иерусалима...

Две орнаментированные медные колонны, стоявшие у фасада Соломонова Храма... обычно реконструируются как чисто декоративные элементы... Они очень напоминают две базы колонн в храме позднего бронзового века в Асоре. Абсолютно такие же фланирующие вход колонны с валютным завершением представлены на глиняной модели святилища из Телль-эль-Фары. Не исключено, что это маццебот, священные столбы, обиталища божественной силы. Правда, в храме в Айн-Дара в северной Сирии, который считается наиболее близким аналогом Храму Соломона, две такие... колонны явно поддерживали какую-то конструкцию.

Храм в Айн-Дара... существовал в одно время с Храмом Соломона, близок к нему по размерам и планировке и сохранился лучше, чем более поздний храм в Телль-Тайнат... По подсчетам археологов, из примерно 65 архитектурных элементов, присутствующих в описании Храма Соломона, в Айн-Дара отождествляются не менее 33. Храм в Айн-Дара заполняет хронологический пробел между храмом позднего бронзового века в Асоре (около 1500–200 гг. до Р. Х.) и храмом VIII в. до Р. Х. в Телль-Тайнат. Совершенно очевидно, что и эти храмы, и Храм Соломона представляют единую линию развития культовой архитектуры»[1].

Несмотря на то, что израильтяне перенимали внешние культурные, в данном случае архитектурные, формы у языческих народов, нельзя, однако, приписывать им языческое осмысление этих форм. Это было бы заблуждением. Осмысление израильтянами данных архитектурных форм вполне соответствовало их монотеистическому мировоззрению. В Израиле материалистической, утилитарной и «антропоморфной концепции божества был поставлен предел. Великий Господь

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 193–198.

не обладал физическими потребностями, которые могли бы удовлетворяться людьми (Пс. 49, 12–13). Вся система жертвоприношений, пусть внешне она и продолжала напоминать жертвоприношения политеистических систем, имела иную цель и иное значение. Она являлась своеобразной, угодной Богу, формой Его почитания, восхваления, благодарения, приобщения и, в особенности, искупления грехов... В содержащейся во Второзаконии молитве на освящение Храма, приписываемой Соломону, присутствует отрицание политеистического взгляда, в согласии с которым Бог может жить на земле подобно человеку. Он обитает на небесах. Храм же носит Его имя и является домом молитвы или обусловленного ею мистического сосредоточения (3 Цар. 8, 27–30) ...Основой священнической теологии являлась концепция присутствия Бога в народе. Божественное присутствие было для этого народа благословением и залогом его безопасности... Хотя Бог „обитает“ (yashabh — сидеть, обитать) на небесах, тайна его присутствия ведома и земле, поскольку он „живет“ (shakan — жить в шатре, в конкретном месте) в своем народе»[1].

Вместе с тем, что храм Соломона имел наиболее внушительные размеры среди прочих храмов Востока, он обладал и наибольшим великолепием своего убранства. Библия говорит о том, что даже царица Савская предприняла труднейшее путешествие, преодолев на верблюдах расстояние в 2224 км, чтобы лично убедиться в величии царства Соломона. Археология подтверждает факт существования во времена Соломона в Южной Аравии Савского царства, обладавшего стабильной культурой, алфавитным письмом, происходившим от древнего ханаанского письма[2].

Как уже было отмечено, источником потрясающих богатств Израильского царства служила дань, собираемая с подвластных царю городов и государств. Без учета внутренних сборов одного только золота ежегодно в царскую казну поступало 666 талантов (20–30 тыс. кг). Несмотря на то, что золото

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 204–205.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 178–180.

в те времена найти было гораздо легче и вавилонский царь писал фараону Аменхотепу III (ок. 1375 г. до Р. Х.): «Брат, золото в твоей стране словно пыль», а гробы фараонов целиком отливали из этого металла и пр.[1], все же доходы царя Соломона не имели равных в мире. С тех пор число 666 стало символизировать собой полноту материального благополучия, земного богатства и земной власти (то же самое, что и «золотой телец»). Именно поэтому в христианской символике это число приобрело значение «числа антихриста», т. е. противника Бога, противника духовных, небесных благ в угоду сребролюбию, мшелоимству, властолюбию, сквернoприбытчеству и всякой приверженности к земному, тленному, заставляющему человека забыть о Боге.

Однако для самого Соломона, к счастью, несметное материальное достояние не стало целью, не затмило истинного смысла жизни. В том числе и поэтому главной его чертой, отразившейся в народном прозвище, была мудрость.

Священное Писание повествует о событии, произошедшем вскоре после воцарения юного Соломона: «И пошел царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо там был главный жертвенник. Тысячу всесожжений вознес Соломон на том жертвеннике. В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе. И сказал Соломон: ...Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа... Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить,— вот, Я сделаю по твоему слову... И то, что ты не просил, Я даю тебе и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 172–173.

Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои... И дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум... И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян... И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять... И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его» (3 Цар. 3, 4–14; 4, 29–34).

Проявления мудрости Соломона отражены в повествовании о его суде (3 Цар. 3, 16–28), о визите царицы Савской (3 Цар. 10, 1–13), в поэтических произведениях царя, унаследовавшего от отца своего поэтический дар, и в его изречениях (Книга Притчей Соломоновых, Песнь Песней). В. И. Авдиев утверждал: «Соломон в исторических и поэтических сказаниях превратился в сказочный образ идеального царя, мудрого правителя и судьи. Ему приписывались сборники поучений, как царю Давиду приписывались облеченные в поэтическую форму псалмы... Соломону также приписывалось составление 1005 лирических произведений и 3000 изречений. Возможно, что при нем был составлен первый сборник народных эпических песен»[1].

Может быть, кто-то из скептиков будущего скажет, что народ приписал сотни поэтических произведений перу А. С. Пушкина для того, чтобы создать сказочный образ величайшего русского поэта. Но истина при этом останется независимой от их мнения. И даже если Соломон был только лишь собирателем, а не автором, то и в этом случае он явился собирателем именно *мудрости*, в чем каждый может убедиться, читая Книгу Притчей Соломоновых.

Однако поучением для многих может послужить падение такого столпа премудрости, как Соломон. А. П. Лопухин писал: «Посещение Соломона царицей Савской отмечает собою высший поворотный пункт в его царствовании... Соломону оставалось только держаться на достигнутой высоте величия и славы. Но удержать за собой это положение для него оказалось труднее, чем достигнуть его. Окружавшая его восточная

[1] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 339.

роскошь не замедлила оказать свое расслабляющее действие, и он стал падать нравственно. Первым грехом его, поведшим за собою и дальнейшее падение, был обычный грех восточных царей — многоженство. С летами в нем развилось кроме неумеренного сладострастия и особое восточное честолюбие, заставившее его превзойти всех соседних царей не только признанною за ним мудростью и богатством, но и многочисленностью своих жен. После женитьбы на дочери фараоновой Соломон стал брать себе жен из всех соседних народов: он „полюбил многих чужестранных женщин — моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок и хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: не входите к ним, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам; к ним прилепился Соломон с любовью. И было у него 700 жен и 300 наложниц; и развратили жены его сердце его“ (3 Цар. 11, 1–3). Причина этого противозаконного и гибельного увлечения заключалась не только в простом сладострастии. Оно было лишь естественным и последним выражением общего направления, к которому, видимо, клонилась вся политика Соломона. Уже раньше он во многом отступил от прямых постановлений Моисеева законодательства, например, вступлением в союз с Египтом, введением конницы и выступлением на поприще обширных торговых предприятий. Вследствие этого весь уклад жизни как царя, так и народа совершенно изменился и потерял свою первобытную патриархальность и простоту, которой должна бы отличаться жизнь избранного народа. На место их вторглись иностранные обычаи и порядки обыкновенной жизни азиатских народов с ее неумеренностью и порочностью. И многоженство было завершением такого склада жизни, закончившегося полным нравственным падением некогда мудрейшего царя»[1].

Содержащаяся в данном высказывании критика развития торговли как таковой и формирования в армии подразделений боевой конницы и колесниц вызывает сомнение, поскольку сами по себе эти занятия не противоречат духу закона

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 260–261.

Моисеева. Однако автор высказывания, несомненно, прав в том, что как царь, так и народ не устояли перед соблазном, появившимся в том числе и через торговые связи с языческими государствами и народами. Соблазн этот заключался именно в восприятии образа жизни, развращенного язычеством.

Священное Писание далее повествует: «Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской... Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам. И разгневался Господь на Соломона за то, что он уклонил сердце свое от Господа, Бога Израилева, Который два раза являлся ему и заповедал ему, чтобы он не следовал иным богам, но он не исполнил того, что заповедал ему Господь. И сказал Господь Соломону: за то, что так у тебя делается, и ты не сохранил завета Моего и уставов Моих, которые Я заповедал тебе, Я отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему. Но во дни твои Я не сделаю сего ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его. И не все царство исторгну, одно колено дам сыну твоему ради Давида, раба Моего, и ради Иерусалима, который Я избрал» (3 Цар. 11, 4–13).

Отступление от Бога, попытка служить Ему, Единому Богу Творцу, как одному из многих божеств, привела Соломона к состоянию, похожему на состояние отверженного Саула. Когда Бог через Своего пророка избрал на Израильское царство Соломонова слугу, смотрителя за сбором податей в колене Ефремовом, Иеровоама, царь воздвиг на него гонения, желая убить, чем вновь восстал на Бога и против воли Его (3 Цар. 11, 26–40). «Среди таких тревог и испытаний Соломон приближался к своей кончине. История не говорит, как повлияли на него все эти испытания и не пробудили ли они в нем искреннего сокрушения и покаяния. Но оставленные им книги и особенно книга „Екклесиаст“ дополняют историю его жизни.

В этой последней книге делается полный обзор всего опыта его жизни. Тут мы видим человека, который испытал все удовольствия жизни и до дна испил чашу земных радостей и все-таки остался неудовлетворенным и, в конце концов, должен был с грустью воскликнуть: „Суета сует, все суета, и томление духа!“ Из своего великого опыта жизни он пришел к убеждению, что истинная жизнь состоит в послушании Богу и исполнении Его святых заповедей. „Выслушаем сущность всего, заключает он свою книгу: бойся Бога, и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека“»[1].

Дальнейшая история Израиля подтвердила все, что было обещано Богом Соломону.

4. Разделение царства. Израильское и Иудейское царства и их цари в X–VI вв. до Р. Х.

Приведем цитату из «Истории Древнего Востока» В. И. Авдиева: «Объединенное Израильско-Иудейское государство не было прочным. Северная часть Палестины — Израиль — была богатым земледельческим районом, тесно связанным в экономическом и культурном отношениях с Финикией, Северной Сирией и Дамаском. Южная Палестина, заселенная главным образом иудеями, во многом сохранила древние примитивные формы скотоводческого хозяйства. Эти экономические и культурные противоречия стали проявляться уже при Соломоне. Среди израильтян назревало недовольство деятельностью Соломона, возложившего на северные области тяжелые подати. Во главе недовольных встал Иеровоам. Однако Соломон располагал достаточными силами, чтобы подавить подготовлявшееся восстание в самом начале. Иеровоам был вынужден бежать в Египет, где его радушно принял и поддержал фараон Шешонк. Египет в это время опасался усиления Израильско-Иудейского царства и стремился хотя бы отчасти

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 263.

восстановить свое прежнее влияние в Палестине и в Сирии. После смерти Соломона его преемнику Ровоаму не удалось удержать власть над Израилем. Иеровоам, опираясь на поддержку Египта, вернулся на родину, поднял восстание против Ровоама и восстановил независимое Израильское царство, царем которого он и был провозглашен. Шешонк оказал ему военную поддержку. Во главе большого войска он около 928 г. до н. э. вторгся в Палестину, одержал несколько побед над иудейскими войсками, взял и разграбил Иерусалим. Так распалось Израильско-Иудейское царство»[1].

Как же Библия повествует о разделении царства? Что послужило поводом к тому? Царь Соломон обложил население Израиля и Иудеи существенными государственными повинностями, о которых уже было сказано. После его смерти должна была состояться церемония всенародного провозглашения и помазания нового царя, сына Соломона Ровоама, которому в царском роду соперников не было. Народ обратился к Ровоаму со словами: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу... и тогда мы будем служить тебе» (3 Цар. 12, 4). Ровоам стал держать совет с приближенными отца своего и со своими друзьями. Старцы ответили ему: «Если ты на сей день будешь слугою народу сему и услужишь ему... то они будут твоими рабами на все дни». Молодые же друзья советовали: «Так скажи народу сему: мой мизинец толще чресла отца моего; итак, если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами[2]» (3 Цар. 12, 5–11). Лишившись разума, ибо так было угодно Богу, Ровоам последовал совету своих молодых товарищей и пренебрег советом старцев. Народ, возмущенный ответом царского сына, покинул Сихем, где происходило собрание старейшин колен Израилевых, оставив Ровоама, так и не провозгласив его царем. Но Ровоам, сам воцарившись в Иерусалиме,

[1] *Авдиев В. И.* Указ. соч. С. 343.

[2] «Скорпионы» — бичи из воловьей кожи с металлическими крючками на концах.

послал начальника сборщиков податей для сбора налогов с колен Израилевых, как это делалось обычно. Однако его забили камнями до смерти и призвали Иеровоама на царство в Израиле. Ровоам же остался царствовать в Иудее. Царство Израильское составили десять колен Израилевых. Царство Иудейское — два колена: Иудино и Вениаминово, самое многочисленное и самое малочисленное (3 Цар. 12, 17–19).

Вторжение войск фараона Сусакима (Шешонка) в Иудею состоялось в результате вражды между Израильским и Иудейским царствами. В. И. Авдиев указывал на 928 г. до Р. Х. как на год вторжения. Во «Всемирной истории» указан 926 г. до Р. Х.[1] Согласно мнению, закрепившемуся в западной историографии, это произошло в 918 г. до Р. Х.[2] В одном из храмов Верхнего Египта (в Карнаке) сохранился резной барельеф, на котором изображены пленники, выстроенные в десять рядов и ведомые к Сусакиму. Каждый из них символизировал собою определенный город или местность, названия которых были указаны ниже. Судя по сведениям, запечатленным на этом барельефе, от египетского нашествия пострадала не только Иудея, но едва ли не вся Палестина, так как в указанный список входили названия городов Ездрилонской долины, Трансиордании, горных районов Израиля и Иудеи. Дж. Э. Райт писал: «Сусаким пытался восстановить некогда великую Египетскую империю в прежних пределах, а поскольку его воины были выходцами из Ливии и Нубии (сам он был уроженцем Ливии), нетрудно представить, сколь опустошительными были их походы»[3].

Результаты раскопок свидетельствуют о том, что египтянами полностью или частично было разрушено большое число городов. В Мегиддо была обнаружена стела, воздвигнутая Сусакимом, на которой сохранилась надпись с его именем. Существует предположение, что мощные укрепления, открытые в Шарухене (современный Телль-эль-Фара) юго-восточнее Газы, построены при Сусакиме. Если это действительно так, то «египетский поход являлся не просто единичным налетом, но оккупацией, которая, впрочем, была весьма недолгой»[1].

Библия говорит: «Сусаким, царь Египетский, пошел на Иерусалим... с тысячью и двумястами колесниц и шестьюдесятью тысячами всадников; и не было числа народу, который пришел с ним из Египта: Ливиянам, Сукхитам и Ефиоплянам... Тогда Самей пророк пришел к Ровоаму и князьям Иудеи, которые собрались в Иерусалим, спасаясь от Сусакима, и сказал им: так говорит Господь: вы оставили Меня, за то и Я оставлю вас в руки Сусакиму. И смирились князья Израилевы и царь, и сказали: праведен Господь! Когда увидел Господь, что они смирились, тогда было слово Господне к Самею, и сказано: они смирились; не истреблю их и вскоре дам им избавление, и не прольется гнев Мой на Иерусалим рукою Сусакима. Однако же они будут слугами его, чтобы знали, каково служить Мне и каково служить царствам земным» (2 Пар. 12, 2–8). Таким образом, нашествие египтян явилось вразумляющим бичом в руке Божией, предназначенным для того, чтобы вернуть благочестие и истинное богопочитание в Израиль. Взяв большую дань, в том числе и сокровища храма, Сусаким не истребил царский дом (семью царя и его дворец) и не разрушил Иерусалим. Вскоре после завоевания Палестины Сусаким умер. Аса же, новый царь Иудейский, внук Ровоама, сын Авии, был благочестив перед Богом, и Бог даровал ему победу над египтянами у Мареши. До самого Герара преследовали иудеи египтян (2 Пар. 14, 9–13).

В целом цари Иудейские были более благочестивы, чем цари Израильские, чья история описана в Третьей и Четвертой книгах Царств. Иеровоам сразу после воцарения отлил двух золотых тельцов и воздвиг их в Дане и Вефиле. Он сделал это, опасаясь, что народ будет стремиться в Иерусалим к Ковчегу Завета, почитая Бога, выведшего народ из Египта. Стремясь к тому, чтобы израильтяне забыли о своей святыне, Иеровоам решил совершить ее подмену и объявил, что телец — это тот

[1] *Всемирная* история. С. 488.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 211.
[3] Там же. С. 212.

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 212–213.

бог, который вывел израильтян из Египта. Даже чудо разрушения Вефильского жертвенника, совершенное словом иудейского пророка, посланного к царю Израильскому, не вразумило его, и он не обратился к Господу. Так политические мотивы и доводы собственного разума послужили Иеровоаму причиной его отлучения от Бога, Который даровал ему царство. Но имеющий силу даровать, имеет силу и отнять. Другой пророк, Ахия, возвестил Иеровоаму о конце его не успевшей еще и начаться династии и о конце всего дома Иеровоама, т. е. об истреблении всего его рода с лица земли. Вскоре, спустя два года после смерти Иеровоама, против его сына Навата, царя Израильского, восстал Вааса, который был, возможно, одним из его военачальников. Вааса не только убил царя, но и истребил всех его родственников.

Но и Вааса мало чем отличался от Иеровоама и его сына Навата. Он также продолжал политику обычного восточного языческого деспота. Пророк Ииуй возвестил Ваасе о конце его нечестивого царствования и о конце его нечестивого рода. Вслед за смертью Ваасы последовала гибель его сына, царя Ила, от руки заговорщика Замврия, который истребил и всех родственников Ваасы. Но израильтяне провозгласили царем не заговорщика, а военачальника Амврия, что вынудило Замврия совершить самоубийство. Амврий царствовал двенадцать лет и построил город Самарию, который впоследствии стал столицей Израильского царства. Этот царь так же не отличался благочестием и склонялся к язычеству.

Его сын Ахав царствовал двадцать два года и открыто служил Ваалу, жертвенник которому он воздвиг в Самарии. Он делал так до тех пор, пока пророк Илия, гонимый женою царя, сидонянкой Иезавелью, поклонницей Ваала, не истребил жрецов этого идола и не возвестил царю волю Божию о том, что Ахава, Иезавель и весь род их ждет такая же погибель, как и всех их нечестивых предшественников.

Выслушав это пророчество, Ахав разорвал на себе одежды, покрылся рубищем, наложил на себя пост и ходил печальный. За это смирение Бог помиловал Ахава. Но сын его Охозия был нечестив и умер на второй год царствования, по слову

Илии пророка, за служение Ваалу. Его брат Иорам правил двенадцать лет и был менее нечестив, чем его отец и мать. Он снял статую Ваала, но в делах и мыслях своих был похож на Иеровоама и далеко отстоял от Бога. За это он погиб от руки военачальника Ииуя, ставшего царем Израиля и помазанного пророком Елисеем.

Династия Амврия, таким образом, занимала трон Израильский в течение сорока восьми лет (около 870–830-х гг. до Р. Х.). В обывательском смысле ее правление было вполне успешным. О земной успешности правления этих царей мы судим по археологическим данным. Ассирийские источники в ряде случаев говорят об Израиле как о «земле Амврия (Омри)» или как о «доме Омри» не только во времена правления этой династии, но и много позднее[1]. «Всемирная история» говорит об этой династии как о самой значительной из всех царских династий Израиля[2]. Еще при самом Амврии Финикия вошла в состав Израильского царства. Относительно новой столицы — Самарии, построенной Амврием и находившейся в выгодном стратегическом положении (в семи милях от Сихема на дороге к Галилее и Финикии), археолог Э. Робинсон говорил: «Трудно было сыскать во всей Палестине столь же удобное, плодородное и красивое место. Все эти особенности выгодно отличали его от Иерусалима»[3]. Самария была первым городом, построенным от начала и до конца самими израильтянами. Работы по строительству города завершал царь Ахав.

Археология указывает на то, что правление Ахава было отмечено непрекращающимися войнами сначала с Дамаском (Сирия), а затем с 854–853 гг. до Р. Х. уже в союзе с Сирией и Амоном против Ассирии. Из документов ассирийского царя Салманасара III известно, что он одержал победу над союзными войсками Ададезера Дамасского, Ирулени Емафского и «Ахава Израильтянина». Битва состоялась в 853 г. до Р. Х. при Каркаре, где погибло от 14 до 20 тысяч союзников. Однако и потери Салманасара должны были быть велики, так как он

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 274.
[2] *Всемирная* история. С. 488.
[3] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 215.

не развил тогда наступления, а впоследствии так и не сумел взять Дамаск и войти в Палестину[1].

Далее археология предоставляет данные о новых войнах Ахава с Дамаском и его сына Иорама с моавитянским царем Мессой, восставшим против власти Израиля. «Моавитский камень», найденный в столице Моавитского царства Дибоне в 1868 г., имеет надпись, которая от лица Мессы гласит о том, что тот избавился от силы Израиля и «превзошел» силу «сына Амврия»[2].

Вслед за династией Амврия воцарилась династия Ииуя, обещавшая поначалу быть праведной, но так и не удержавшаяся в праведности.

Ииуй сначала выражал великую ревность в исполнении повелений Бога. Он истребил всех пророков и жрецов Ваала, сломал языческие капища и жертвенники, уничтожил весь род Амврия. Но делал он все это столь ожесточенно и кровожадно, что по сути своей не отличался от царей Ассирии и Вавилона или любого другого языческого деспота, служившего идолам. В сердце своем Ииуй и его потомки-преемники так же не отличались праведностью. Царство слабело год от года.

В 1840 г. англичанин Генри Лэйярд в Телль-Нимруде на месте древней столицы Ассирии Кальху (Калах), упоминаемой в Быт. 10, 9–11, обнаружил обелиск из черного базальта. Пять рядов рельефа, опоясывающего обелиск, содержат изображения несметных даров, преподносимых ассирийскому царю Салманасару III (859–824 гг. до Р. Х.). Перед Салманасаром изображен падший ниц и целующий землю человек в царской одежде. Рельефы сопровождаются надписью «Дань Ииуя из Бит-Умри...» Далее перечисляется то, что было принесено в качестве дани. «Бит-Умри» значит «Дом Амврия» или «Земля Амврия»[3].

В 1967 г. в Телль-эр-Римахе (Северный Ирак) была обнаружена стела ассирийского царя Адад-Нирари III (811–783 гг. до Р. Х.). Надпись на ней гласит о том, что этот царь

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 219–220.
[2] Там же. С. 222.
[3] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 193–194.

в первый год своего правления «получил дань от Иоаса самаритянина, от правителя Тира и правителя Сидона»[1]. Как повествует Библия, Иоас был сыном царя Иоахаза, внуком Ииуя и находился на троне именно в то время, которым датируется стела Адад-Нирари III. Иоахаз и Иоас были идолопоклонниками, ибо Ииуй не мог воспитать в них любви к Творцу. При этих царях произошел существенный упадок военной и экономической силы царства. Сирийские цари отнимали город за городом у Израильского царства, которое стало данником Ассирии (4 Цар. 13, 22).

Вспышкой земного величия и силы Израильского царства стал сорокалетний период царствования Иеровоама II, сына Иоаса, при котором окрепли военная сила и материальный достаток населения за счет военной добычи. Иеровоам II взял Дамаск, ослабленный набегом ассирийских войск и выплатой контрибуции Ассирии. Дома знати и царские дворцы в Израиле этого периода отличались роскошью. Сто одиннадцать лет правила династия Ииуя с 840 (830) до 740 (730) г. до Р. Х. Но этот период миновал, и Израиль вновь погрузился в череду дворцовых переворотов, когда цари-жертвы сменялись цареубийцами-узурпаторами, которые тоже в свою очередь становились жертвами. Сила государства ослабевала столь же быстро, как быстро росли нечестие, идолопоклонство и разврат в царях и народе Израиля. Израильские женщины во множестве служили жрицами блудных культов (были блудницами) при капищах языческих богинь. Повсюду вновь воздвигались статуи Ваала и других языческих идолов. А в это время Бог воздвигал вразумление Израилю в лице его северо-восточного соседа — Ассирии, чья мощь крепла от года к году.

Последний, двадцатый по счету, царь Израиля Осия, пришедший к власти через цареубийство, понадеявшись на помощь Египта и не послушавшись пророка, после смерти Тиглатпаласара III (727 г. до Р. Х.) отказался платить дань его преемнику ассирийскому царю Салманасару V (726–722 гг. до Р. Х.). Реакция последовала незамедлительно. Сихем был

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 195.

взят, а Самария осаждена ассирийскими войсками. Осия оказался в плену, а город после трехлетней осады был взят уже сыном умершего к тому времени Салманасара V Саргоном II. Самария пала в 722 г. до Р. Х. Значительная часть израильтян была уведена в плен. Их территория в Палестине была заселена выходцами из других, языческих, народов, которые, смешавшись с оставшимися израильтянами, дали начало новому народу — самаритянам, или самарянам, впоследствии весьма презираемым правоверными иудеями как полуязычники. Ассирийские источники (различные тексты и надписи царей Салманасара V и Саргона II) и «Вавилонская хроника» подтверждают все, что говорит об этих событиях Библия[1]. Так прекратилось Израильское царство, просуществовавшее около 260 лет.

А. П. Лопухин заметил, что ни один из царей Израильских после Соломона «не был достойным своего высокого призвания в качестве представителя избранного народа: все были идолопоклонниками и нечестивыми изменниками религии Иеговы. „И прогневался Господь сильно на израильтян, и отверг их от лица Своего. Не осталось никого, кроме одного колена Иудина“ (4 Цар. 17, 18)»[2].

Если в Израильском царстве нельзя было найти благочестивого царя, то в царстве Иудейском благочестие сменяло нечестие, чередуясь с ним. История царей Иудейских, так же как и Израильских, описывается в Третьей и Четвертой книгах Царств, а также во Второй книге Паралипоменон (или Хроники).

Священное Писание указывает на то, что «в Иудее было нечто доброе», за что Бог не попустил фараону Сусакиму уничтожить царство и разрушить Иерусалим (2 Пар. 12, 12). Ровоам и его сын Авия не отличались благочестием, кроме эпизодических вспышек религиозного духа в тяжелые времена военных событий. Но третий царь Иудейский Аса, сын Авии, имевший долгое сорокалетнее правление, воцарился с намерением следовать примеру своего великого прадеда Давида. «И сделал Аса доброе и угодное в очах Господа, Бога своего: И отверг он жертвенники богов чужих и высоты, и разбил статуи, и вырубил посвященные деревья... и изверг мерзости языческие из всей земли Иудиной и Вениаминовой... и обновил жертвенник Господень... И собрал всего Иуду и Вениамина и живущих с ними переселенцев от Ефрема, и Манассии, и Симеона... и принесли в день тот жертву Господу... и вступил в завет, чтобы взыскать Господа, Бога отцов своих, от всего сердца своего и от всей души своей... И клялись Господу громогласно и с восклицанием и при звуке труб и рогов. И радовались все иудеи сей клятве, потому что от всего сердца своего клялись и со всем усердием взыскали Его, и Он дал им найти Себя. И дал им Господь покой со всех сторон» (2 Пар. 14, 2–5; 15, 9–15).

Первые десять лет царствования Асы действительно прошли в мире, что позволило поднять благосостояние страны, укрепить пограничные города и оснастить шестисоттысячную армию. Именно Аса при помощи своей армии сумел защитить Палестину от новой египетской угрозы, возникшей около 900-х гг. до Р. Х. Эфиоплянин Зарай, ставший фараоном, опираясь на силу своей миллионной армии, стремился восстановить гегемонию Египта над Палестиной. Аса повел себя подобно Давиду. Он воззвал к Богу, пел Ему и молился Ему, призывая на помощь. Превосходящие числом силы египтян были стремительно разбиты иудеями при Мереши в долине Цефата (2 Пар. 14, 9–15).

Эта победа, основанная на искреннем обращении к Богу, послужила причиной подъема религиозного духа не только в Иудее, но также и в Израильском царстве. Многие чаяли такого же обращения и со стороны Израильских царей, но не находили его. Поэтому благочестиво настроенные израильтяне стали переселяться в Иудею, чтобы быть ближе к Иерусалимским святыням и беспрепятственно посещать их. Прежде всего это касалось левитов, из среды которых воздвигались священники Яхве. Им не было места в Самарии и других городах царства Израильского, где процветали культы Ваала и Астарты. Это

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 202–206.
[2] *Лопухин А.П.* Указ соч. С. 307.

обстоятельство вызвало недовольство со стороны Израильских царей, что на тридцать шестом году правления Асы спровоцировало очередную войну между Израильским и Иудейским царствами. Израиль напал на Иудею.

В ответ царь Аса уговорил сирийского царя Венадада нарушить его договор о союзе с израильским царем Ваасой и выступить против него. Ради этого Асе пришлось выдать Венададу сокровища Иерусалимского храма и царского дворца. Венадад совершил набег на Израильское царство, и царь Вааса, напавший на Иудею, отступил. Но поступок Асы оказался проявлением колебаний в вере и надежды не на Бога, а на союз с Сирией. Царь сам осквернил храм, разорив его сокровища. В речи пророка Анании звучит укор царю: «Ты понадеялся на царя сирийского и не уповал на Господа, Бога твоего... Не были ли ефиопляне и ливияне с силою большею... Но как ты уповал на Господа, то Он предал их в руку твою... Безрассудно ты поступил теперь. За то отныне будут у тебя войны» (2 Пар. 16, 7–9). Вместо покаяния Аса приказал бросить Ананию в темницу. Вскоре царя постигла болезнь ног, но он уже искал помощи не в покаянии перед Богом, а у земных врачей (2 Пар. 16, 12).

Археология предоставляет сведения по поводу двух событий, связанных с войной Израиля и Иудеи. Царь Венадад, сын Адера, внук Тавримона, известен из надписи, найденной в Северной Сирии, которая представляет собой арамейский текст, где говорится о клятве, данной «сыном Адера, сыном Таверемана, царем Арама» (Сирии). Второе событие касается крепости Гива. Библия указывает на то, что Гива была вновь отстроена и укреплена Асой после ухода Ваасы от Рамы. Для строительства использовался материал, заготовленный Ваасой для укрепления Рамы. Археология показала, что крепость Гива действительно была отстроена в третий раз в эпоху Асы[1].

Археология также помогла пролить свет на смысл слов Священного Писания: «Он (Аса) изгнал блудников из земли

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 186.

и отверг всех идолов, которых сделали отцы его, и даже мать свою Анну лишил звания царицы за то, что она сделала истукана Астарты» (3 Цар. 15, 12–13).

В Рас-Шамре (Угарит) были обнаружены таблички с текстами, повествующими об обрядах и празднествах поклонников Астарты. Эти обряды были не просто идолопоклонническими, но преимущественно блудно-оргиастическими. Еврейский текст Библии говорит о иеродулах — священных (храмовых) блудницах, через половую связь с которыми человек посвящался в культ Астарты. Также в тексте говорится о содомитах (мужеложниках)[1].

Вслед за Асой царем стал его сын Иосафат, царствование которого отличалось благочестивыми намерениями, делами и стабильностью. Но и ему было трудно удерживаться на правильном духовном пути в стремительном водовороте событий. Усилилась Сирия и стала серьезно угрожать Израильскому царству. Царь Ахав, еще недавно вынашивавший планы нападения на Иудею, был вынужден обратиться к Иосафату, ища союза. Иосафат не только согласился на этот союз, но даже породнился с домом нечестивого Ахава.

Военное предприятие союзников против Сирии оказалось неудачным, как и предрек пророк Михей, совета которого они не послушали (2 Пар. 18). Союзные войска были разбиты, Ахав погиб, а Иосафат бежал с остатком войск и каялся в своем неразумном союзе, приведшем к непослушанию воле Бога.

В целом двадцатипятилетнее царствование Иосафата Священное Писание оценивает положительно: «И ходил он путем отца своего Асы и не уклонился от него, делая угодное в очах Господних» (2 Пар. 20, 32). Но грех порочной связи с нечестивым домом Ахава не замедлил сказаться. Старший сын и преемник Иосафата Иорам, женившийся по воле отца на дочери Ахава, убил всех шестерых своих братьев «и ходил он путем царей Израильских, как поступал дом Ахавов, потому что дочь Ахава была женою его, и делал он неугодное в очах Господних» (2 Пар. 21, 6).

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 207.

Пророк Илия послал гневное обличительное письмо царю, в котором писал о том, что каждый из убитых Иорамом братьев был лучше и достойнее его, что ради грехов царя в беду попадет весь народ, но более всех лично пострадает сам Иорам и его семья (2 Пар. 21, 12–15).

Вскоре на Иудею напали филистимляне и аравитяне. Они разграбили страну и царский дворец, в котором погибли все царские сыновья, кроме младшего Охозии, ибо «не хотел Господь погубить дома Давидова ради завета, который заключил с Давидом, и потому что обещал дать ему светильник и сыновьям его на все времена» (2 Пар. 21, 7).

Таким образом, Библия постоянно обращает внимание своих читателей на то, что Бог ради праведников спасает их потомство и не пресекает их род, воздвигая в нем новых праведников. Однако у Бога была еще более веская причина сохранить род Давида, ибо именно из него должен был произойти Спаситель мира Христос.

Однако Охозия, сын дочери Амврия, уподобился Израильским царям, имея с ними тесное сношение. Недолгим было его царствование, всего один год, и он погиб от руки Ииуя вместе с Иорамом, царем Израильским.

Мать Охозии, дочь Амврия, царя Израильского, Гофолия приказала умертвить своих малолетних внуков, дабы никто из них не мог воцариться в Иудее и продолжить род Давидов. Она это сделала потому, что была воспитана в ненависти ко всему иудейскому и ко всему, что было связано с именем истинного Бога. Однако сестра Охозии Иосавеф, жена первосвященника Иодая, во время избиения младенцев Гофолией сумела вынести из дворца грудного царского сына Иоаса и скрыть его в храме. Иоас втайне воспитывался Иодаем как будущий царь и слуга Божий до тех пор, пока не достиг семилетнего возраста. Тогда Иодай, заручившись поддержкой нескольких сотников, в присутствии охраны помазал Иоаса на царство.

Во всем юный царь следовал советам первосвященника, воспитавшего его. Главной его заслугой стало восстановление храма. Но со смертью Иодая меняется и политика Иоаса, который последовал за устремлениями иудейской знати.

Развилось непочитание храма и культа Иеговы, идолопоклонство новой волной захлестнуло Иудею. Пророк Захария, сын первосвященника Иодая, восстал против беззакония, обличая царя, но был убит по его приказанию прямо во дворе храма именно на том месте, где отец пророка помазал Иоаса на царство (2 Пар. 24, 21).

Через год произошло сирийское нашествие, все советники Иоаса погибли, страна была разграблена. Нашествие было знаменательно тем, что сирийцы пришли малым числом, но нанесли огромный урон. Это было расценено народом как расплата за грех Иоаса, которого убили в собственной постели и даже не похоронили, как полагается хоронить царя. На его месте в царской гробнице был похоронен первосвященник Иодай, праведно правивший народом через юного Иоаса.

О следующих трех царях Амасии, Озии и Иоафаме, также бывших потомками Давида, А. П. Лопухин писал, обобщая сведения, содержащиеся в Библии, что они «представляют странную раздвоенность в своем характере. Стараясь быть благочестивыми, они в то же время проявляют крайнее своеволие и непочтение к святыне, так что Озия дерзнул даже присвоить себе священническое право каждения пред жертвенником фимиама, за что и был поражен проказой. Тем не менее, они сумели возвести государство на довольно высокую степень политического могущества»[1].

Н. Василиадис писал: «С восшествием Озии на трон южного царства государство Иудея вступает в период процветания (VIII в. до Р. Х.). Недавние раскопки в южной части Иудеи, в пустыне Негев, подтвердили правдивость сведений, предоставляемых Второй книгой Паралипоменон. Археологи отметили расширение площади расселения иудейского народа в том районе, зафиксировали строительство городов, крепостей и поселений, обнаружили находки, свидетельствующие о передислокации армии. Как показывают исследования археолога Глюка, в то время область Негев процветала. Это было место оживленной транзитной торговли между побережьем

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 309.

и внутренней частью Аравии. У Озии в то время были хорошо налаженные связи с арабами (*Thompson J. F.* Op. cit. P. 139). Он, уже в третий раз, отстроил Ецион-Гавер. Впервые в истории Ецион-Гавер принял облик настоящего города; он перестал быть просто укрепленным зернохранилищем. По глиняной посуде, найденной на месте города, определили, что третий Ецион-Гавер датируется временем правления Озии.

Археологи предполагают, что найденное ими погребение с арамейской надписью содержит останки царя Озии. Это погребение находилось не в царском некрополе, а на древнем кладбище у подножия горы Елеон. Озия был погребен в таком странном месте, потому что он, как повествует Ветхий Завет, был наказан Богом проказой, так как дерзнул присвоить себе священнические права. Как прокаженный, он лишился царской власти и удалился, в соответствии с иудейским законом, в особое жилище, где провел остаток своих дней, совершенно изолированный от остального мира (2 Пар. 26, 16–23)»[1].

При царе Ахазе, сыне благочестивого Иоафама, произошло как духовно-нравственное, так социально-экономическое и политическое падение Иудеи. Он прекратил богослужения в храме, воздвиг идолов Ваала и Молоха, которому в жертву приносил собственных детей, ибо культ Молоха требовал таких жертв. При нем страна подверглась разрушительным нашествиям сирийцев, идумеян и филистимлян. Желая избавиться от этого бича, Ахаз обратился за помощью к Ассирии. Пророк Исаия противился этому решению и предсказывал, что данный союз угрожает бедами для самой Иудеи. Он призывал царя обратиться к покаянию и вере в Единого Бога. Союз с Ассирией ускорил падение Израильского царства и привел к тому, что Иудея сделалась данницей Тиглатпаласара II (2 Пар. 28).

Археология вновь подтверждает и дополняет сведения Библии. В «Анналах» ассирийского царя Тиглатпаласара, которые рассказывают о его победах и где приводится список народов, ставших его данниками, имя Ахаз упоминается в другой транскрипции: «...Я принял дань и от Яухази (то есть

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 208.

Ахаза) из Яудаи (то есть Иудеи)»,— пишет ассирийский правитель. В том же списке перечисляются имена царей Эдома, Моава, Газы, Аскалона и Амона. Это были соседние с Иудеей страны, что указывает на обширность территории, подвергшейся вторжению ассирийцев (см.: *Thompson J. A.* Op. cit. P. 141–142).

Священное Писание порицает Ахаза, так как он поддался влиянию восточных культов. Сообщение Священного Писания о том, что Ахаз «провел своего сына через огонь» (согласно толкованию некоторых, принес его в жертву всесожжения идолам) по... обычаям других народов (4 Цар. 16, 3), подтвердилось находками археологов, согласно которым бог Молох (Мулюк или Малик) широко почитался в странах к востоку от Палестины (см.: *Albright W. F.* Archaeology... P. 163). Существование богини Адрамелех, о которой говорится в Ветхом Завете (4 Цар. 17, 31), в настоящее время также нашло подтверждение у археологов. Адрамелех, по свидетельству ученых, почиталась в Сирии как Адад-Милки народами, которые жили к востоку от Палестины и которые ассирийцами поселены были в Самарии после изгнания израильтян. Кроме того, согласно археологическим находкам на севере Месопотамии мы имеем сведения о человеческих жертвоприношениях богу Ададу. Эти данные относятся к X–VII вв. до Р. Х. Археолог Томпсон, изучив эти факты, писал: «Если мы точнее хотим понять религиозные обряды Ахаза, то должны обратить внимание на эти открытия археологов» (см.: *Thompson J. A.* Op. cit. P. 142)»[1].

Израильское царство пало, Самария была разрушена в 722–721 гг. до Р. Х. Иудейскому же царству еще было дано время не последовать примеру своего северного соседа. Новый царь Иудеи Езекия (724 (715)–696 (687) гг. до Р. Х.), сын Ахаза, подавал большие надежды на возвращение к политике Давида. Преобразования Езекии начались восстановлением богослужений в Иерусалимском храме и разрушением идольских жертвенников и капищ. Царь вновь назначил содержание священникам и левитам, которого те лишились ранее. Придворным

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 209–210.

советником царя стал великий пророк Исаия, слову которого Езекия следовал во все дни своей жизни и царствования.

Археология предоставляет множество подтверждений действительности тех фактов, которые описаны в библейском повествовании о Езекии и его времени. Подробно об этом пишут Н. Василиадис и Дж. Э. Райт, пользуясь трудами известных археологов и востоковедов, таких, как Кайл, Фри, Томпсон, Гианнакополос, Корнфельд, Келлер, Брихт, Бартон, Хорн, Причард и др.

Усилившаяся Ассирия явилась деспотом, установившим ненавистное для многих владычество на Ближнем Востоке. Поэтому, несмотря на ее военную и экономическую мощь, против власти Ассирии постоянно составлялись заговоры и военные союзы. Саргону II в 711 г. до Р. Х. пришлось подавлять волнения в филистимских городах после того, как Езекия одержал ряд побед над филистимлянами (4 Цар. 18, 8) и склонил правителя Азота к мятежу против ассирийцев. «Езекия тут же принялся за религиозное объединение севера и юга, которое виделось ему основой для политического их объединения (2 Пар. 29–31). Тем самым он вновь подтвердил притязания династии Давида на всю Палестину. Так и не сумев добиться своих политических целей, он стал лидером коалиции небольших государств и, заручившись поддержкой Египта и Вавилона, выступил против Сеннахирима (Синнахериба), ставшего преемником Саргона в 704 г. до Р. Х. (4 Цар. 18–20). Сеннахирим нанес ответный удар в 701 г. до Р. Х. Сохранился подробный рассказ об этих событиях»[1]. Причем рассказ этот содержится как в Библии, так и в ассирийских хрониках. Оба источника подтверждают повествования друг друга до мелочей.

Ассирийские хроники Сеннахирима говорят о том, что Езекия возбудил недовольство Ассирией в Филистиме и призвал на помощь эфиопского царя Египта, войска которого, однако, потерпели сокрушительное поражение от ассирийцев. Далее от имени Сеннахирима следует продолжение: «Что до Езекии, иудея, то он не подчинился мне. Я осадил 46 сильных его городов, взял множество небольших деревень в их окрестностях, используя насыпи и стенобитные орудия... Сам Езекия стал пленником Иерусалима, его царской резиденции, подобно птице в клетке. Я окружил его город земляными валами, дабы задерживать тех, кто выходит из врат города... я уменьшил владения его и вместе с тем обложил его большой данью... Езекия, потрясенный моим могуществом... оставил город и затем прислал в мой град Ниневию вместе с 30 талантами золота и 800 талантами серебра драгоценные камни, сурьму, большие срезы красного камня (и т. д.). <...> Дабы выразить почтение, он прислал своего гонца»[1].

Библия повествует об этих событиях: «В четырнадцатый год царя Езекии пошел Сеннахирим, царь Ассирийский, против всех укрепленных городов Иуды и взял их. И послал Езекия, царь иудейский, к царю Ассирийскому в Лахис (Лахиш, Лагиш) сказать: виновен я; отойди от меня; что наложишь на меня, я внесу. И наложил царь Ассирийский на Езекию, царя Иудейского, триста талантов серебра и тридцать талантов золота. И отдал Езекия все серебро, какое нашлось в доме Господнем и в сокровищницах дома царского. В то время снял Езекия золото с дверных столбов, которые позолотил Езекия, царь Иудейский, и отдал его царю Ассирийскому» (4 Цар. 18, 13–16).

Разные причины могут служить несовпадению в указании количества серебра, данного ассирийскому царю. Н. Василиадис считает, что эта разница «происходит или из-за того, что Сеннахирим включил в эту сумму и другие виды дани, или из-за незначительного искажения текста, либо из-за различия в стоимости вавилонского и палестинского талантов»[2]. Кроме того, к этим причинам можно добавить возможное включение в количество дани серебра, захваченного в других городах. Причин может быть множество.

Город Лахиш, упомянутый в Библии, куда Езекия отправил послов к Сеннахириму, был одной из мощных военных крепостей Иудеи, являлся главным звеном в цепи оборони-

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 245.

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 246–247.

[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 215.

тельных укреплений, возведенных Ровоамом в конце X в. до Р. Х. (2 Пар. 11, 5–10), и находился на пути из Египта в Иудею. Он был раскопан в 1932–1938 гг. британской экспедицией, руководил которой Дж. Л. Старки. Исследования подтвердили все, что говорят о захвате этого города ассирийские хроники начала VII в. до Р. Х. При раскопках Ниневии, тогдашней столицы Ассирии, Г. Лэйярдом был обнаружен глиняный столб в виде призмы, на котором и оказались начертаны письмена указанных хроник. Кроме того, Г. Лэйярд нашел в царском дворце рельеф, изготовленный по приказу Сеннахирима, который передает в деталях страшную схватку за Лахиш. Археолог Старки подтверждает, что видел на стенах раскопанного им Лахиша отчетливые «дыры и проломы, сделанные ассирийскими стенобитными орудиями»[1]. Из текстов хроник видно, что Сеннахирим очень гордился взятием Лахиша, который превосходил Иерусалим и даже Мегиддо как по площади, так и по мощности укреплений.

Однако между библейским и ассирийским текстами имеется одна, не столь существенная для археологии, но существенная для нас, несогласованность. Судя по хроникам, запечатленным на ниневийском столбе-призме, датируемом одними исследователями 691 г. до Р. Х.[2], а другими 686 г. до Р. Х.[3], Сеннахирим получил дань и выражение покорности от Езекии после того, как осадил Иерусалим. Библейский же текст говорит о том, что Езекия дал дань царю Ассирийскому, когда тот еще был в Лахише, выполнив, таким образом, свои обязательства по договору. Но Сеннахирим не удовлетворился этим и послал из Лахиша войска под руководством трех полководцев Тартана, Рабсариса и Рабсака в Иерусалим с требованием сдачи столицы на милость победителя. Причем, зная о характере религиозной приверженности Езекии и иерусалимлян, полководцы от имени царя говорили: «А если вы скажете мне: „на Господа, Бога нашего, мы уповаем“... пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: „спасет нас Господь, и не будет город сей отдан в руки царя Ассирийского“... Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского? Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима, Ены и Иввы? Спасли ли они Самарию от руки моей? <...> Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей?» (4 Цар. 18, 17–37).

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 213.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 249.
[3] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 214.

Получив письмо с этими словами, Езекия удалился в храм, где вознес молитву, которая сама по себе является шедевром духовного творчества: «Господи, Боже Израиля, седящий на херувимах! Ты один Бог всех царств земли, Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услыши; открой, Господи, очи Твои и воззри! И услышь слова Сеннахирима, *который послал (своих людей)* поносить Бога живого! Правда, о, Господи, цари ассирийские разорили народы и земли их и побросали богов их в огонь; но это не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень; потому и истребили их. И ныне, Господи, Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один» (4 Цар. 19, 14–19).

В ответ на эту молитву пророк Исаия велел передать Езекии следующие слова: «Так говорит Господь, Бог Израилев: то, о чем ты молился Мне против Сеннахирима, царя Ассирийского, Я услышал. Вот слово, которое изрек Господь о нем: ...Разве ты не слышал, что Я... в древние дни предначертал это, а ныне выполнил тем, что ты опустошаешь укрепленные города, превращая их в груды развалин? <...> Сядешь ли ты, выйдешь ли, Я все знаю; знаю и дерзость твою против Меня. За твою дерзость против Меня и за то, что надмение твое дошло до ушей Моих, Я вложу кольцо Мое в ноздри твои и удила Мои в рот твой, и возвращу тебя назад тою же дорогою, которою пришел ты... Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: не войдет он в сей город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала... Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя, ради Давида, раба Моего» (4 Цар. 19, 20–34). «И случилось в ту ночь: пошел ангел Господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все тела мертвые. И отправился, и пошел, и воз-

вратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии» (4 Цар.19, 35–36).

Вспомним повествование ассирийской хроники. Если верна ее датировка (686 г. до Р. Х.), то текст на глиняной призме был составлен после смерти царя Езекии. Может быть, смерть Езекии послужила поводом для этой записи или для того, чтобы этой записью заменить другую, прежнюю, несколько отличную от нее и не вполне устраивавшую владык Ассирии (сделанную в 691 г. до Р. Х.)? Восточные деспоты, описывая собственные деяния, никогда не отмечали своих неудач. В отличие от них библейское повествование, как уже не раз отмечалось, не служило в угоду каким бы то ни было лицам, но говорило об их достоинствах и недостатках, удачах и неудачах, лаконично и достоверно повествуя о событиях. Замечательным нюансом ассирийского текста является то, что все победы ассирийского царя подробно указаны. Взятие Лахиша не только описано, но даже красочно изображено на рельефе. Но о кампании против Иерусалима не сказано ничего, кроме того, что царь Ассирии «запер» Езекию в его столице, «как птицу в клетке». Неужели больше нечего было сказать, если предприятие действительно принесло успех? Почему эта запись появилась лишь после смерти Езекии, еще 14 лет успешно правившего всей Иудеей и продолжавшего проводить активную антиассирийскую политику? Может быть, дань была все-таки выплачена Езекией в его несбывшейся надежде на умилостивление врага до похода войск Сеннахирима на Иерусалим? Тогда становится вполне понятным скудость и нелогичность в общем контексте ассирийской хроники повествования об осаде Иерусалима. Эта осада была неудачной.

Активность внешней политики Езекии, причем, как указывалось, направленной против Ассирии, подтверждается фактом вавилонского посольства в Иерусалим вскоре после ухода ассирийцев. Ветхий Завет сообщает, что «Беродах-Баладан, сын Баладана, царь Вавилонский» послал «письма и подарок Езекии, ибо он слышал, что Езекия был болен». Езекия тепло принял послов царя Вавилонии и с радостью, желая произвести впечатление, показал им «кладовые свои, серебро и золото,

и ароматы, и масти дорогие, и весь оружейный дом свой и все, что находилось в сокровищницах его» (4 Цар. 20, 12–13).

Видимо, показывать действительно было что. Но в случае удачного окончания ассирийской военной кампании это явилось бы невозможным, как, собственно, и сам прием посольства крайне враждебного Ассирии Вавилона.

Царь Беродах-Баладан (Мародах-Валадан) был в свое время известной личностью, что выяснилось благодаря археологическим находкам. «Сегодня имеются данные даже касательно его личных привычек. Этот человек был заклятым врагом Ниневии. Поэтому он использовал благоприятный момент смерти Сеннахирима для отправки дипломатического посольства к Езекии, целью которого было спровоцировать последнего на восстание против Ассирии. Беродах-Баладан побуждал раньше к этому и правителей других государств, о чем стало известно из двух текстов Сеннахирима, найденных археологами. В одном из них описана победа над Беродах-Баладаном и войском Элама, союзника вавилонского царя, на равнине у города Киш. В другом тексте сообщается, как Беродах-Баладану удалось составить заговор против ассирийского царя после того, как он заручился поддержкой царя Элама Сутур-Нахунту.

То, что посольство вавилонского царя к Езекии имело своей целью заключение договора о союзе против Ассирии, видно из того, что Езекия показал вавилонским посланникам свою сокровищницу и арсенал (4 Цар. 20, 13, Ис. 39, 2). Итак, археология подтвердила историчность личности Беродах-Баладана и пролила свет на его деятельность, то есть подтвердила, прояснила те места богодухновенного текста, которые в течение многих веков были загадкой для ученых и исследователей»[1].

Несколько другая версия датировок отражена в работе Дж. Э. Райта «Библейская археология». Он выражает точку зрения ряда исследователей, утверждающих, что Сеннахирим совершил не один, а два похода в Иудею. Это предположе-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 217–218.

ние было высказано еще Дж. Роулинсоном в 1858 г., и его же придерживались У. Ф. Олбрайт и З. Горн. В результате первого похода 701 г. до Р. Х. были захвачены важные крепости Палестины, Иудея подтвердила свою покорность и положение данницы Ассирии. Взяв дань, Сеннахирим удалился, удовлетворившись результатом. Второй поход был организован позднее, примерно в 688–687 гг. до Р. Х., и закончился неудачной осадой Иерусалима[1], после чего, вернувшись в Ниневию, Сеннахирим был убит двумя своими сыновьями. Об этом говорится как в Библии (4 Цар. 19, 37), так и в ассирийских анналах. В Ниневии воцарился третий сын Сеннахирима Асардан (Асархаддон), который и повествовал в хронике о бегстве братьев-отцеубийц и о своем восшествии на трон. Ассирийский текст Асардана датируется 681 г. до Р. Х.

Если руководствоваться этой точкой зрения, то снимается ряд противоречий, возникающих при прочтении Библии и сопоставлении ее текста с археологическими данными. Если же утверждать, что был один поход, и он состоялся в 701–700 гг. до Р. Х., то тогда остается загадкой, каким же образом текст, созданный от имени Сеннахирима в 686 г. до Р. Х., был написан им, если он был убит за 26 лет до того, т. е. сразу после возвращения из Иудеи в Ниневию. Кроме того, каким образом тогда сочетать текст Асардана, датируемый 681 г. до Р. Х., и убийство Сеннахирима в 701 (700) г. до Р. Х.?

Скорее всего, действительно, Сеннахиримом было совершено два похода в Иудею. В пользу этого говорит еще один факт, описанный в Библии и подтвержденный археологией. «Когда Езекия увидел, что пришел Сеннахирим с намерением воевать против Иерусалима, тогда решил с князьями своими и с военными людьми своими засыпать источники воды, которые вне города, и те помогли ему... говоря: да не найдут цари Ассирийские, придя сюда, много воды. И ободрился он, и восстановил обрушившуюся стену, и поднял ее до башни, и извне построил другую стену... Он же, Езекия, запер верхний приток вод Геона и провел их вниз к западной

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 248–249.

стороне города Давидова. ... он сделал пруд и водопровод и провел воду в город» (3 Цар. 20, 20; 2 Пар. 32, 3–5, 30). Как первое (стена Езекии), так и второе (канал и водный резервуар) сооружения Езекии были обнаружены и изучены археологами. Все сведения совпадают со сведениями Библии. Источник Гион и доныне существует в Иерусалиме, нося имя «Источник Девы», а бассейн-резервуар — это купель Силоам, к которой Христос послал умыться слепорожденного, после чего тот исцелился (Ин. 9, 6–7).

Для того чтобы отвести поток воды внутрь города, нужно было изменить его русло, пробив тоннель в горе, который имеет в длину 525 м и в высоту 1,8 м. Резервуар, куда собиралась вода, имел размеры 21,3 м на 22,5 м и был оборудован лестницей, ведущей к воде, и двумя галереями с арками вблизи него. Резервуар в мирное время использовался в качестве купели (купальни). Надпись, сделанная строителями у входа в тоннель со стороны резервуара, говорит о его размерах и о том, каким образом две бригады рабочих пробивали русло, проходя сквозь гору навстречу друг другу. Место, где встретились две группы рабочих, и сейчас заметно по различной высоте и изменению характера следов, которые оставлял инструмент в ходе работ[1].

Дж. Э. Райт высказал предположение: «Строительство Силоамского тоннеля и второй линии оборонительных стен Иерусалима, к востоку от города, вероятно, было завершено Езекией незадолго до второго похода Синнахериба (Сеннахирима) на Иудею в 688–687 гг. до Р. Х. В 701 г. до Р. Х., за те несколько месяцев, которые прошли между началом кампании и вторжением ассирийцев в Иудею, он просто не мог осуществить столь обширную строительную программу. Откупившись от Синнахериба в 701 г. до Р. Х., чтобы выиграть время, Езекия восстановил старую стену, заложенную примерно за тысячелетие до его времени, обеспечил город водой, пробив Силоамский тоннель, засыпал источники вокруг города, построил систему башен для защиты источника Гион.

[1] *Василиадис Н.* Указ соч. С. 218–219; *Райт Дж. Э.* Указ соч. С. 254–257.

Возведенная при нем внешняя стена была недавно открыта и обследована Райхом и Шукроном»[1].

Обратим внимание еще на одну деталь, содержащуюся в библейском повествовании о последних годах царствования Езекии. После посещения вавилонскими послами Иерусалима к царю пришел пророк Исаия и сказал ему: «Что говорили эти люди и откуда они приходили к тебе? И сказал Езекия: все, что в доме моем, они видели, не осталось ни одной вещи, которой я не показал бы им в сокровищницах моих. И сказал Исаия Езекии: выслушай слово Господне: Вот придут дни и взято будет все, что в доме твоем, и что собрали отцы твои до сего дня, в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. И сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут, и будут они евнухами во дворце царя Вавилонского. И сказал Езекия Исаии: благо слово Господне, которое ты изрек. И продолжал: да будет мир и благосостояние во дни мои!» (4 Цар. 20, 14–19). Таким образом, Исаия выразил предупреждение, данное Езекии свыше, о ненадежности и коварности нового его союзника, перед которым тот распахнул все двери своего дворца и двери души своей. Более того, Исаия изрек откровение о будущей судьбе Иудеи и Иерусалима, которые будут отданы во власть набирающего силу Вавилона. Этим говорилось: не надейся ни на какую силу земных царей, союзников или собственной армии и богатств своей казны, но надейся только на Бога и верь Ему. Езекия же в ответ выразил свое смирение перед Божиим промыслом.

Праведного Езекию, умершего в период примерно с 687 по 696 гг. до Р. Х., сменил его сын Манассия (687–642 гг. до Р. Х.). Начало его царствования было отмечено яростным сопротивлением культу Единого Бога и восстановлением жертвенников языческим идолам. Вернулись все прежние беззаконные обычаи и порядки. Жертвоприношения детей языческому идолу Молоху, которые происходили во времена Манассии в долине Енном (4 Цар. 23, 10), засвидетельствованы результатами археологических раскопок[2].

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 257.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 220.

Обличительные голоса пророков, особенно Исайи, звучали все пронзительнее и ярче, но не слушали их. За то «привел Господь на них военачальников ассирийских, и заковали они Манассию в кандалы и оковали его цепями, и отвели его в Вавилон. И в тесноте своей он стал умолять лицо Господа, Бога своего, и глубоко смирился пред Богом отцов своих. И помолился Ему, и Бог преклонился к нему и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим на царство его» (2 Пар. 33, 10–13). После того Манассия разрушил все языческие жертвенники в храме и капища в Иерусалиме, но народ во множестве своем продолжал поклоняться идолам.

Ассирийскими царями во дни правления Манассии были Ассардан (Асархаддон) (681–669 гг. до Р. Х.) и Ашшурбанипал (669–633 гг. до Р. Х.). В 671 г. до Р. Х. Асархаддон завоевал дельту Нила. В документах обоих царей упоминается Манассия. Асархаддон оставил список двенадцати царей, поставлявших дерево и камень для строительства его дворца в Ниневии. О Манассии здесь говорится как о Манаси царе Яуди (Иудеи). Ашшурбанипал в подобном же списке называет этих царей «принадлежащими мне слугами», добавив, что он заставил их сопровождать его армию в путешествии по их землям и помогать ему войсками и кораблями. Манассия занимает в списке второе место среди царей Сирии и Палестины, следуя за царем Тира[1].

Между 652 и 647 гг. до Р. Х. в Палестине и Сирии произошло восстание против власти Ассирии[2]. Возможно, оно было причиной восстания Манассии, последствия которого были описаны в 2 Пар. 33, 10–13 и упомянуты нами.

Манассию сменил Амон, вернувший идолопоклонство в столицу. Но он быстро пал жертвой заговора, и на трон взошел его сын Иосия, имея восемь лет от роду.

Иосия правил тридцать один год (640–609 (608) гг. до Р. Х.) и был благочестивым царем. Священное Писание говорит о том, что в восьмой год своего царствования он стал прояв-

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 262.
[2] Там же. С. 263.

лять особую ревность к защите веры и явно встал на сторону «Бога Давида, отца своего». Когда же ему исполнилось двадцать лет, Иосия начал активно искоренять идолопоклонство не только в Иерусалиме и Иудее, но и «в городах Манассии, и Ефрема, и Симеона, даже до колена Неффалимова, и в опустошенных крепостях их он разрушил жертвенники... и все статуи сокрушил по всей земле Израильской, и возвратился в Иерусалим» (2 Пар. 34, 3–7).

Историческая наука указывает на то, что такой размах деятельности Иосии, направленной на восстановление веры в Единого Бога, воссоединение народа и территории Израиля, в то время был вполне реален. Шел период радикальных перемен в политическом устройстве тогдашнего мира, период беспорядков в Ассирийской державе, последовавших за смертью преемника Ашшурбанипала Ашшурэтелилани, и период усиления Вавилонского государства. Иосия, оставаясь формальным вассалом Ассирии, подтвердил древние претензии Давида на всю Палестину и взял северные ассирийские провинции (Самарию и Мегиддо) под свой контроль.

В 622 г. (в восемнадцатый год царствования Иосии) началась реконструкция Иерусалимского храма, во время которой первосвященник Хелкия нашел «Книгу Закона». Писец Шафан прочел ее царю Иосии (4 Цар. 22, 1–10), после чего Иосия приказал прочесть эту книгу перед всем народом и во главе народа заключил договор перед Богом, по которому все обязались соблюдать заповеди Божии. Народ одобрил обязательство и обещание Иосии. В результате царь стал еще энергичнее предпринимать меры по искоренению идолопоклонства и поддержанию здоровых религиозных убеждений (4 Цар. 23, 120).

Интересна позиция, проявлявшаяся советской историографией по отношению к деяниям Иосии и факту обнаружения текста Закона. Проиллюстрируем эту позицию на примере высказывания В. И. Авдиева: «При иудейском царе Иосии были проведены реформы, которые имели своей целью смягчить обострившуюся классовую борьбу, чтобы, в конечном счете, внутренне усилить государство. В 622 г. до н. э. было торжественно объявлено о находке в Иерусалимском храме

„Книги Закона“, которая была специально составлена жрецами с целью централизации религиозного культа. В этой книге резко осуждались пережиточно сохранившиеся у иудеев верования и обряды ханаанской религии, „курение на высотах“ (культ гор), поклонение сирийским богам Ваалу и Астарте, почитание природы и небесных светил — солнца, луны, созвездий и „всего воинства небесного“. Одновременно с этим устанавливался единый для всего народа и государства централизованный культ бога Яхве, который следовало совершать в Иерусалимском храме. Таким образом, стремление усилить и централизовать государственную власть нашло свое отражение в попытке централизации государственной религии. Наконец, с целью некоторого, хотя и ограниченного смягчения классовых противоречий в „Книге Закона“ было помещено предписание освобождать попавших в рабство еврейских кабальных должников после шести лет их службы и отпускать их на свободу не „с пустыми руками“, а дав им некоторое имущество. Возможно, что эта „Книга Закона“ с некоторыми добавлениями и изменениями превратилась впоследствии в книгу „Второзаконие“. С этого момента началось оформление иудейского канонического права»[1].

Таким образом, во-первых, сомнению подвергается происхождение книги Второзакония во времена Моисея и, во-вторых, утверждается мысль о фальсификации и подложном происхождении «Книги Закона», найденной в Иерусалимском храме. Однако ни одно из этих утверждений не подкрепляется фактами, являясь лишь умозрительными предположениями. На подобные утверждения Н. Василиадис отвечал следующим образом: «Одни считают, что книга закона, которая была найдена во время реставрации и восстановления храма, была оригиналом Пятикнижия Моисея (см.: 2 Пар. 34, 14), другие — что это лишь одна из книг Пятикнижия, Второзаконие, которая была помещена в ковчеге. Но рационалисты наших дней говорят, что это не была книга закона, так как эта книга якобы более позднего происхождения... Однако Ветхий

[1] *Авдиев В. И.* Указ. соч. С. 341–342.

Завет настаивает, что Второзаконие содержит в себе то, что Бог сказал Моисею, и то, что Моисей сказал народу и что Он постановил (см.: Втор. 1, 1; 5, 1; 27, 1; 29, 1; 31, 1). Таким образом, Второзаконие отнюдь не является книгой более позднего происхождения. К тому же тот факт, что как Иосия, так и народ удивлялись и изумлялись тому, что была найдена „Книга Закона“, доказывает, что эта книга не была им неизвестна. Если бы о ней не знали, то не стали бы принимать этот закон, известный вплоть до 621 г. до Р. Х. Более того, то, что пророк Иеремия, который всегда опровергал ложь, молчал и не обличал это, означает, что это — правда...

Археология свидетельствует: нет ничего невероятного в том, что найденная книга — подлинник Второзакония и что она была помещена в фундаменте храма за сотни лет до этого времени, при Соломоне, когда тот дал приказание построить храм (между 1017–1013 гг. до Р. Х.). Этот вывод можно сделать, поскольку мы знаем из археологических находок, что в то время было принято закладывать важные документы и тексты в фундамент древних зданий, как и в наши дни принято помещать в фундаменты зданий памятные послания и другие вещи. У нас есть данные, что царь Вавилона Набонид (555–538 гг. до Р. Х.), чрезвычайно ревностный идолопоклонник, был еще и археологом! Он раскапывал развалины алтарей и храмов, которые были древними уже в его эпоху, и расшифровывал и переводил древние надписи, которые находил во время этих раскопок. Набонид повествует о своей работе в храме Шамаша в городе Сиппар в Вавилонии. Храм был восстановлен Навуходоносором, но во времена Набонида обветшал. Набонид описывает свою деятельность следующим образом: „Когда я вывез Шамаша из храма и дал ему другое жилище, то снес храм и стал искать надпись в его старом фундаменте. На глубине 18 локтей я нашел фундамент и в нем надпись Нарам-Сина, сына царя Саргона (I), которой не находил ни один правитель до меня за 3200 лет (возраст, конечно, преувеличен; если верить современным датировкам времени жизни Нарам-Сина, документ древнее лишь на 1700 лет. — *Прим. пер.*); Шамаш позволил мне, да, именно мне, его найти“.

Итак, если копия закона была помещена в фундамент храма Соломона (X в. до Р. Х.), что не исключено ввиду вышеописанного случая с царем-археологом Набонидом, то этот список закона следует отнести ко времени более чем за 300 лет до 621 г. до Р. Х. Так наука не соглашается с утверждениями рационалистов»[1].

Царь Иосия погиб в битве против фараона Нехао (Нехо), который шел на помощь царю ассирийскому, запертому вавилонянами в Месопотамии. Иосия желал помешать оказанию помощи своему врагу — Ассирии, но был ранен и умер. Об этом походе Нехао говорится в глиняной табличке, найденной ассирологом С. И. Гэддом. Текст дает основание предположить, что перевод Септуагинты, где сказано, что Нехао выступил «против» побеждаемых ассирийцев (4 Цар. 23, 29), дословно правилен, но при этом надо учесть, что греческое «против» («анти») также часто имеет значение «вместо», «за место», т. е. «от имени», «на стороне». В данном случае снимается противоречие, заключавшееся для исследователей в вопросе: зачем Иосия выступил против фараона, который стремился поразить давнего врага Иудеи — Ассирию? В действительности царь Иудеи мог выступить только против союзника Ассирии.

Нашествие египетского фараона Нехао стоило Иудее независимости. Он сместил сына Иосии Иоахаза, возведенного на трон народом, и поставил вместо него его брата Елиакима, переименовав того в Иоакима. Иудея стала данницей Египта.

Фараон Нехао сохранял контроль над Сирией и Палестиной до тех пор, пока царь значительно усилившейся Вавилонии Навуходоносор не нанес ему поражение в битве при Каркемише (Сев. Сирия) в 605 г. до Р. Х. Иоаким сделался вассалом Навуходоносора, распространившего свою власть вплоть до границ Египта.

Библия говорит о том, что Иоаким был нечестивым царем, забывшим уставы Давидовы. В 599 г. до Р. Х. Иоаким попытался отложиться от Вавилона, но был наказан разграблением Иерусалима. О дальнейшей судьбе этого царя Библия

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 220–221.

говорит неопределенно. В Четвертой книге Царств сказано только, что «почил Иоаким с отцами своими» (4 Цар. 24, 6), а во Второй книге Паралипоменон, что «против него вышел Навуходоносор, царь Вавилонский, и оковал, чтоб отвести его в Вавилон» (2 Пар. 36, 6).

Вместо Иоакима на царство взошел его сын Иехония, который последовал политике своего отца. Недолгим было его царствование. Возбудив подозрение у царя Вавилонского, Иехония был уведен в Вавилон и оставлен в нем в качестве пленника.

В Иудее стал царствовать Седекия, брат Иехонии. Новый царь не слушал слов пророка Иеремии, предрекавшего падение Иерусалима (Иер. 37, 8–10) и тщетность надежд на союз с Египтом (Иер. 37, 5, 7). Но «не обратился к Господу, Богу Израилеву» Седекия. «Да и все начальствующие над священниками и над народом много грешили, подражая всем мерзостям язычников, и осквернили дом Господа, который Он освятил в Иерусалиме» (2 Пар. 36, 11–14).

Седекия был возведен на трон вавилонянами и сначала старался проводить политику, угодную Вавилону. Однако, поскольку территория Иудеи была сильно урезана и права страны ущемлены, в Иудее стала крепнуть партия противников Вавилона, которая, наконец, склонила Седекию заключить союз с Египтом и восстать против власти Навуходоносора. Это произошло в 588 г. до Р. Х., в год восшествия на трон фараона Априя (588–568 гг. до Р. Х.). Реакция последовала незамедлительно. Страну постигло страшное опустошение, активная жизнь и торговля пресеклись, Иерусалим и его храм были разрушены, как и многие другие города Иудеи.

Вавилонские хроники сообщают о том, что в седьмой год своего правления (598 г. до Р. Х.) Навуходоносор повел армию в страну Хатти (Сиро-Палестина) и осадил Иерусалим. Он завладел городом во второй день двенадцатого месяца седьмого года (середина марта 597 г. до Р. Х.) и пленил царя[1]. Ряд территорий, в том числе города Лахиш и Азика, сопротивлялись до 586 г. до Р. Х. Этот год стал последним годом для Иудейского царства.

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 270–271.

В плен был уведен не только царь Седекия, которого ослепили и чьи сыновья были зарезаны в присутствии их отца. В плен вавилонский было уведено большинство иудеев. Многие бежали в Египет. Страна опустела. Целый народ на семьдесят лет лишился своей родины, став рабом и поселившись в Междуречье.

Известен древний народный псалом, доныне хранимый христианской церковью и исполняемый за православным великопостным богослужением: «На реках Вавилонских, там мы сидели и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах посреди него повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песен, и притеснители наши ждали веселья: „Воспойте нам от песней Сионских“. Как воспоем песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим,— пусть будет забвена десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не положу Иерусалима во главу веселья моего. Помяни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: „Разрушайте, истощайте его до основания“. Дочь Вавилонская, окаянная! Блажен тот, кто воздаст тебе по делам твоим тем же, что и ты сотворила нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс. 136).

Таким образом, сполна сбылись пророчества Исайи, а также и пророчества Иеремии от Бога, сказавшего царю Седекии: «Так говорит Господь, Бог Израилев... вот, Я отдаю город сей в руки царя Вавилонского, и он сожжет его огнем. И ты не избежишь от руки его, но непременно будешь взят... и пойдешь в Вавилон... Вот, Я дам повеление, говорит Господь, и возвращу их к этому городу, и они нападут на него, и возьмут его, и сожгут его огнем, и города Иудеи сделаю пустынею необитаемою» (Иер. 34, 1–7, 18–2).

«Археология устами знаменитого американского ученого Олбрайта свидетельствует: результаты археологических раскопок достаточно убедительны и доказывают, что многие города были разрушены в начале VI в. до Р. Х. и больше не за-

селялись; другие были разрушены после (в течение) долгого периода запустения. Не было ни одного случая, чтобы какой-нибудь иудейский город был населен непрерывно в течение всего периода плена»[1]. Дж. Э. Райт отмечал: «...Мы можем не сомневаться в том, что разорение было ничуть не меньшим, чем об этом говорится в книге Плач Иеремии. О жестокости нападавших свидетельствуют не только материалы раскопок Лахиша, Давира и Вефсамиса, но и то обстоятельство, что многие города опустели именно в это время, причем многие из них уже никогда не заселялись людьми. Что до страны, то она вновь наполнилась людьми и достигла относительного процветания только через два столетия»[2].

Н. Василиадис завершил повествование об этом периоде истории избранного народа следующими словами: «Прошло около 1500 лет с того времени, как Авраам по повелению Божию покинул свою родину — Ур Халдейский и поселился в Ханаане. Теперь, 1500 лет спустя, потомки Авраама возвратились в Ур, но не свободными, а пленниками халдеев! <...>

Занавес истории опустился над разрушенным Ханааном. Богоизбранный народ был призван пройти „великую школу“ вавилонского плена. Там он получил множество полезных уроков»[3].

Если об израильских пленниках в Ассирии известно очень немного, то об иудеях в Халдее информации достаточно. Большинство ученых сходятся во мнениях о том, что Иудея пережила три переселения народа в Вавилон Навуходоносором. Первое датируется 605 г. до Р. Х. Среди пленных был и пророк Даниил, о котором речь впереди. Тогда Навуходоносор разбил фараона Нехао и усмирил восставшие города Сирии и Палестины, в том числе и Иерусалим. Но, не развив успеха, он был вынужден вернуться в Вавилон, чтобы занять трон своего умершего отца Набопаласcара, который и послал Навуходоносора смирить восставших. Второе переселение произошло в 597 г. до Р. Х. Как мы уже говорили,

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 228.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 275.
[3] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 228.

тогда в плен был уведен царь Иоаким, многие знатные люди и с ними пророк Иезекииль. Пророк Иеремия писал и передавал изгнанникам послания, в которых наставлял их основательнее устраиваться на новом месте, рождать детей, образовывать семьи и продолжать род, храня веру отцов в Единого Бога, ибо пребывание на чужбине будет долгим и не все вернутся назад (Иер. 29, 5–7). Третье переселение датируется 587–586 гг. до Р. Х., когда Навуходоносор сжег Иерусалим и разрушил храм, увезя все его сокровища в Вавилон. Пророк Иеремия был среди тех, кто бежал от захватчиков в Египет.

Переселенцы первой волны были размещены в области реки Ховар. К ним же присоединились и следующие две волны, расширяя регион иудейского поселения. Больше всего археологических сведений о переселенцах дает район древнего Ниппура[1]. Город располагался в 110 км юго-восточнее Вавилона и имел связь со столицей посредством водного канала, который именовался «набу Кабари», или «нехар Кебар», что и означает «река Ховар», на которую приходил проповедовать слово Божие пророк Иезекииль, который сам следующим образом описывал это: «...И услышал я глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! ...Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их изменники предо Мною до сего самого дня... к ним Я посылаю тебя, и ты скажешь им: „Так говорит Господь Бог!“ Будут ли они слушать или не будут, ибо они мятежный дом; но пусть знают, что был пророк среди них... И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И Он развернул его предо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: „плач, и стон, и горе“... И Он сказал мне: ... не к народу с речью невнятною и с непонятным языком ты посылаешься, но к дому Израилеву... не к народам многим... да если бы Я послал тебя и к ним, то они послушались бы тебя. А дом Израилев не захочет слушать тебя, ибо они не хотят слушать Меня, потому что дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем...

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 233–236.

Встань и пойди к переселенным, к сынам народа твоего, и говори к ним, и скажи им: „Так говорит Господь Бог!“ <...> И пришел я к переселенцам в Тель-Авив („холм колосьев“), живущим при реке Ховаре, и остановился там, где они жили, и провел среди них семь дней в изумлении» (Иез. 3).

Цитирование библейского текста нами произведено не только лишь для того, чтобы представить указание на место пребывания израильских переселенцев, но также и с целью пояснения духовного состояния народа, как его оценивал Сам Господь, а вслед за ним и Его пророк, которое, собственно, и явилось причиной «плача, и стона, и горя» народного. Плен же, в свою очередь, послужит средством избавления народа от духовной болезни неверия и жестокосердия, при помощи которого Бог стремился добиться исправления Своего народа.

Плен вавилонский нельзя было сопоставить с более тяжким рабством египетским. В Вавилонии народ имел местное самоуправление, своих старейшин, пророки могли свободно перемещаться и проповедовать слово Божие, не испытывая гонений, за исключением притеснений от тех, к кому были обращены их обличительные речи.

Итак, рассмотрев весьма кратко историю Израильского и Иудейского царств в XI–VI вв. до Р. Х., мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, необходимо констатировать яркое проявление согласованности между информацией, предоставляемой археологической наукой, и сведениями, содержащимися в библейских текстах. Содержание Ветхого Завета подтверждается, дополняется и уточняется данными археологии. Множество этих данных осталось нами не рассмотрено.

Во-вторых, библейская история царств пронизана главной идеей, которая красной нитью проходит сквозь все повествование. Это идея веры и верности Единому Богу. Удачны периоды истории, освященные добрым правлением праведных пред Богом царей, которые и народ свой стремились извлечь из бездны идолопоклонства. Дни царствования этих монархов благословлены Богом и благоуправлены Им. Ради них дается счастье и их потомкам, если те не согрешают явно и дерзко.

И наоборот, те цари, чье правление было самонадеянно, чье сердце далеко отстояло от Бога, а дела соблазняли народ, уготовляли страну для разорения. Разорители же служили вразумляющим бичом в руке Божией.

Пророки Ветхого Завета

1. Понятие о ветхозаветных пророках и их служении

Не раз в процессе изложения предыдущего материала мы сталкивались с понятием «пророк» и с деяниями некоторых из пророков Ветхого Завета. Очевидно, что пророки играли значительную роль в жизни избранного народа. Они действовали в истории обоих царств — как Израильского, так и Иудейского. Рассматривая Библию в качестве исторического источника, мы обращали внимание на то, что в Священном Писании Ветхого Завета содержится целый ряд пророческих книг, т. е. книг, повествующих от имени пророков и содержащих описания их деяний во время исполнения ими своего служения. Напомним, что Ветхий Завет включает в себя книги четырех великих (Исаии, Иеремии, Иезекииля и Даниила) и двенадцати малых (Осии, Иоиля, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Софония, Аввакума, Захарии, Малахии, Аггея) пророков.

Под именем «пророк» подразумеваются, во-первых, люди, предсказывающие будущее, и, во-вторых, возвещающие слово назидания и утешения по особому внушению Святого Духа (1 Кор. 14, 3)[1]. В Библии все пророки называются «наби» («нави»)[2]. Славянский термин «пророк» (от «прорекать», «изрекать», «рещи», т. е. говорить), являющийся переводом греческого prophetes (предсказатель, прорицатель, пророк,

[1] *Библейская энциклопедия.* Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990. С. 583.

[2] *Краткие* комментарии к книгам Ветхого Завета // Библия. Брюссель, 1989. С. 1987.

предвещатель)[1], соответствует по своему значению еврейскому «наби» (от «нава» — источать, предсказывать, говорить одушевленно, вещать[2]).

Авторы комментариев к книгам Ветхого Завета, содержащихся в брюссельском издании Библии, утверждали: «По всей вероятности, этот глагол связан с корнем, означающим „звать, возвещать“. Таким образом, „наби“ является *либо тем, кто призван, либо тем, кто возвещает*; и тот и другой смысл этого понятия приводит нас к пониманию сущности ветхозаветного пророческого служения. Пророк — вестник или истолкователь божественного слова. Это ярко выражено... в книге Исход: Аарон будет истолкователем Моисея, как если бы он был его „устами“, а Моисей будет его вдохновителем „вместо Бога“ (Исх. 4, 15–16); для фараона Моисей будет „Богом“, а Аарон его „пророком“, „наби“ (Исх. 7, 1). Этому созвучны слова Ягве к Иеремии: „Я вложил слова Мои в уста твои“ (Иер.1, 9). Пророки, сознавая божественное происхождение своей проповеди, начинают ее словами: „Так говорит Ягве...“ И далее: „Однажды они услышали властный призыв Божий (Ам. 7, 15; Ис. 6), Господь избрал их своими вестниками...“»[3].

Необходимо заметить, что сам по себе термин «наби» («пророк») является нейтральным, т. е. не выражающим ни направленности содержания проповеди, ни ее формы, ни того, от чьего имени говорит пророк. Отсюда, не раз читая Ветхий Завет, мы замечаем, что пророками называются не только слуги Божии, но также и слуги диавола, языческих божеств, идолов. Э. Нюстрем поясняет: «Когда Дух Божий совершенно овладевает человеком, так что он не сам говорит или действует, а Дух говорит и действует через него, тогда и речь и действия того человека называются пророчествованием. Если, с другой стороны, злой дух настолько овладевает человеком, что он действует или говорит по вдохновению этого

[1] *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2001. С. 258; *Дьяченко Г., протоиерей.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2001. С. 512.

[2] *Дьяченко Г., протоиерей.* Указ. соч. С. 512.

[3] Там же. С. 1987–1988.

духа, то и это в Библии носит название пророчествования. Так в 1 Цар. 18, 10 написано, что Саул, когда злой дух от Бога (т. е. по попущению Божию, ибо бесы не могут самовольно овладевать человеком и искушать его. — *Свящ. С. К.*) напал на него, бесновался (по-еврейски — „пророчествовал“) в своем доме; он поступал как сумасшедший: бросал копьем в Давида, намереваясь пригвоздить его к стене — и об этом сказано, что он „пророчествовал“, т. е. действовал по вдохновению.

В 3 Цар.18, 29 то же слово обозначает поступок пророков Ваала: они стали кричать громким голосом и кололи себя ножами и копьями, так что кровь лилась по ним; прошел полдень, а они все еще „пророчествовали“ (русский перевод — „бесновались“).

Сравните рассказ в 1 Цар. 19, 20 и далее, где говорится, что Саул послал слуг взять Давида. Слуги увидели сонм пророков пророчествующих (играющих, поющих и танцующих. — *Свящ. С. К.*) и Самуила, начальствующего над ними; Дух Божий сошел на них, и они стали пророчествовать (не смогли исполнить волю царя, но тоже стали петь гимны Богу вместе с пророками. — *Свящ. С. К.*). Саул послал еще два посольства. В итоге — те же результаты. Тогда Саул пошел сам в Раму; и вот Дух Божий сошел также на него; он снял свою одежду „и пророчествовал перед Самуилом и весь день тот и всю ночь лежал неодетый“.

Следовательно, мы видим, что слово „пророчествовать“, кроме общеизвестного значения: 1) говорить от имени Господа людям в назидание, увещание и утешение (1 Кор. 14, 3 и далее) и 2) предсказывать сокрытое и будущее (Мат. 26, 68; 1 Кор. 13, 2; Иуд. 14) также может обозначать: 3) петь или играть (от имени или во имя кого-то. — *Свящ. С. К.*) и 4) поступать ненормально (необычно, юродиво. — *Свящ. С. К.*) по вдохновению от доброго или злого духа»[1].

Итак, весьма важно иметь в виду, *чей* именно пророк предстоит перед нами, *от чьего имени* он пророчествует. В Библии часто пророки, не служащие Богу и вещающие не от Его име-

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 359.

ни, называются «лжепророками». Например, израильский царь Ахав, желая убедить своего союзника царя иудейского праведного Иосафата совместно идти против Сирии и зная, что тот не предпримет никаких действий, не испытав о том воли Божией, призвал 400 лжепророков. Все из них предрекли успех будущему походу. Но это не были пророки Господни, т. е. пророки Иеговы, Единого Бога. Ахав был идолопоклонником. Он сказал Иосафату: «Есть еще один человек, через которого можно вопросить Господа; но я не люблю его, потому что он не пророчествует обо мне доброго, а постоянно пророчествует худое; это Михей, сын Иемвлия». Естественно, что пророк Божий не мог говорить доброе о идолопоклоннических устремлениях царя израильского. Поэтому Ахав вопросил его только лишь ради Иосафата, поклонявшегося Богу, а не идолам, и, возможно, по настоянию оного. К Михею был послан гонец со словами: «Вот пророки единогласно предрекают доброе царю; пусть бы и твое слово было такое же, как и каждого из них: изреки и ты доброе». На что Михей отвечал: «Жив Господь — что скажет мне Бог мой, то изреку я». На вопрос Ахава об исходе задуманного предприятия Михей отвечал: «Я видел всех сынов Израиля, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря, — и сказал Господь: „Нет у них начальника, пусть возвращаются каждый в дом свой с миром“». Далее, в ответ на возмущение Ахава, указывавшего на пророчества четырехсот других пророков, говоривших против одного пророчества Михея, Божий пророк ответил: «Я видел Господа... И сказал Господь: „Кто увлек бы Ахава, царя Израильского, чтобы он пошел и пал в Раме Галаадском?“ <...> И выступил один дух, и стал пред лицом Господа, и сказал: „Я увлеку его“. И сказал ему Господь: „Чем?“ Тот сказал: „Я выйду и буду духом лжи в устах всех пророков его“. Господь сказал: „...Пойди и сделай так“. И вот теперь попустил Господь духа лживого в уста всех сих пророков твоих, но Господь изрек о тебе недоброе... Если ты возвратишься в мире, то не Господь говорил чрез меня». Ахав приказал посадить Михея в темницу до своего возвращения из похода. Но из похода вернулось лишь бездыханное тело царя, а войско его, потерпев поражение, разбрелось по домам, как и предсказал пророк Божий» (3 Цар. 22, 1–40; 2 Пар. 18).

На данном примере становится очевидным, кто такой «лжепророк» и кто такой «пророк Божий». Лжепророк пророчествует не от себя лично, но он пророчествует и не от Бога.

Итак, пророк вообще — это тот, кто призван на особое служение с целью возвещать от имени призвавшего его. Однако, говоря о пророках Ветхого Завета («ветхозаветных пророках»), практически всегда имеют в виду именно пророков Божиих.

Каким образом Бог призывает Своих пророков на служение? «Божие призвание может сообщаться пророку по-разному — в видении (например, Исаие, Иезекиилю, Даниилу, Захарии. — *Свящ. С. К.*) (Ис. 6; Иез. 12, 8; Дан. 8–12; Зах. 1–6), реже в ночном сновидении (например, тем же Даниилу, Захарии; в книге Чисел от имени Бога сказано: „Слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним“. — *Свящ. С. К.*) (Дан. 7; Зах. 1, 8; Чис. 12, 6), через слуховое восприятие, но чаще всего через внутреннее вдохновение. Соответственно этому часто повторяются выражения: «Было ко мне слово Ягве...»[1] Например, через внутреннее откровение (вдохновение) Бог обращался к Моисею: «Я открываюсь... в видении, во сне говорю... Но не так с рабом Моим Моисеем... Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит...» (Чис. 12, 6–8).

Пророк Исаия, называемый «одним из величайших пророков ветхозаветных»[2] и «особенно знаменитым среди иудейских пророков»[3], был призван на служение посредством первого из указанных образов призвания — через видение. Священное Писание от имени Исаии сообщает: «Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они

[1] Краткие комментарии к книгам Ветхого Завета // Библия. С. 1988.
[2] *Библейская* энциклопедия. С. 300.
[3] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 228.

друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами,—и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа! Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий угль, который он взял клещами с жертвенника. И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я казал: вот я, пошли меня. И сказал Он: пойди, скажи этому народу... ибо огрубело сердце народа сего, и очи свои сомкнули... и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6, 1–13).

«Горящий угль» в данном случае выражает собой Божий дар пророческого слова. Даже Серафим, чье имя, выражающее сущность, с еврейского языка переводится как «огненный, пламенный», держал этот «угль» клещами, не смея прикоснуться к нему рукой. Это говорит об особой избранности Исайи, об особой ответственности перед Богом обладателя этого дара и о том, что этот дар велик и благ, если им воспользоваться правильно, и опасен, если воспользоваться им неподобающим образом.

Вспомним известное произведение великого русского поэта, и нам станет понятно, какие мотивы побудили автора к его написанию:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.
Перстами, легкими как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я Неба содроганье,
И горний Ангелов полет,

И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую воздвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Не только призвание Исайи-пророка, но и другие сюжеты Священного Писания, Священного Предания и образы христианских молитв были положены А. С. Пушкиным в основу его литературных творений.

Замечательным является то, что история древнеизраильского народа настолько насыщена присутствием пророков и пророчеств, так дышит пророческим словом, что народ—носитель этой истории—становится как бы пророком среди других ветхозаветных народов земли. Это так, потому что Священное Писание, важной частью которого является Ветхий Завет, дает людям не только правила нравственности и духовной жизни, но также указывает и на смысл исполнения этих правил, раскрывая «еще более решающую реальность, имя которой—мессианизм»[1].

Академик Даниэль-Ропс обращает внимание приступающих к изучению Священного Писания на то, что «в одаренном свыше сознании избранного народа эти великие данные не остались в отвлеченном состоянии: они подлинно воплотились, стали живыми в некоем Существе. Это Существо—

[1] *Даниэль-Ропс.* Общее введение в Священное Писание // Библия. С. 13.

Мессия (Иисус Христос.— *Свящ. С. К.*). Он одновременно и архетип человека и Возвеститель воли Божией, сверхприродный Виновник откровения и спасения... Его уже прозревали патриархи, и слава царей была как бы прообразом Его славы; пророки предвозвещали Его многообразно, и упование на Него наполняло сердца израильтян в горчайшие дни бедствий, дабы не впали они в отчаяние. Действительно, сколько событий Ветхого Завета обретают свой истинный смысл только в этом освещении... При чтении Ветхого Завета возникает такое представление: Бог, избрав один народ среди многих, руководя им постепенно и милосердно, испытывая его крайними бедствиями, но неизменно возвращая надежду, восхотел, чтобы сверхприродное Существо, через Которое будет дано миру окончательное Откровение, могло... „произрасти" в душе Израиля прежде, чем воплотиться от Девы Марии. *Все книги Ветхого Завета... сходятся к одному событию: воплощение Сына Божия*. Но не случайно и то, что в роковых глубинах израильского народа, в самых законных требованиях его, в отношениях к окружающему и совершающемуся уже предначертано отвержение Мессии Израилем, ибо последствием этого отвержения явилась жертва Мессии и искупление Кровию Его»[1]. Поэтому Бог говорит Исаие и через Исаию: «Пойди и скажи этому народу: слухом услышите—и не уразумеете, и очами смотреть будете—и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего... И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее» (Ис. 6, 9–13). «Святое семя»—это преданные Богу люди, через которых впоследствии пришел и вочеловечился Бог, Которого мы знаем как Мессию Христа и о Котором пророчествовал весь Ветхий Завет. В данном случае «Святым семенем» можно назвать и Самого Христа, ибо от Него далее произошел новозаветный избранный народ.

[1] *Даниэль-Ропс*. Указ. соч. С. 14.

Только в контексте ожидания Мессии-Спасителя, Избавителя от смерти, греха, ада, можно правильно понять смысл, предназначение и основную идею Ветхого Завета. Только в этом контексте можно увидеть, что все вместе взятые ветхозаветные пророки являются звеньями одной цепи, а их проповеди, каждое внося свой определенный вклад, сливаются в единое учение. Это и понятно, так как все ветхозаветные пророки питались от Единого Источника—Бога. Он вдохновлял их, определяя каждому свою задачу и свое место в этой цепи.

В служении ветхозаветных пророков можно выделить три основных элемента: монотеизм, морализм, ожидание Спасителя[1]. Как правило, совокупность этих элементов характеризует деятельность большинства пророков. Однако при этом каждому из них лично бывает присущ тот или иной из элементов более, нежели другие.

Суть монотеизма пророков заключается не только в утверждении служения Единому Богу, тогда как другие народы служили многим «богам», но и в показе того, что Он есть Бог над всеми, Он управляет судьбами и тех народов, которые Ему неверны, сообразуясь с их волеизъявлением (Ам. 9, 7; 1–2; 6–11; Иер. 27, 5–8; Исх. 7, 18–20; 10, 12; –23).

Морализм пророков основан на Десятисловии (десяти заповедях) Моисея. Но не только. «Одновременно с этим углубляется и понимание религиозной жизни. Надо „искать Бога". <...> Бог требует *внутренней праведности*»[2].

Ожидание спасения связано с предсказаниями «эры великого счастья: изгнанники Израиля и рассеянные иудеи (Ис. 11, 12–13) вернутся в Святую землю, и наступит период благоденствия (Ис. 30, 23–26; 32, 15–17). Но главное заключается не в материальном (социальном) благополучии и могуществе...» Установлению Царства Божия, Царства Правды и святости (Ис. 29, 19–24) «должны предшествовать *внутреннее обращение*, *Божие прощение* (Иер. 31, 31–34) и *богопознание* (Ис. 2, 3; 11, 9; Иер. 31, 34)»[3].

[1] *Краткие* комментарии... С. 1990.
[2] Там же. С. 1991.
[3] *Краткие* комментарии... С. 1992.

Коль все пророки — звенья одной цепи и их пророчества питаются от Единого Источника, то служение их разнится лишь силой проповеди, ее адресной направленностью (цари, народ, священство, иудеи, израильтяне, ниневитяне и т. д.), ее методами и средствами, образом призвания на служение, что связано прежде всего с конкретными историческими условиями, проявлениями религиозно-нравственной жизни, а также непосредственно со свойствами личности каждого пророка. Служение это скреплено единством целей деятельности всех ветхозаветных пророков.

Цели эти следующие. Во-первых, «поддержание истинной веры и благочестия, обуздание порока и пробуждение раскаяния среди таких обстоятельств, когда недостаточны и бессильны были наставления священников и левитов», во-вторых, «поддержание веры в высокое нравственно-религиозное назначение иудеев — быть хранителями истинного Боговедения, быть носителями обетованного семени грядущего Искупителя человеческого рода, каковое назначение нередко затемнялось в сознании народа при упадке благочестия и среди смутных гражданских обстоятельств и бедствий народных»[1].

Поэтому религию Ветхого Завета, веру в Единого Бога Творца, веру Авраама, Исаака и Иакова ни в коем случае нельзя рассматривать как духовно-нравственное и культурно-историческое достояние одного единственного народа, одной нации. Это достояние всего человечества, вверенное на хранение избранному народу. Миссия этого народа состояла в том, чтобы не только сохранить его, но и, посредством определенного промысла Божия, сделать его достоянием всего мира, подготовив его к принятию Спасителя.

Известный дореволюционный исследователь Священного Писания, автор «Обозрения пророческих книг Ветхого Завета» А. Хергозерский назвал обещанного Богом еще Адаму и Еве Мессию-Спасителя «Сосредоточием и Целью всего Ветхого Завета»[2]. Он писал: «Пророки изобразили Его происхождение

[1] *Хергозерский А.* Обозрение пророческих книг Ветхого Завета. М., 1998. С. 5.

[2] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 5.

от Давида (Ис.11, 1–3; Иер. 33, 15–16; 23, 5–6; 34, 23–24), рождение от Девы (Ис. 7, 14) в Вифлееме (Мих. 5, 2); у них обозначено время Его рождения седьминадесятью седминами (490 лет. — *Свящ. С. К.*) от восстановления Иерусалима после плена Вавилонского (Дан. 9, 25–27); показаны начало и успехи Его проповеди в Галилее (Ис. 9, 1–2), Его чудеса (Ис. 35, 3–6), вшествие в Иерусалим на жребяти осли (на осленке. — *Свящ. С. К.*) (Зах. 9, 9), предание за 30 сребренников (Зах. 11, 12–13), страдания, Воскресение и утверждение Его Царства (Ис. 50, 6; 53, 1–10; Ос. 6, 2; Ис. 2, 2–4; 49, 6; Мал. 1, 10–11; 3, 1; Аг. 2, 8) и проч. Посему-то апостол Петр, указывая иудеям на время рождения, проповеди, распятия, Воскресения и вознесения Спасителя, сказал: *„Вси пророцы от Самуила и иже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия“»* (Деян. 3, 24)[1]. Апостол Павел говорил: «Получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя... ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет. То есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу иудейскому и язычникам» (Деян. 26, 22–23).

Смысл высказывания А. Хергозерского состоит в том, что если собрать воедино все слова, изреченные всеми ветхозаветными пророками об Иисусе Христе, то из их отдельных пророчеств составится цельная картина земной жизни и подвига Спасителя. И это несмотря на то, что пророки жили в разные времена (их порой разделяли столетия), в разных местностях. Кто-то из них обращался к теме Рождества Христова, кто-то — к теме Его смерти и Воскресения и т. д. И все это за столетия до Благовещения.

2. Знаменитые пророки

О деяниях ветхозаветных пророков можно повествовать долго и увлеченно. Их истории интересны, красноречивы, поучительны, увлекательны и часто трагичны. Нередкое от-

[1] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 5–6.

вержение царями, народом самих пророков и их пророчеств проистекало от неготовности выслушать и принять обличения в неправедности, из жестокосердия, несмирения и упорствования в своих грехах.

Воспользуемся описанием жизни и деятельности некоторых пророков в пересказе для детей протоиерея Серафима Слободского[1], иногда сопровождая его некоторыми комментариями (полное и оригинальное описание содержится в соответствующих местах Библии).

Пророк Илия (3 Цар. 17–19; 22; 4 Цар. 1–2)

«Пророк Илия жил при самом нечестивом израильском царе Ахаве, который поклонялся идолу Ваалу (солнцу) и принуждал к тому же свой народ.

Илия пришел к Ахаву и от имени Бога объявил ему: „За твое нечестие в эти годы не будет ни дождя, ни росы, разве только по моей молитве“.

Так и случилось. Началась страшная засуха, даже трава погибла, и настал голод. Илия, по воле Божией, поселился в пустыне у одного ручья, куда ворон приносил ему хлеб и мясо, а воду он брал из ручья.

Когда ручей высох, Бог повелел пророку идти в языческий город Сарепту Сидонскую к одной бедной вдове и жить у нее. У этой вдовы оставалась только одна горсть муки и немного масла. Придя в Сарепту, Илия велел ей испечь для него лепешку и обещал, что мука и масло не будут убывать, пока не даст Господь дождя на землю. Женщина поверила пророку Божию и сделала так, как он сказал ей. Мука и масло у нее не убывали. Вскоре у этой вдовы заболел и умер сын. Пророк Илия трижды помолился над ним — и мальчик ожил.

Три с половиной года продолжалась засуха. Илия, по повелению Божию, снова пришел к Ахаву и предложил ему собрать израильский народ на горе Кармил. Когда Ахав собрал народ, Илия сказал: „Довольно вам быть в нечестии. Познайте истинного Бога. Давайте принесем жертву: вы — Ваалу, а я — Господу Богу, но огня не будем подкладывать. Кто пошлет с неба огонь на жертву, Тот и есть истинный Бог“. Все согласились.

Первыми стали приносить жертву жрецы Вааловы. Они приготовили жертвенник, положили на него тельца и целый день около него скакали и кричали: „Ваал, Ваал, услыши нас!“ Но ответа не было. Наступил вечер. Тогда Илия приготовил жертвенник, выкопал кругом его ров, положил на жертвенник тельца и велел поливать жертву водой так, что ею наполнился ров. Потом Илия обратился с молитвой к Господу. И тотчас сошел с неба огонь Господень и попалил не только дрова и жертву, но уничтожил и воду, наполнявшую ров, и камни, из которых был сложен жертвенник. Весь народ в страхе пал на землю и воскликнул: „Господь есть Истинный Бог, Господь есть Истинный Бог“.

После этого Илия взошел на вершину горы и стал молиться о дожде. Подул с моря ветер, показались на небе большие тучи, и пошел сильный дождь.

Царица же Иезавель, жена Ахавова, несмотря на чудеса, продолжала преследовать Илию за то, что он предал смерти всех жрецов Валовых. Илия скрылся в пустыне. Ему казалось, что он только один остался верным Богу и его хотят убить. Он совсем пал духом. Но Господь ободрил его, явившись ему, когда Илия ночевал в пещере горы Хорива.

Голос Божий сказал ему: „Илия! Выйди и стань на горе пред лицом Господним“.

И вот подул большой, сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы. Но в этом ветре не было Господа.

Потом было землетрясение, но в землетрясении тоже не было Господа.

Потом появился огонь, но и в огне не было Господа.

После всего было веяние тихого ветра, и там был Господь.

Господь утешил Илию и сказал, что среди израильтян есть еще семь тысяч человек, которые не кланялись идолам, и что Он воздвигнет среди них после него пророка Елисея, которого и повелел помазать.

[1] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 216–240.

Это явление Господа показало Илие, что Господь не только карающий и грозный Судия, но и милующий и добрый Отец. Явление это также прообразовало собой пришествие на землю Иисуса Христа, явившегося не для того, чтобы судить и наказывать, но чтобы помиловать и спасти людей.

Илия, согласно указанию Божию, помазал в пророки Елисея, который стал потом учеником его. Однажды, когда они шли вместе, Илия сказал Елисею: „Пока я с тобой, проси меня, о чем хочешь“.

Елисей ответил: „Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне“.

Илия сказал: „Многого ты просишь, но если увидишь, как я буду взят от тебя, то получишь“.

Они пошли дальше. Вдруг явилась огненная колесница с огненными конями, и Илия понесся в вихре на небо.

Елисей, видя это, воскликнул: „Отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его“.

Эти слова пророка Елисея означали, что святой пророк Илия своими молитвами защищал царство израильское от врагов лучше, чем все его воинство израильское — колесницы и конница его.

В это время к ногам Елисея упала милоть, то есть верхняя одежда Илии. Елисей поднял ее и с ней получил двойной дар пророческий».

Пророк Иона (Книга пророка Ионы)

«Пророк Иона жил после пророка Елисея. Однажды Господь повелел ему идти в языческий город Ниневию, столицу ассирийского царства, и возвестить жителям этого города, что Господь погубит их, если они не покаются. Но Иона не захотел идти с проповедью к врагам народа израильского и не послушался голоса Божия. Он сел на корабль, который отправлялся в другую страну. Но вдруг на море поднялась сильная буря. Кораблю стала угрожать гибель. Все бывшие на нем испугались. Корабельщики решили бросить жребий, чтобы узнать, из-за кого постигло их такое бедствие. Жребий

пал на Иону. Иона признался в своем грехе и сказал: „Да, я согрешил пред Господом! Бросьте меня в море, и буря утихнет“. Когда его бросили в море, буря утихла. По изволению Божию, пророка поглотила огромная рыба, которая в Библия названа большим китом. Иона три дня и три ночи пробыл во чреве кита, молясь Богу о помиловании. Здесь Господь явил особенную Свою славу, Он сохранил его невредимым во чреве кита и помиловал.

Через три дня кит выбросил пророка живым на берег. После этого Иона пошел в Ниневию для исполнения воли Божией. Целый день он ходил по городу и проповедовал всем, говоря: „Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена!“ Жители поверили его словам. Они вместе с царем наложили на себя пост, стали молиться и приносить покаяние в своих грехах. И Господь помиловал их.

Но Иона возроптал на такое милосердие Божие и просил себе смерти у Бога. Вероятно, он думал, что теперь его сочтут за ложного пророка.

Господь же и на этот раз вразумил Иону. Перед палаткой, которую Иона устроил для себя близ Ниневии, в одну ночь выросло большое растение и защищало его от солнечного зноя. Но на другой день червь подточил это растение, и оно засохло. Иона очень горевал и сожалел о засохшем растении.

Тогда Господь сказал ему: „Ты сожалеешь о растении, над которым не трудился и которого не растил. Так Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой (т. е. не умеющих отличить добра от зла. — *Свящ. С. К.*), и множество скота?“

Трехдневное пребывание пророка Ионы во чреве кита и чудесное спасение его было прообразом трехдневной смерти и воскресения Христа Спасителя».

История пророка Ионы наглядно иллюстрирует то, каким тяжким крестом для человека являлось пророческое служение. Как трудно было самому избраннику полностью уверовать в то, во что, казалось бы, невозможно поверить, и при этом принять все, что Бог пошлет. Иона бежал от своего призвания,

страшась его, панически боясь идти в Ниневию к ассирийцам. Но, покаявшись, был вынужден это совершить. Вспомним пророка Моисея, который умолял Бога послать к израильтянам и фараону кого угодно, но только не его — слабого и недостойного человека.

Что касается возможности пребывания Ионы «во чреве китовом», протоиерей Серафим писал, что данное повествование не может являться аллегорией (иносказанием), «как это нравится предполагать критикам. Ибо ведь, если сказано только в аллегорическом смысле, что Иона находился во чреве кита, тогда следует заключение, что и пребывание Христа в сердце земли в течение трех дней и трех ночей тоже имеет значение только аллегории». Ведь Иона во чреве кита — это прообраз Христа, сошедшего во ад. «Тут мы имеем снова пример того, — пишет о. Серафим, — как отрицание Ветхого Завета прокладывает путь к отрицанию Самого Христа и Его слов. Отрицать историю с пророком Ионой равносильно отрицанию всего Священного Писания, а это значит — отказаться от веры».

Мнение священнослужителя, преданного своему служению, понятно. Но имеет ли наука точку зрения по этому поводу? На еврейском языке кит именуется «танин». В Библии же существо, поглотившее Иону, именуется «даг», т. е. большой рыбой или «чудовищем глубин». Церковная традиция на протяжении 1500 лет упорно свидетельствует о том, что это был «морской зверь». Например, в ирмосе 6-й песни пятничного канона 8-го гласа говорится: «Водного зверя во утробе, длани Иона крестовидно распростер, спасительную страсть проображаше яве» (т. е. Иона распростер крестообразно руки, чем прообразовал крестные страдания Христа, через которые был спасен мир). В 6-й песне канона вторника 5-го гласа сказано: «Якоже пророка от зверя избавил еси, Господи, и мене из глубины неодержимых страстей возведи, молюся»[1].

Исходя из этого протоиерей Серафим пытался рассмотреть принципиальную возможность пребывания человека во чреве как зверя, так и рыбы. Он писал: «Наука нам указывает, что существуют разнообразные породы китов. ...Есть киты, не имеющие зубов, но снабженные „китовым усом“. Среди такого типа китов есть киты, называющиеся „Фин-Бак“. Эти киты бывают до 88 футов длины. Желудок такого кита имеет от 4 до 6 камер или отделений, причем в любом из них могла бы свободно поместиться небольшая группа людей. Этого рода киты дышат воздухом, имеют в голове воздушную запасную камеру, являющуюся расширением носовых полостей. Прежде чем поглотить большой предмет, кит „Фин-Бак“ проталкивает его в эту камеру. В случае если в голове этого кита окажется слишком большой предмет, то он плывет к ближайшей суше, ложится на мелкие воды и выбрасывает ношу.

Ученый доктор Рансон Гарвей свидетельствует, что его приятель весом 22 фунта вполз изо рта мертвого кита в эту воздушную камеру. Этот же ученый указывает, что собака, упавшая за борт китоловного судна, через шесть дней была найдена в голове кита живой... Пространство в этой камере равняется 686 кубическим футам.

Франк Буллен, известный автор труда „Плавание „Кашалота“, установил, что кашалот часто, когда он умирает, извергает содержимое желудка.

Но библейское слово „даг“ указывает на „большую рыбу“... В таком случае следует указать на рыбу, именующуюся „кит-акула“, или костяная акула. Свое название „кит-акула“ получила от того, что не имеет зубов. Кит-акула достигает 70 футов длины, процеживает пищу через большие пластинки (усы) во рту. Эта акула имеет вполне достаточный желудок, чтобы там поместился человек.

<...> Затем небезынтересно вспомнить о сообщении в „Литерари Дайджест“ о том, что один моряк был поглощен китом-акулой. Через 48 часов (т. е. через двое суток) акула была убита. Когда же вскрыли кита-акулу, то каково было удивление всех собравшихся, когда нашли поглощенного этим зверем моряка живым, но только в бессознательном состоянии. Причем моряк не имел никаких последствий своего пребывания во чреве кита-акулы, кроме потери волос и несколь-

[1] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 224–225.

ких волдырей на коже. Потом моряк рассказывал, что только страх не давал ему покоя, живя во чреве кита. Как только он приходил в сознание и понимал, где он находится, то снова моментально терял сознание. <...>

Итак, мы видим, что Иона мог быть поглощен большой рыбой даже и без нарушений естественных законов природы. <...> Верно и неизменно слово Божие, оно никогда не может находиться в противоречии с истинной наукой. Это установил еще отец русской науки Ломоносов»[1].

Пророк Иеремия (4 Цар. 24–25; 2 Пар. 36, 5–21; Книга пророка Иеремии)

«Долго терпел Господь грехи иудейского народа и ждал покаяния, но народ не исправился. Через пророка Иеремию Бог ясно предсказал, что за свое нечестие народ иудейский будет покорен и отведен в плен вавилонянами и что иудеи будут находиться в плену семьдесят лет.

Сначала вавилонский царь Навуходоносор подчинил себе иудейского царя, но Иерусалим сохранил и не разрушил всего иудейского царства.

Пророк Иеремия убеждал иудеев подчиниться Вавилону. Он указывал, что вавилоняне посланы на иудеев Богом в наказание за грехи царей и народа, за отступничество от веры. Он говорил им, что единственным способом избавляться от бедствия является покаяние, исправление и молитва к Богу.

Но ни царь, ни народ не послушались пророка и подняли восстание.

Тогда вавилонский царь Навуходоносор взял Иерусалим, разграбил его, сжег и разрушил до основания храм Соломонов. Тогда же погиб и Ковчег Завета. Народ иудейский был отведен в плен. <...>

Пророк Иеремия остался в Иерусалиме. Он плакал о нечестии своего народа на развалинах города и продолжал учить добру оставшихся жителей».

[1] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 225–226.

Пророк Иезекииль (4 Цар. 25, 27–30; 2 Пар. 36, 10–23; Книга пророка Иезекииля)

«Иезекииль был современником пророка Иеремии. Будучи в плену вавилонском, еще до окончательного разрушения царства иудейского, он был призван Господом к пророческому служению.

Пророк Иезекииль знаменит своим пророчеством о воскресении мертвых, которое одновременно символически изображало и восстановление свободы еврейского народа.

Пророку было от Господа видение. Он увидел поле, усеянное человеческими костями.

Бог спросил его: „Сын человеческий! Оживут ли кости сии?“

Иезекииль ответил: „Господи Боже! Ты только один знаешь это“.

Господь сказал: „Изреки на кости сии и скажи им: кости сухие, слушайте слово Господне!“ Слово же Господа было следующее: „Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и вы оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я—Господь“.

И когда Иезекииль, по повелению Божию, пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, каждая кость с костью своею. И увидел Иезекииль, и вот, жилы на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них.

И сказал Господь: „Изреки пророчество и скажи духу, так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут“.

Слова „от четырех ветров“ означают, что от четырех стран света (севера, юга, востока и запада) души умерших, где бы ни находились, должны собраться на поле, покрытое бездушными телами, и одушевить их.

Иезекииль изрек пророчество, как повелел ему Господь, и вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои.

Господь сказал: „Кости сии — весь дом Израилев. Изреки пророчество и скажи им, так говорит Господь Бог: и узнаете, что Я — Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас в земле вашей“.

Это великое пророчество, помимо указания на восстановление израильского народа, дано нам Богом как наглядное изображение всеобщего воскресения мертвых при втором пришествии Спасителя, когда, по всемогущему слову Божию, все тела умерших людей соединятся с их душами и оживут — воскреснут».

Пророк Даниил (Книга пророка Даниила)

«Пророк Даниил происходил из царского рода. Он еще мальчиком отведен был в вавилонский плен. В плену, по желанию царя Навуходоносора, Даниил был избран с некоторыми другими пленными мальчиками из лучших иудейских семейств для служения при царском дворе. Царь приказал воспитывать их в своем дворце, обучать разным наукам и халдейскому языку. Пищу им он приказал давать со своего стола. В числе избранных были три друга Даниила: Анания, Азария и Мисаил.

Даниил вместе со своими тремя друзьями твердо хранил веру в Истинного Бога. Они не хотели есть царской пищи, чтобы не съесть чего-либо запрещенного законом Моисеевым, и просили начальника давать им только хлеб и овощи. Начальник не соглашался, так как боялся, что они похудеют и царь накажет его. Но Даниил упросил его сделать пробу в течение десяти дней. И когда прошло десять дней, то оказалось, что Даниил и его друзья не только не похудели, а даже стали полнее, здоровее и красивее своих товарищей. После этого их больше не принуждали есть царскую пищу. За такое строгое исполнение закона — за воздержание (пост) и благочестие — Бог наградил этих отроков хорошими способностями и успехами в учении. На испытании они оказались умнее и лучше других и получили высокие должности при царском дворе. А Даниилу Бог, кроме того, дал еще умение разъяснять сны, как некогда Иосифу.

Такое возвышение иудейских отроков послужило на пользу пленным иудеям. Благочестивые отроки получили возможность защищать иудеев от притеснений и улучшить их жизнь в плену. Кроме того, через них и язычники могли познавать Истинного Бога и прославлять Его.

Однажды Навуходоносор увидел необыкновенный сон, но, проснувшись утром, не мог его вспомнить. Сон же этот очень беспокоил царя. Он созвал всех мудрецов и гадателей и велел им напомнить этот сон и объяснить его значение. Но они не могли этого сделать и говорили: „Нет на земле человека, который бы мог напомнить царю сон“. Навуходоносор разгневался и хотел казнить всех мудрецов.

Тогда Даниил упросил царя дать ему некоторое время, и он разъяснит сон. Придя домой, Даниил усердно молил Бога открыть эту тайну. В ночном видении Господь открыл ему сон Навуходоносора и значение его.

Даниил пришел к царю и сказал: „Царь! Когда ты ложился спать, ты думал о том, что будет после тебя. И вот во сне ты увидел огромного истукана: в блеске стоял он и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь и руки из серебра, чрево и бедро из меди, голени из железа, а ступни частью из железа, частью из глины. Потом от горы сам собою, без содействия рук человеческих, оторвался камень и ударил в ноги истукана, и разбил их. Тогда весь истукан рассыпался и превратился в прах, а камень так увеличился, что покрыл собою всю землю. Вот, царь, твой сон!“

„Этот сон, — продолжал Даниил, — означает следующее: ты царь царей, которому Бог Небесный даровал царство, власть, силу и славу, и ты владеешь другими народами. Царство твое — это золотая голова. После тебя настанет другое царство, ниже твоего... Потом настанет третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. Четвертое царство будет крепкое, как железо. Как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать. Но в то же время оно будет разделенное, частью будет крепкое, частью хрупкое. В дни последнего царства Бог Небесный воздвигнет вечное царство,

которое не будет передано какому-либо народу, но сокрушит все царства земли и распространится по всему миру на веки. Так Великий Бог дал знать царю, что будет после него“.

Выслушав все, царь Навуходоносор встал и поклонился пророку Даниилу до земли и сказал: „Воистину Бог ваш— Бог богов и Владыка царей!“

Он поставил Даниила начальником над всеми вавилонскими мудрецами, то есть над учеными людьми, и оставил его при своем дворце в большом почете. Трех его друзей, Ананию, Азарию и Мисаила, царь назначил правителями в стране Вавилонской.

Предсказание Даниила исполнилось в точности. После вавилонского царства следовали еще три великих царства: мидийско-персидское, македонское или греческое и римское, из которых каждое владело иудейским народом. Во время же римского царства явился на земле Христос, Спаситель мира и основал Свое всемирное, вечное Царство—святую Церковь.

Гора, от которой оторвался камень, означала Пресвятую Деву Марию, а камень—Христа и Его вечное Царство.

Вскоре друзья пророка Даниила—Анания, Азария и Мисаил—подверглись большому испытанию в вере. Царь Навуходоносор поставил на поле Деире, близ города Вавилона, большого золотого истукана. К открытию его были собраны все вельможи и знатные люди вавилонского царства. И было объявлено, чтобы все, как только услышат звук трубы и музыкальных орудий, пали на землю и поклонились истукану. Если же кто не исполнит царского повеления, будет брошен в раскаленную печь.

По звуку трубы все пали на землю; только трое—Анания, Азария и Мисаил—не поклонились истукану.

Царь разгневался, приказал разжечь в семь раз сильнее печь, связать их и бросить в огонь. Пламя было так сильно, что воины, бросавшие их в печь, упали мертвыми. Но Анания, Азария и Мисаил остались невредимыми, потому что Господь послал ангела Своего сохранить их среди пламени. И они пели, прославляя Господа.

Навуходоносор сидел на высоком престоле против печи.

Он, услышав пение, смутился, потом, изумленный, поспешно встал и сказал вельможам своим: „Не троих ли бросили в огонь связанными? А я вижу четырех не связанных, ходящих среди огня, без всякого вреда, и вид четвертого подобен сыну Божию“.

После этого он подошел к печи и сказал: „Анания, Азария и Мисаил, рабы Бога Всевышнего! Выйдите и подойдите ко мне“.

Когда они вышли, то оказалось, что огонь не коснулся их, даже одежда и волосы не опалились.

Навуходоносор, видя это, сказал: „Благословен Бог ваш, Который послал ангела Своего и избавил рабов Своих, надеющихся на Него“.

И запретил царь под страхом смерти всем своим подданным хулить имя Бога Израилева.

После смерти Навуходоносора царство Вавилонское начало колебаться. Часто менялись его преемники. Наконец (через 7 лет) воцарился Валтасар (пророк Даниил называет его сыном Навуходоносора), который царствовал около 17 лет. В 17-й год своего царствования, когда ему грозило нападение мидян и персов, Валтасар беспечно пировал в Вавилоне, не думая об опасности.

Однажды во время пира царь Валтасар для поругания Бога и восхваления идолов приказал принести сосуды, которые Навуходоносор изъял из Иерусалимского храма, и пил из них сам и все присутствующие с ним. За такое кощунство последовал суд Божий: в воздухе явилась рука, которая писала на стене какие-то слова.

Валтасар затрепетал от ужаса и закричал, чтобы привели к нему гадателей. Пришли мудрецы вавилонские, но никто из них не мог даже прочитать написанного.

Пришедшая же в это время в палату царица сказала Валтасару: „Не смущайся, царь. Есть в царстве твоем человек, в котором дух Святого Бога,—это Даниил. Он объяснит значение слов“. Даниил был в то время отдален от царского двора.

Когда введен был Даниил, царь сказал ему: „Если ты можешь прочитать и объяснить написанное, то будешь облечен

в багряницу, и золотая цепь будет на шее твоей, и будешь третьим властелином в царстве“.

Даниил от наград отказался. Он напомнил царю, как Бог вразумил возгордившегося Навуходоносора. „И ты, царь, зная все это, не смирил сердца своего, восстал против Господа Небес, пил из сосудов Дома Его, величал бездушных идолов, а Бога, в руке Которого дыхание твое и все пути твои, ты не прославил. За это и послал Бог руку, начертавшую эти письмена. Вот что написано: **мене, текел, фарес:**

- **мене** значит — исчислил Бог твое царство и положил ему конец;
- **текел** значит — взвесил тебя и нашел очень легким;
- **фарес** значит — разделил твое царство и отдал мидянам и персам“.

Царь сразу же наградил Даниила, как обещал.

В ту же самую ночь войска мидян и персов под водительством царя Кира персидского вторглись в город и овладели им.

Валтасар был убит. Так пало царство Вавилонское. На место его явилось царство Мидо-персидское — *серебряное*, по сновидению Навуходоносора, как объяснил ему тогда пророк Даниил.

Царь персидский Кир поставил царем в Вавилоне мидянина Дария.

Царь Дарий полюбил Даниила и сделал его одним из трех главных начальников в своем царстве, а потом хотел даже одному ему поручить управление царством (подобно Иосифу в Египте. — *Свящ. С. К.*). Другие же вельможи завидовали Даниилу и решили погубить его. Они знали, что Даниил каждый день трижды молится Богу, открывая окно, обращенное в сторону Иерусалима. Поэтому они пришли к царю и просили сделать распоряжение, чтобы никто не смел в продолжение тридцати дней обращаться с просьбою ни к какому богу, ни к человеку, кроме самого царя. Если же кто нарушит это приказание, того бросить в львиный ров. Царь согласился. Но пророк Даниил, как и прежде, не переставал каждый день молиться Богу и просить себе у Него милости. Враги его донесли об этом царю. Тогда Дарий понял, что его обманули, но не

мог отменить своего приказания и принужден был разрешить бросить Даниила ко львам.

На другой день, рано утром, царь поспешил ко рву и громко спросил: „Даниил, раб Бога живого! Бог твой, Которому ты неизменно служишь, смог ли спасти тебя ото львов?“

Даниил ответил ему изо рва: „Царь! Бог мой послал Своего ангела заградить пасти львам, потому что я оказался чист пред Ним, и пред тобою, царь, я не сделал преступления“.

Тогда царь приказал поднять Даниила изо рва, а туда бросить его обвинителей. И не успели они коснуться земли, как львы схватили и растерзали их.

После этого царь Дарий написал приказ: „Мною дается повеление, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговели пред Богом Данииловым, потому что Он Бог Живой и Присносущий, и царство Его несокрушимо и владычество Его бесконечно“.

Пророк Даниил преуспевал и в царствование Дария, и в царствование Кира Персидского. Он многое предсказал о будущем, что потом сбылось.

Даниил предсказал время, когда должен родиться Христос Спаситель: именно через семьдесят седмин, то есть через 490 (семьдесят по семь) лет. Он предсказал также, что Христос будет предан смерти, а за нею последуют разрушение храма и города и прекращение ветхозаветных жертв (Дан. 9, 23–27)».

Н. Василиадис писал: «Книга пророка Даниила долгое время была предметом резкой критики. Рационалисты сочиняли целые тома опровержений ее исторической достоверности. Но теперь благодаря археологическим раскопкам никто не отрицает историчность этого текста. Доказательства археологов поистине впечатляющие!

Немецкая археологическая экспедиция, работавшая на месте древнего Вавилона с 1899 по 1917 год под руководством немецкого профессора археологии Роберта Колдевея, разрешила множество сомнений и подтвердила то, что пишет священный текст:

1. Пророк Даниил находился среди иудеев, которых Навуходоносор привел в Вавилон после своего вторже-

ния в Палестину в 605 г. до Р. Х. В его книге дается выразительное описание обширной строительной деятельности Навохудоносора. В ней рассказывается, как однажды Навуходоносор, прохаживаясь по царским чертогам в Вавилоне, хвастливо сказал: „Несть ли сей Вавилон великий, его же аз соградих в дом царства, в державе крепости моея, в честь славы моея“ (Дан. 4, 26–27).

Правдивость этих слов подтверждает сегодня археология. Немецкие исследователи нашли огромный комплекс фортификационных сооружений, жилых зданий, каналов, дворцов и храмов. Сегодня мы уже можем видеть это изумительное нагромождение развалин города, среди которых находится и царский дворец. В город, когда-то полный блеска, величия и славы, ведут большие двойные ворота богини Иштар. <...>

Вавилон был больше Фив и Мемфиса в Египте, Ура в Месопотамии и даже больше самой Ниневии! То, что сделал в Вавилоне неутомимый строитель Навуходоносор, до тех пор никто нигде не делал! Чтобы выстроить громадные роскошные здания, Навуходоносор использовал огромное число рабов, свезенных из завоеванных стран. <...>

Итак, археология подтвердила верность книги пророка Даниила относительно величия Вавилона.

2. Немецкий археолог Р. Колдевей во время знаменитых раскопок в древнем Вавилоне нашел в руинах дворца Навуходоносора большой великолепный пиршественный зал (16,8 × 51,9 м), украшенный плитками золотого и голубого цвета, с нишей (углублением) в стене, идущей от главного входа к царскому трону. Это, как считают Кодер и Хау, бесспорно, то место, где был тот самый пир царя Валтасара, о котором сообщает пророк Даниил (гл. 5).

3. Даниил, говоря о трех юношах, которых Навуходоносор приказал бросить в печь, приводит греческие названия некоторых музыкальных инструментов в „оркестре“ Навуходоносора (труба, свирель, кифара) (Дан. 3, 5). В связи с этим рационалисты утверждают, что книга Даниила была написана после 332 г. до Р. Х. <...> Но они не правы, потому что между народами Востока и греками-ионийцами существовали торговые и культурные связи задолго до эпохи Александра Македонского. „Греческий поэт Алкей (конец VII в. до Р. Х.) говорит, что его брат был воином в знаменитом войске Навуходоносора“. К тому же „тот факт, что (пророк Даниил) употребил только три греческих слова, является лучшим доказательством того, что это произведение было написано до времени Александра Великого“.

4. Рационалисты в течение многих лет поднимают большой шум, доказывая, что богодухновенная книга пророка Даниила исторически недостоверна в связи с двумя вавилонскими царями—Набонидом и Валтасаром. Пророк Даниил сообщает о том, что царь Валтасар был убит во время нечестивого пира, который он устроил за день до захвата Вавилона войсками Кира (Дан. 5, 30). До 1880 г. единственными небиблейскими источниками, дававшими хоть какую-то информацию об этом периоде, были Ксенофонт и Геродот, но в их произведениях не упоминается имя Валтасара. Эти небиблейские источники, как и древние историки—Берос (около 250 г. до Р. Х.) и Александр Полигистр (ум. в 75 г. до Р. Х.), называют Набонида последним царем Вавилона. Они добавляют, что Набонид был в Вавилоне во время его захвата Киром, он не был убит, а уведен в плен, и с ним хорошо обращались. Итак, говорят рационалисты, историческая недостоверность Ветхого Завета в данном случае очевидна, рассказ Даниила—миф! <...>

Однако эти взгляды были полностью опровергнуты, когда исследователь Ниневии Генри Кресуик Роулинсон, один из самых одаренных ассириологов, нашел на равнине Евфрата цилиндр с надписью. Эта находка в полной мере разрешила проблему. В надписи сообщается, что во времена Даниила было два царя Вавилона—отец и сын. Набонид, находясь вне города, объявил своего старшего сына, Валтасара, соправителем и разрешил ему пользоваться титулом царя. Валтасар и был убит в Вавилоне, а Набонид спасся, ему была дарована жизнь. Так был пролит свет и на упоминание Даниила о том, что сам он был *третьим* властелином в царстве (Дан. 5, 7, 29). <...>

Около середины XIX в. в районе древнего Вавилона было найдено огромное количество глиняных табличек. Сейчас

они являются собственностью Британского музея. В конце XIX в. их расшифровал доктор Теофиль Г. Пинчес, знаменитый лондонский ассириолог. На одной из этих табличек упоминается имя Валтасара. На другой табличке есть имена Валтасара и Набонида, следовательно, между ними существовала связь, а третья табличка сообщает, что Валтасар был сыном царя. <...>

После... сокрушительных доказательств рационалисты, такие, как Миллар Барроуз, были вынуждены признать: „Разрешение этого явного несоответствия (между Священным Писанием и историческими небиблейскими данными о существовании Валтасара.—*Прим. автора*) стало возможно, когда были найдены доказательства того, что Набонид свои последние годы прожил в Аравии и оставил управление государством своему сыну Валтасару“.<...>

5. Мы не станем опровергать всех возражений рационалистов, связанных с хронологией богодухновенного текста книги Даниила. Приведем здесь лишь доказательства, предоставленные археологами, что эта книга была написана между 600 и 535 гг. до Р. Х. В самой этой книге много мест, которые, в свете современных археологических данных, подтверждают, что ее автор был отлично информирован по многим вопросам. Пятая глава особенно удивительно показывает, что ее автор—человек очень осведомленный, что он—современник событий.

Кроме того, упоминания об экзорцистах, магах, астрологах и т. д. (Дан. 1, 20; 2, 10; 4, 6; 5, 11 и т. д.) отражают реальность того времени. Раскопки дали много материала, характеризующего религию вавилонян и подтверждающего ту огромную роль, которую играли магия и предсказания в жизни тех людей. <...>

6. Рассказ о трех юношах, которых Навуходоносор бросил в „*пещь огнем горящую*“, потому что те не поклонились „*телу златому*“ (Дан. 3), свидетельствует о больших печах в пригородах Вавилона, где рабочие Навуходоносора обжигали кирпичи, использовавшиеся на строительстве его великолепных зданий. Археологи раскопали некоторые из этих

печей. Известен аналогичный случай времен Рим-Сина, более древнего царя этой страны (1750 г. до Р. Х.). Этот царь некогда по поводу четырех людей, которые бросили кого-то в огонь, приказал: „Так как (они) бросили молодого раба в печь, бросьте туда одного (их) раба“. Несмотря на то, что мы больше ничего не знаем об этом приказе, Е. Г. Краелинг делает замечание относительно случая с тремя юношами: „Очевидно, подобная практика не была чем-то новым в Вавилоне“».

Прежде чем закончить перечисление того, что мы считали нужным привести в доказательство исторической достоверности Богодухновенной книги Даниила, приведем два мнения: одно—ассириолога и другое—критика текста.

Ассириолог доктор Р. П. Дугерти после изучения всех исторических текстов (табличек), имеющих отношение к пятой главе книги Даниила, и после сравнения их между собой приходит к выводу: «Пятая глава книги Даниила вполне сопоставима по точности с клинописными текстами... Она превосходно может быть истолкована».

Кроме того, доктор Монтгомери, после того как он написал о книге пророка Даниила в «Международный критический комментарий» разного рода критические заметки, был вынужден в свете новых данных признать: «Археология дала толчок процессу в защиту достоверности книги Даниила, и ее данные свидетельствуют в пользу признания достоверности большей части исторических преданий в книге, а не того, что допускала раньше критика». Еще доктор Монтгомери говорит о «выдающихся современных исследователях, которые отстаивают традиционную позицию» в отношении богодухновенного текста книги Даниила...»[1]

Мы не приводим полностью обширное описание археологических доказательств достоверности сведений Книги пророка Даниила, описанных Н. Василиадисом. Но даже того, что указано, достаточно, чтобы составить представление о степени разработанности данного вопроса в исторической науке.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 241–253.

3. О служении пророка Исайи

Как уже было сказано, наиболее знаменитым среди ветхозаветных пророков является пророк Исаия. Его служение требует особого рассмотрения, так как в нем прекрасно раскрылись все три основных элемента пророческого служения: монотеизм, морализм и ожидание Спасителя. Причем третий элемент раскрылся с особенной силой как ни у кого другого.

По указанию самого пророка он проходил служение в Иудее в годы царствования царей Озии, Иоафама, Ахаза и Езекии (Ис. 1, 1). Часто исследователи указывают на то, что он был призван к пророческому служению в год смерти благочестивого царя Озии, т. е. в 740 г. до Р. Х.[1] Однако не лишено основания предположение А. Хергозерского о том, что еще при жизни царя Озии Исаия стал пророчествовать, так как «считающие первым призвание Исайи в год действительной смерти Озии (а не начала его болезни проказой) вносят противоречие в саму книгу, ибо необходимо — или... уничтожить следы пророческой деятельности Исайи во дни Озии... или... утверждать невероятность, будто первые пять глав книги Исайи написаны прежде божественного призвания»[2].

А. Хергозерский, опираясь в своих доводах на мнения таких «ученейших из церковных писателей», как Климент Александрийский, Евсевий, Блаженный Иероним, выводит примерную дату пророческого служения Исайи — 17-й год царствования Озии, т. е. примерно около 87 г. до Р. Х.

Действительно, целых пять глав первой книги Исайи посвящены изобличению нечестия во времена Озии, одного из прославленных царей, чье правление в авторитетных источниках называется благочестивым, а расцвет материального состояния Иудейского царства и рост военной силы при нем считают выдающимся достижением[3].

Однако как на эти достижения смотрел пророк Исайя?

[1] *Краткий* комментарий... С. 1993; *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 17; *Толковая* Библия. Стокгольм, 1987. С. 242.
[2] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 16.
[3] *Толковая* Библия. С. 242.

Царь Озия содержал армию в триста семь тысяч пятьсот прекрасно вооруженных и обученных воинов, которую боялись соседние народы (филистимляне, аравитяне, аммонитяне)[1]. Благодаря победам, богатой военной добыче и дани иудейскому народу жилось почти так же, как при Соломоне[2]. Но именно в это время пророк призывает небо и землю (т. е. все то, что сотворил Бог) в свидетели, укоряя иудеев в увлечении военными успехами и гонкой за вооружением армии, оставив при этом надежду на Господа. Иудеи сделались «глупее вола и осла, которые знают своих хозяев и не забывают яслей своих, где их кормят» (Ис. 1, 2–5).

Вся земля истощилась от гонки за вооружением, не стало здорового места на теле народа, все оно было поражено грехом. Среди городов остался лишь Иерусалим, который только по милости Божией оказался не наказан, как Содом и Гоморра (Ис. 1, 4–9).

Множество жертв Всевышнему приносили израильтяне, но Господу они были не угодны: «Не приносите больше даров тщетных... не могу терпеть беззаконное празднование! <...> Праздники ваши ненавидит душа Моя... ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь... перестаньте делать зло... ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (Ис. 1, 10–17). Но воспрянет зависть соседей, которые совместно разрушат и армию, и стены иудейские. Господь устами пророка предлагает выбор: покаяние или истребление (Ис. 1, 18–20).

Так, упование иудеев, особенно их князей, на собственную силу без упования на Бога вызывает обличение в устах Исайи. Оно усиливается в годы правления сына Озии Иоафама (740–736 гг. до Р. Х.), человека благочестивого, но не имевшего силы, чтобы повлиять на народ должным образом, чьи «внешние успехи... внушили... народу чувство гордости и распущенную жизнь». К этому времени относятся речи Исайи, содержащиеся во 2, 3, 4 и 5 главах его книги[3].

[1] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 22.
[2] *Толковая* Библия. С. 242.
[3] Там же.

Налицо ярко выраженный пророческий морализм, призыв не внешне соблюдать закон, принося жертвы окровавленными руками от беззаконных сердец и воскуряя фимиам от прокаженной грехами души, но перейти к истинному соблюдению закона, раскрывая его истинное, внутреннее содержание, проявляя самое приятное Богу жертвоприношение — сокрушенное и смиренное сердце (Пс. 50), проявляя любовь. Это и рождает в устах пророка призыв помогать страждущим.

Как оказалось, благочестие во времена Озии было лишь внешним и Господу малоугодным.

Н. Василиадис отмечал: «Исаия бичевал высокомерие и алчность богатых, угнетавших народ (Ис. 3, 14–15), клеймил тщеславие и распущенность женщин Иерусалима того времени. Он осуждал их кокетство и вызывающую походку, их золотые головные украшения, полные благовоний сосуды и чрезмерную заботу о своем лице (Ис. 3, 16–24), которая выражалась в подкрашивании губ и бровей (и сейчас женщины делают это с большим искусством). Американский археолог М. Дж. Кайл, описывая раскопки в Кариаф-Зефере (производились в 1926–1932 гг.), сделал следующее замечание: „Хотя женщины времен Исаии называли свою косметику (кремы для лица, благовония и т. д.) иначе, чем современные, все же их мода и взгляды на одежду и макияж похожи на крайности в одежде и макияже наших современниц. Редко бывали дни, когда во время раскопок Иерусалима последних лет существования Иудейского царства археологи не находили украшений и особенно косметики этих тщеславных женщин“»[1].

Из недр пророческого морализма возрос в проповеди Исайи монотеизм. Казалось бы, хоть и формальный, искаженный, но все же сохранялся в народе настрой на служение Единому Богу. Отчего же проявляется этот пророческий монотеизм? Проповедь Исайи свидетельствует: дело в том, что иудеи в своих сердцах стали приносить жертвы не Богу Единому, но бесконечным вооружениям, богатству и, в конце концов, собственной славе, гордыне. Надежды по защите страны полагались не на Бога, а на военачальников и их воинов, «на князей, на сынов человеческих», в коих «нет спасения» (Пс. 145, 3).

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 211.

Во времена Озии эти обличения, несомненно касавшиеся всего народа, с большой силой были обращены к князьям, к властям придержащим: «Слушайте слово Господне, князья содомские; внимай закону Бога нашего, народ гоморрский!» (Ис. 1, 10).

За внутреннее отступничество ждет народ и страну кара Божия, военное поражение, материальное истощение, «оскудение мужеского пола» (Ис. 3, 1–9; 10–25; 4, 1).

Но если Озия, «вообще преданный вере отцов, держал народ в повиновении властной рукой» и поэтому в его царствование народ вел себя все же более благочестиво, то «Иоафам, благочестивый сам по себе, не имел твердости и отваги положить преграду идолослужению в народе (4 Цар. 15, 33–35)»[1]. Теперь необходимо было действовать, обращая слова обличения к простому народу[2]. Народ впал в откровенное идолослужение, и следующий за Иоасафом царь Ахаз «открыто встал на сторону *иностранных обычаев и культов* (4 Цар. 16, 3), даже сына своего он провел через огонь (4 Цар. 16, 3) и таким образом дал полную свободу чувственным наклонностям народа, коему служило удовольствием идолослужение, сопровождавшееся необузданным разгулом»[3].

Именно перед временами Ахаза (736–724 гг. до Р. Х.), во времена Иоафама, и произошло то призвание уже пророчествовавшего Исайи, которое описано в 6-й главе Книги Исайи и которое, по всей вероятности, было не первым и послужило для него явным знаком Божественного произволения к утверждению на еще более трудное, дерзновенное и жертвенное служение.

Как указывает А. Хергозерский, проповедь, обращенная к народу, носила, скорее всего, устный характер, так как это более уместно, поэтому записана она не была и в книгу пророка не вошла[4].

[1] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 25.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 25.

Исследователь библейской истории А. П. Лопухин резко противопоставляет Ахаза Иоафаму за то, что тот «не последовал примеру своего отца и воздвигал идолов Ваалу и приносил в жертву Молоху своих собственных детей»[1]. За эти злодеяния навел Господь на Иудею военную угрозу от союза сириян и израильтян, истребивших казавшуюся непобедимой армию, созданную Озией. Отряды идумеев и филистимлян, рассеявшись по стране, грабили ее, уводили пленных. Все это уже было предсказано Исайей в дни, когда армия, эта «крепость иудейская», была в расцвете, в дни Озии (Ис. 5, 24–30).

Но вместо того чтобы принести покаяние и уповать на Господа, царь Ахаз отверг увещание Исайи и глас Божий: «...Не страшись и да не унывает сердце твое... Сирия, Ефрем и сын Ремалин умышляет против тебя зло... Но Господь Бог так говорит: это не состоится... если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены... И продолжал Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа, Бога твоего... И сказал Ахаз: не буду просить...» (Ис. 7, 3–12). Не спрашивал воли и помощи Божией, не поверив в безопасность, дарующуюся Богом, Ахаз обращается за помощью к сильному соседу — ассирийскому царю, к язычнику. Тогда Исаия пророчествовал, что за такое нечестие наведет Господь царя ассирийского на саму Иудею и настанут времена, когда «на всяком месте, где росла тысяча виноградных лоз, будет терновник и колючий кустарник» (Ис. 7, 17–23; 10, 5–11).

Вскоре после падения Дамаска (Сирия) и Самарии (Израиль) от удара царя ассирийского тот возмечтал покорить и Иудею. Пророк узнает об этих мечтах тогда, когда Иудее предстоит тяжелое время набега и «излагает пути Божественного промысла, чтобы народ иудейский понял, что решителем судьбы народов является Иегова, Бог Израилев: „Ассур — бич в руке Моей, говорит Господь, Я послал его на народ Мой, Меня прогневавший; а он (царь Ассирии) все успехи приписывает своей мудрости и могуществу (Ис. 10, 5–14).

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 309.

За таковую неуместную гордость... Господь грозит отнять у ассириян их преобладание над народами... Царство Иудино свергнет их иго... хотя они и пойдут на Иерусалим... Но тогда... Ангел погубляющий истребит лучшую часть войска ассирийского (Ис. 10, 33–34). Народ Мой! Не бойся Ассура. Он поразит тебя жезлом... Еще немного... и пройдет Мое негодование и ярость Моя обратится на истребление их... снимется с рамен твоих бремя его...“» (Ис. 10, 24–27)[1].

Это пророчество на двадцать лет опередило события. В дни царя Иезекии, сына Ахаза, когда настрадавшийся от притеснений народ и его царь были угнетены неминуемой, казалось, угрозой падения осажденного Иерусалима от войска ассирийского царя Сеннахирима, произошло чудесное избавление. Ночью таинственное поражение постигло лучшую часть ассирийской армии (195 000 воинов) и самого главнокомандующего. Осада была снята[2].

Почему Господь в Ахазовы дни отступничества дает народу-отступнику знамение его спасения, как и в иные дни, когда сообщает о будущем пленении вавилонском и избавлении от него? Зачем Господь бережет этот народ?

Когда Ахаз отказался испрашивать знамения Божиего, Исаия воскликнул: «Итак, Сам Господь даст вам знамение: *се Дева во чреве примет и родит Сына и нарекут имя Ему: Еммануил»* (Ис. 7, 14). Это знамение говорит о главной причине сохранения народа израильского и царственного дома Давидова, так как от недр его должен произойти Спаситель Еммануил.

«Еммануил» с еврейского языка переводится как «с нами Бог». Это имя Исайя употребляет не случайно, но для того чтобы показать божественную природу грядущего Спасителя, Который спустя 700 лет после этого пророчества родится от Девы Марии, примет на себя человеческую природу, пораженную грехом, и исцелит ее в Себе. И люди скажут: Бог пришел к нам, Бог вочеловечился, с нами Бог.

[1] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 29.
[2] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 311.

В православной иконописи существует традиция отображения этого пророчества следующим образом: поясное изображение Девы Богородицы с воздетыми к небу руками, имеющее в районе живота круг, символизирующий пречистое Ее чрево, в котором располагается поясное изображение благословляющего младенца. Такой иконописный образ Богородицы именуется «Знамение». К типу «Знамение» относится, например, широко известная чудотворная «Курская Коренная» икона Божией Матери.

Однако для того чтобы из недр народа иудейского произошли Божия Матерь и Сам Еммануил, эти недра должны сохранить внутреннюю чистоту, основанную на чистоте веры отцов. Отсюда становится вполне ясной цель монотеизма и морализма проповеди Исайи: готовить в народе путь пришествия Мессии.

С этого предсказания о Спасителе начинает раскрываться третий элемент пророческой проповеди в служении Исайи — *ожидание Спасителя, или мессианство*.

Этот элемент в дальнейшем получил у Исайи такую степень откровения, что за ясность предсказаний о Христе Спасителе его называют ветхозаветным евангелистом[1]. Это имя означает, что если апостолы-евангелисты (Матфей, Марк, Лука и Иоанн) описали в своих Евангелиях деяния, проповедь, смерть и воскресение Иисуса Христа, либо являясь непосредственными свидетелями тому, либо со слов других свидетелей (т. е. после свершившихся событий), то пророк Исайя предсказывал все это за *семьсот лет* до совершения.

Со всей силой эта сторона служения Исайи раскрывается в дни правления праведного Езекии. Исаия рисует следующую яркую картину. Мессия — потомок Давида по плоти, но Бог по существу духовному. Он распространит свою власть над всей Вселенной. Во второй части книги Исайи (с XL главы и до конца) помещены сведения о нравственном освобождении Израиля от господства греха благодаря заступничеству кроткого Раба Иеговы — Мессии. Сильно и ясно показаны Его

[1] *Слободской С., протоиерей*. Указ. соч. С. 236.

будущие страдания за грехи людей. Затем пророк представляет Мессию как первосвященника, царя и пророка в одно и то же время. Он творит суд над миром и созидает новую лучшую жизнь. Удивительная сила, точность и откровенность предсказаний Исайи. Но это еще не все.

В последнем отделении книги находятся пророчества о гласе вопиющего в пустыне (об Иоанне Предтече), о Кротком Отроке Господнем, Который передаст народам закон и совершит суд, о временах Мессии, о страданиях Спасителя мира, о Его распятии вместе с двумя разбойниками, о Его смирении и кротости во время страданий, о Его удивительном нравственном величии, о Евангельской проповеди, об обращении язычников к вере в Единого Бога, о торжестве Церкви Божией и об удалении нераскаянных грешников от торжества Церкви[1].

Ни у кого из пророков не было не только такого всеобъемлющего охвата событий, связанных с первым пришествием Мессии, показа их характера и смысла, но и такой поразительной ясности в указании на них. О многих событиях сказано не иносказательно, а прямо и именно так, как они совершились в будущем.

До глубокой старости вещал пророк Исайя в продолжение царствования четырех иудейских царей и погиб, как повествует предание, перепиленный деревянной пилой за обличительные речи в начале царствования царя Манассии.

«Погребен был Исайя близ Силоама, дабы не иссякли его воды. В царствование Феодосия Младшего мощи Исайи перенесены в Панеаду и положены в храме св. Лаврентия»[2].

Значительной удачей археологов в 1948 г. была находка древнего еврейского манускрипта — книги пророка Исайи. Американский ученый Олбрайт высказал мнение о том, что этот манускрипт был написан (переписан с более древнего источника) примерно в 100 г. до Р. Х. Древность рукописи подтверждают и Миллар Барроуз из Йельского универси-

[1] *Хергозерский А.* Указ. соч. С. 4–58.
[2] Там же. С. 15.

тета, Сукеник из Европейского университета в Иерусалиме и Джон Тревер. Существование такого древнего манускрипта книги Исайи особенно важно потому, что самая ранняя еврейская рукопись этой книги, которой исследователи располагали до этого, восходит примерно к 900 г. после Р. Х. Еще большую значимость имеет близкое сходство этого манускрипта с традиционным еврейским текстом, происходящим от более позднего списка. Профессор Миллар Барроуз отметил, что этот манускрипт не содержит ничего, что можно было бы охарактеризовать как «большие добавления или пропуск» и что «нет никакой путаницы или существенного нарушения порядка в тексте (см. ст.: „The Contents and Significance of Manuscripts“ // The Biblical Archaeologist. Sept., 1948. P. 60, 61).

Археолог Джозеф П. Фри говорит по этому поводу: „Значительное сходство между этим древним манускриптом и теми, которые датируются тысячелетием позже, свидетельствуют *о тщательности, с которой переписывались тексты Священного Писания, и укрепляет нашу уверенность в особой точности позднейших списков, с которых сделаны наши английские переводы*“» (*Free J. P.* Op. cit. P. 207)[1].

В заключение обзора, посвященного служению ветхозаветных пророков, приведем таблицу, помещенную в «Библейском словаре» Э. Нюстрема, в которой в хронологическом порядке отражены основные ветхозаветные пророчества о Мессии и их новозаветное исполнение[2].

Пророчество, данное в Ветхом Завете	**Тема**	**Исполнение пророчества в Новом Завете**
Бытие 3:15 И вражду положу между тобою и между Женою, и между семенем твоим и между Семенем Ее; Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить Его в пяту.	Семя жены	Галл. 4:4 Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от Жены, подчинился закону.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 212.
[2] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 509–514.

Пророчество, данное в Ветхом Завете	**Тема**	**Исполнение пророчества в Новом Завете**
Бытие 12:3 Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные.	Семя Авраама	Матфея 1:1 Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Аврамова.
Бытие 17:19 Бог же сказал: именно Сара, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак; и поставлю завет Мой с ним заветом вечным, и потомству его после него.	Семя Исава	Луки 3:34 Иаковлев, Исааков, Аврамов, Фарин, Нахоров.
Числа 24:17 Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых.	Семя Иакова	Матфея 1:2 Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его.
Бытие 49:10 Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов.	От колена Иуды	Луки 3:33 Аминадавов, Арамов, Есромов, Фаресов, Иудин.
Исайя 9:7 Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это.	Наследник престола царя Давида	Луки 1:32, 33 Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; И будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца.

Пророчество, данное в Ветхом Завете	Тема	Исполнение пророчества в Новом Завете
Михей 5:2 И ты, Вифлеем-Евфрата, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных.	Рожден в Вифлееме	Луки 2:4, 5, 7 Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова. Записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице.
Захария 9:9 Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной.	Торжественный въезд	Марка 11:7, 9, 11 И привели осленка к Иисусу, и возложил на него одежды свои; Иисус сел на него. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! Благословен грядущий во имя Господне! И вошел Иисус в Иерусалим и в храм; и осмотрев все, как время уже было позднее, вышел в Вифанию с двенадцатью.
Псалом 40:10 Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту.	Предательство друга	Луки 22:47, 48 Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть.

Пророчество, данное в Ветхом Завете	Тема	Исполнение пророчества в Новом Завете
		Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предашь Сына Человеческого?
Захария 11:12 И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет,— не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребренников.	Продан за 30 сребренников	Матфея 26:15 И сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников.
Псалом 34:11 Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня.	Лжесвидетельство	Марка 14:57, 58 И некоторые вставши лжесвидетельствовали против Него и говорили: Мы слышали, как Он говорил: «Я разрушу храм сей рукотворный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворный».
Исайя 53:7 Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так не отверзал уст Своих.	Безгласен пред обвинителями	Марка 15:4, 5 Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? Видишь, как много против Тебя обвинений. Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился.
Исайя 50:6 Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания.	Поругания и оплевания	Матфея 26:67 Тогда плевали Ему в лицо и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам.

Пророчество, данное в Ветхом Завете	Тема	Исполнение пророчества в Новом Завете
Псалом 34:19 Чтобы не торжествовали надо мною враждующие против меня неправедно, и не перемигивались глазами ненавидящие меня.	Враждующие неправедно	Иоанна 15:24, 25 Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: «возненавидели Меня напрасно».

Иудея в VI–I вв. до Р. Х.

1. Возвращение иудеев из плена и восстановление Иерусалимского храма

Иудеи находились в вавилонском плену семьдесят лет. Как мы знаем из Книги пророка Даниила и других источников, вслед за Навуходоносором царством владели бездарные правители, вследствие чего оно постепенно пришло в упадок. Вместе с тем на Востоке возникло сильное Мидийское (Мидо-Персидское) царство, во главе которого встал Кир. В 539 г. до Р. Х. Кир завоевал Вавилон. При дворе нового властелина Востока видное место занял пророк Даниил благодаря своей верности Богу. Но сам Кир Великий, несмотря на его уважительное отношение к «Богу Даниилову», оставался язычником, на что указывают результаты раскопок[1]. Особенное почтение новый царь оказывал богу Мардуку. Тем не менее это не помешало Киру издать указ об освобождении иудеев и разрешении им отстроить заново разрушенный Навуходоносором Иерусалимский храм.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 254.

В обнаруженных археологами надписях говорится об «отправлении богов разных народов к их алтарям». На глиняном «цилиндре Кира», содержащем надписи с рассказом о победе персидского царя над Вавилоном и о его благодеяниях по отношению к новым подданным, указано: «Я собрал вместе *все народы* и водворил их в дома их»[1]. Таким образом, благосклонность Кира к иудеям, видимо, не была показателем особенного к ним отношения или, тем более, проявлением его склонности к смене религиозных убеждений. Скорее всего, это было началом его мудрого управления, принципы которого впоследствии будут названы принципами *имперской* политики. Империя как тип государственного устройства характеризуется особенностями внутренней политики, направленной на консолидацию общества и формирование доверия к центральной власти среди многочисленных подданных, принадлежащих к разным народам. Отсюда — веротерпимость, уважительное отношение к культурам народов, входящих в состав империи, стремление обеспечить расположение и любовь подданных на основе защиты общих интересов.

Кир Великий явился первым в истории правителем крупнейшей державы, не разорявшим, но созидавшим свои провинции, не истреблявшим покоренных правителей, но миловавшим и наделявшим их властью как местных представителей царя царей. Он сохранял формы местного самоуправления, добиваясь при этом подчинения имперским интересам. Такая политика способствовала быстрому и сравнительно мирному росту Персидской империи на Ближнем Востоке. Понимая выгоду (стабильность, надежная защита от нападений соседей, помощь в экономическом развитии территорий), некоторые правители Востока добровольно принимали над собой верховную власть персидских царей. Древнегреческий историк Геродот говорил, что персы называли Кира «отцом», ибо он «благодушен и все делал на пользу подданных»[2]. Надо думать, под «персами» греком подразумевались все подданные персидского царя.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 254.
[2] *Авдиев В.И.* Указ. соч. С. 479.

Заслуживает внимания тактика Кира Великого, которой тот пользовался при объявлении народам царской воли. Например, в документе, написанном после захвата Вавилона, Кир заявлял, что Мардук — высшее вавилонское божество, разгневавшись на вавилонского царя Набонида, который оказывал ему недостаточное почтение и был нечестив по отношению к своему народу, стал искать нового повелителя мира и нашел Кира, которому отдал Вавилон без боя, избавив людей от ужасов войны[1]. В то же время, обращаясь к иудеям с провозглашением их права вернуться на родину, Кир совершает это *на языке иудеев*, используя следующие слова: «Все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее». Эти слова были записаны в Книге Ездры (1 Езд. 1, 2–4). Ездра являлся иудейским священником, документально зафиксировавшим все события того периода.

Таким образом, с вавилонянами царь говорил на их языке, ссылаясь на Мардука, а с иудеями — на иудейском языке, ссылаясь на Господа Бога. Исследователи подтвердили аутентичность приводимых нами источников[2].

Сорок две тысячи иудеев отправились на свою историческую родину. Кроме того, с ними вернулись более семи тысяч рабов и рабынь, а также двести певчих. Итого — около пятидесяти тысяч человек (Езд. 2, 64).

«Нет ничего удивительного, что наши познания о периоде после плена и о междузаветном периоде носят фрагментарный характер, — писал Дж. Э. Райт. — Сам этот факт является красноречивым свидетельством того, сколь трудной и бедной была жизнь крайне малочисленного населения страны в этот период.

Новое иудейское сообщество, сложившееся в VI–V вв. до Р. Х., жило на небольшой территории, которая простиралась с севера на юг вдоль хребта менее чем на 25 миль — от местечка несколькими милями севернее Иерусалима до Беф-Цура, находящегося к северу от Хеврона»[3].

[1] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 281–282.
[2] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 283–285.
[3] *Райт Дж. Э.* Указ. соч. С. 280.

«То, что представляла собой эта страна, согласно археологическим свидетельствам, полностью совпадает с той картиной, какую являла эта территория до времен Авраама»[1]. Таковы были последствия опустошений, совершенных вавилонскими войсками Навуходоносора.

Несмотря на то, что многие иудеи мечтали о восстановлении государства, которым бы правили потомки Давида, Иудея оставалась провинцией Персидской державы с правами автономии, внешней политикой которой руководили правители, назначавшиеся персидским двором, а внутренние дела были в ведении первосвященника. Таким образом, Иудея стала полуавтономным теократическим государством, имевшим право собирать налоги и чеканить собственную монету. Во второй половине V в. и в IV в. в Иудее появились монеты, на которых значилось название провинции: Yehud.

Самым известным из всех правителей Иудеи того времени был Неемия — иудей, ставший сановником при дворе Артаксеркса I (465–424 гг. до Р. Х.), который отстроил заново стены Иерусалима. Неемия оставил рассказ о своем далеком путешествии из Вавилона в Иерусалим (Неем. 2) и описание стен Иерусалима (Неем. 2–3). Современный исследователь Дж. Сименс писал: «Топографические тексты Неемии представляют огромную ценность, даже намного большую, чем любая цитата из Иосифа Флавия, не только потому, что нам дается описание очевидца, которое повторяется трижды (Неем. 2, 11–15; 3; 12, 31–39), но описание гораздо более подробное, чем у Иосифа, а главным образом, потому, что во всех трех случаях речь идет об одном и том же городе Ветхого Завета до и после Вавилонского плена»[2].

Священное Писание повествует о том, что иудеи, возвратившись в Иерусалим, сначала устроили жертвенник Господу, а затем через год приступили к постройке храма, который возводили девятнадцать лет.

Тексты, повествующие об истории возвращения и строительства храма, содержатся в книге Ездры и написаны на ара-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 257–258.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 265.

мейском языке. Последний факт послужил основанием для скептиков подвергнуть сомнению их подлинность и отнести их не к VI–V вв., когда состоялось переселение, а к III–II вв. и утверждать, что они являются более поздними полумифологическими сочинениями. Однако находка «Элефантийских папирусов» — писем, написанных по-арамейски иудеями рассеяния, бежавшими в Египет и жившими на острове Элефантика в период 500–400 гг. до Р. Х., доказала поразительное сходство их языка с языком Книги Ездры, доказав подлинность ее датировки V в. до Р. Х. и ее текста. Археолог Олбрайт подчеркнул, что указы и послания, содержащиеся в 1-й Книге Ездры (4; 7 и далее), почти бесспорно являются оригинальными текстами, как показали исследования аналогичных текстов, проведенные Эдвардом Майером и Х. Х. Шедером в 1930 г.[1]

Возведению нового храма воспротивились самаряне, составлявшие основную часть населения страны. Они были потомками народов, переселенных из других земель ассирийскими царями Асархаддоном и Ассенафаром (1 Езд. 4, 2, 10). Самаряне послали письмо персидскому царю с доносом о том, что когда иудеи построят храм, то прекратят платить налоги и в царстве больше не будет мира (1 Езд. 4, 11–16). Царь (по-видимому, Камбиз, сын Кира) запретил вести строительство (1 Езд. 4, 21). Однако Дарий I в 520 г. до Р. Х., узнав, что еще Кир разрешил иудеям воздвигнуть Дом Божий, приказал разыскать в дворцовых архивах соответствующий указ. Указ был найден в архиве г. Ахмефа (греческие Экбатаны) (1 Езд. 5, 7, 13; 6, 1–3 и далее). Последствием этого стал указ Дария I о том, чтобы иудеи продолжили постройку храма, а также повеление оказывать им содействие и выдать средства из царской казны (1 Езд. 6, 7, 8).

В 516–515 гг. до Р. Х., в шестой год правления Дария I, строительство храма завершилось. Археолог В. Келлер писал: «Историчность сообщений (Ветхого Завета) не вызывает никакого сомнения. Многочисленные и разнообразные тексты того времени говорят о том, что Дарий I, как и его предшественники, поддерживал различные вероисповедания не только в Палестине, но и в Малой Азии и в Египте»[1].

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 260.

Новый храм был не такой богатый и великолепный, как храм Соломона. Он уступал ему и в размерах. Старцы, помнившие прежний храм, сокрушались об этом. Но пророк Аггей предсказал, что слава нового храма превзойдет славу прежнего, так как именно в него войдет ожидаемый всеми Мессия, Спаситель мира (Аггей, 2, 6–9). Пророк Захария говорил о том же (Зах. 9, 9). Пророк Малахия предсказывал, что пришествие Спасителя приближается, и перед ним будет послан Предтеча, подобный пророку Илии, каковым и стал креститель Господень Иоанн (Малах. 3, 1; 4, 5).

Малахия был последним пророком в Иудее. После него вплоть до явления Иисуса Христа, которому предшествовала проповедь Иоанна Крестителя, четыреста лет не раздавалось пророческих слов среди иудейского народа.

Последним персидским царем был Дарий III (336–331 гг. до Р. Х.), побежденный Александром Македонским, включившим территорию персидской империи в состав своей державы.

2. Эллинистический период истории Иудеи (331–63 гг. до Р. Х.)

С V в. до Р. Х. начался закат персидского владычества на Востоке, а в IV в. до Р. Х. все большее влияние приобретали греки, апогеем могущества которых стало правление Александра Великого (Македонского) (336–323 гг. до Р. Х.).

Александр стал повелителем Египта и Сирии. Расширив пределы своих владений до Индии, он мечтал создать мировое евразийское государство на основе эллинистической культуры. Новый повелитель мира благоволил к святыне Иерусалимского храма и оказывал особое покровительство иудейскому народу. Однако его мечтам не было суждено сбыться. После смерти Александра Великого его огромная держава распалась на ча-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 261.

сти, оказавшись поделенной между военачальниками — преемниками Александра: Македонское царство (включая Северную Грецию), царство селевкидов (от Фракии до Индии) и царство Птоломеев (Египет и Палестина).

С именем одного из правителей эллинистического Египта, царя Птоломея II Филадельфа (285–247 гг. до Р. Х.), связано событие непреходящей важности, а именно перевод Священного Писания Ветхого Завета на греческий язык. Будучи человеком просвещенным, за что он и получил прозвище Филадельф (Мудрый), Птоломей II содержал в Александрии Египетской потрясающую библиотеку, где не оказалось Пятикнижия Моисея, о котором царь был наслышан. Птоломей II послал в Иерусалим начальника своей стражи Аристея. Тот обратился к иудейскому первосвященнику Елеазару с просьбой предоставить текст Пятикнижия для перевода на греческий язык. Елеазар не только предоставил текст, но также направил в Александрию 72 ученых книжника, среди которых большинство являлось священниками. Все книжники в совершенстве владели греческим языком, ставшим к тому времени языком международного общения. Иудейский историк Иосиф Флавий в XII главе книги «Иудейские древности» признавал историчность «Писем Аристея», повествующих об этих событиях.

Н. Василиадис утверждал, что перевод Ветхого Завета на греческий язык был неизбежен, поскольку в то время греческий язык и греческое образование, вследствие завоеваний Александра Великого, были распространены по всей ойкумене, а в Египте проживало около миллиона иудеев, чьим родным языком он был[1].

Переводчики начали свой труд на острове Фарос. Согласно Аристею, 72 переводчика были ограждены от общения друг с другом и работали независимо, дабы усилить степень достоверности перевода. Когда перевод был закончен всеми толковниками, произошла сверка переведенных текстов. Сверявшие убедились в том, что тексты практически во всем идентичны.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 284.

Некоторые места, имевшие стилистические или терминологические несоответствия, были исправлены по образцу большинства текстов, согласованных друг с другом.

В течение последующих ста лет, до 132 г. до Р. Х., был совершен перевод на греческий язык всех книг Ветхого Завета. Перевод получил наименование Септуагинты, т. е. «Перевода семидесяти», по числу тех, кто положил начало этому процессу.

Таким образом, появился важнейший документ, представляющий собой не только самый древний, но и самый совершенный, самый точный перевод книг Ветхого Завета, который в условиях позднейшей потери еврейского первоисточника стал приравниваться исследователями к самому первоисточнику. С текстом Септуагинты происходит сверка переводов Библии на другие языки. Иудейский историк Филон Александрийский свидетельствовал о том, что еврейская диаспора во всем мире признавала Септуагинту равноценной первоисточнику. Он лично пользовался исключительно этим переводом и считал его боговдохновенным, а семьдесят два толковника назывались им «пророками и великими знатоками». Филон утверждал, что этим переводом пользовались даже в Палестине[1].

Что касается вообще жизни иудеев в период владычества Птоломеев, то она была мирной и благополучной. В Египте они построили множество синагог, а Александрия со временем стала важнейшим центром ученого иудаизма.

С завоеванием Иудеи Селевкидами положение резко изменилось. Царь Сирии, провинцией которой стала Палестина, Селевкид Антиох IV Епифан (175–163 гг. до Р. Х.) сделался гонителем иудеев. Ради политического единства всех народов, входящих в число его подданных, он решил добиться унификации религиозных культов, чему, естественно, решительно воспротивились иудеи. Антиох IV Епифан дошел до того, что воздвиг в Иерусалимском храме статую Зевса, чем вызвал взрыв негодования и мощное народное освободительное движение, имевшее религиозное основание.

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 285.

История сохранила некоторые факты насилий, сопровождавших стремление властей насадить язычество среди иудеев. Например, некоего авторитетного старца Елеазара заставляли публично съесть запрещенную к употреблению свинину. После того, как Елеазар отказался, ему предложили не есть, но только сделать вид, что он ест. Суть проблемы заключалась в том, что язычники употребляли свинину в пищу, а почитатели Закона Моисеева — нет. Отсюда публичное употребление свинины могло быть расценено как отступление от веры. Елеазар ответил так: «В мои лета недостойно лицемерить. Если молодые узнают, что девяностолетний Елеазар уклонился в язычество, то и они могут соблазниться и отойти от веры». Поскольку именно этого хотели добиться соблазнители, а твердость старца нарушила их планы, Елеазара прилюдно замучили, дабы устрашить непокорных[1].

В другом случае с подобным требованием обратились к женщине Соломии, матери семерых сыновей. Получив отказ, юношей подвергли пыткам: отрезанию языка, отсеканию пальцев рук и ног, сдиранию кожи на голове и жжению на сковородах. Младшего, вместе с матерью наблюдавшего за происходящим, царь лично старался ласково уговорить отречься от веры. Но мать, подойдя к сыну, сказала: «Не бойся этого мучителя и последуй за братьями, чтобы я могла всех вас встретить в вечной жизни». Тогда сын и мать были замучены. Это семейство известно под именем *мучеников Маккавеев* (2 Мак. 7, 20–23).

Освободительную войну против угнетателей веры в истинного Бога возглавил священник Маттафия. Дело продолжили его сыновья, среди которых особенно выделялся Иуда, названный в память о мучениках Маккавеем[2]. Существует также мнение, что слово «маккавей» означает «молотобоец», происходя от еврейского «макав», т. е. «молот», и говорит о той силе и целеустремленности, которыми обладал Иуда.

Иуда Маккавей, будучи потомственным священником, проявил себя и как замечательный полководец, не раз с малочисленным войском побеждавший значительно превосходящие силы противника. Однажды попав с 800 воинами в окружение 22-тысячной армии греко-сирийцев, Иуда погиб в битве. Однако его брат Симон сумел разбить войска Селевкидов и освободить священный город Иерусалим, окончательно свергнув эллинистическое иго сирийских царей. С тех пор, согласно требованию народа, старший из рода Симона Маккавея должен был становиться иудейским первосвященником и правителем народа. Так была учреждена династия Маккавеев (или Асмонеев), правившая Иудейским государством, вновь ставшим теократическим, с 165 по 63 гг. до Р. Х., т. е. до завоевания Палестины римским полководцем Помпеем. Примерно в этот же период возник Синедрион (Санхедрин — *евр.*) — верховный суд, отличавшийся от других учреждений подобного рода тем, что имел значительную административную и политическую власть[1].

«Раскопки, произведенные в Вефсуре (современный Кирбет-эт-Тубека), открыли материал, проливающий свет на битвы и другие события, описанные в Первой Книге Маккавеев. В этом городе на вершине холма археологи обнаружили фундамент большой крепости, которая была дважды разрушена и отстроена заново. Ученые установили, что первая крепость, построенная в эпоху Птоломеев, была разрушена до основания. На ее месте была построена более мощная крепость. Считается, что ее основал Иуда Маккавей около 165–163 гг. до Р. Х. Однако спустя некоторое время и эта крепость была разрушена и отстроена заново полководцем Селевкидов Вакхидом около 161 г. до Р. Х. по чисто греческому образцу. Таким образом, картина, возникшая на основании археологических открытий, полностью согласуется с тем, что сообщает по этому поводу Ветхий Завет в Первой и Второй книгах Маккавеев»[2]. Раскопки в городах Газер (Газара), Мареша, Самария, Сихем, Вфиль, Иопия также подтверждают сведения, содержащиеся в Священном Писании Ветхого Завета касательно истории времен правления Маккавеев[3].

[1] *Слободской С., протоиерей.* Указ. соч. С. 244.
[2] Там же. С. 245.

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 414.
[2] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 289.
[3] Там же. С. 290–293.

3. Римское владычество. Состояние иудейского общества и всеобщее ожидание Спасителя

При преемниках Симона Маккавея, прилагавших усилия к объединению всей Палестины под властью Иудеи, умножились беспорядки и смуты, послужившие поводом для вмешательства Рима, стремившегося в I в. до Р. Х. господствовать на Востоке.

Сын и наследник Симона Иоанн Гиркан заставил принять закон Моисея идумеян и подчинил самарян. В его время приобрели большое общественное значение партии фарисеев и саддукеев, речь о которых еще будет вестись. Он был «последним из народных героев, которые прославили династию Маккавеев»[1]. Сын Иоанна Аристовул сменил титул князя Иудейского, присвоенный Маккавейской династии, на титул царя Иудейского. Само по себе это являлось вызовом Небу и решению народа, который ставил Симона и его потомков над собой лишь в качестве *местоблюстителей* царского престола, предназначенного для Истинного Царя и Великого Архиерея, Который должен произойти из рода Двидова — Мессии[2]. Ожидание Мессии, как видим, уже играло заметную роль в социально-политической жизни иудейского общества. Мессия еще до Своего пришествия стал реально действующей силой, воплощавшейся в народных чаяниях и влияющей на ход исторического развития.

Аристовул был жестоким правителем. После его смерти к власти пришел его брат Александр Анней, который вел постоянные войны с соседями, ради чего сильно повышал налоги и другие повинности, возлагаемые на народ. Народ восставал, а царь жестоко подавлял восстания.

После смерти Александра Аннея девять лет правила его вдова Александра. Она назначила одного своего сына — Гиркана II — на должность первосвященника, а другого — Аристовула II — на должность начальника войск.

[1] *Пушкарь В., архиепископ.* Священная Библейская история. СПб.; Владивосток, 2004. С. 313.

[2] Там же.

После смерти матери Гиркан и Аристовул повели между собой борьбу за власть. В этой распре каждый из них обратился за помощью к римскому полководцу Помпею, который уже находился в Сирии со своими легионами. Помпей, воспользовавшись ситуацией, ввел римские войска в Иудею. В 63 г. до Р. Х., осадив Иерусалим, он взял его, перебив до десяти тысяч иудеев, осквернил храм тем, что вошел в Святое Святых, а его воины-язычники внесли в храм римские знамена. Аристовула с семьей Помпей отправил в Рим, а Гиркана назначил управляющим от имени римского кесаря.

Теперь вся Палестина вновь была объединена. Более того, вся Палестина стала называться Иудеей, но эта Иудея была превращена в провинцию Римской империи и вновь потеряла свою независимость. Над ней был поставлен римский наместник. Хотя иудеям был оставлен их Синедрион — совет из первосвященников и старейшин народа, однако этот орган был значительно ограничен в правах. Например, Синедрион никого не мог предавать смертной казни без разрешения римского наместника.

Вскоре Гиркан попал под влияние идумеянина Антипатра, который сначала правил от имени Гиркана, а затем и сам получил титул римского прокуратора (управляющего) Иудеи. Сын Антипатра Ирод в пятнадцатилетнем возрасте был назначен своим отцом прокуратором Галилеи. Затем, будучи назначенным римлянами на должность тетрарха (четверовластника) Иудеи, он захватил власть в Иерусалиме, истребив род Маккавеев, и в 37 г. до Р. Х. сумел добиться в Риме для себя титула «царя Иудейского»[1].

Ирод Идумеянин или, как его еще называют, Ирод Великий, явился основателем новой монархии в Иудее, которая, однако, просуществовала только при жизни этого царя, а после его смерти была разделена римским императором Августом на три области, которые управлялись сыновьями Ирода. Галилеей, располагавшейся на севере Палестины по склонам Ливанских гор, и Переей, что лежала к юго-восто-

[1] *Нюстрем Э.* Указ. соч. С. 184.

ку от Самарии на восточном берегу р. Иордан, правил Ирод Антипа. Трахонидой и Итуреей, располагавшимися к северо-востоку от Галилеи на границе с Сирией, правил Ирод Филипп; Иудеей и Самарией правил Ирод Архелай. Двое первых преемников царя Ирода получили право носить титул тетрархов, как и их отец. Архелай же был настолько жесток и несправедлив в своем управлении самой обширной и самой важной частью Палестины, что в 6 г. н. э. он был выслан римскими властями в Галлию, а его место занял римский военный наместник или «прокуратор Иудеи и Самарии».

А. П. Лопухин следующим образом характеризовал царя Ирода: «Ирод, так называемый Великий... который своей безумной расточительностью и кровожадной жестокостью окончательно подорвал нравственные и материальные силы народа. Идумеянин по происхождению и подобострастный ласкатель римлян, Ирод лишь позорил священный престол Давида. Свое восшествие на престол он ознаменовал принесением жертвы Юпитеру Капитолийскому, ввел языческие увеселения в самих стенах священного города и окружил себя отрядом наемных телохранителей. Чувствуя непрочность своего положения на престоле, он подверг беспощадному истреблению весь род Маккавеев и даже всех членов Синедриона, которых он заподозрил в недостаточной преданности себе. Вся политика этого царя Иудейского состояла в том, чтобы тешить свое честолюбие грандиозными постройками и подобострастно заискивать перед римлянами. Он построил и расширил несколько дворцов, укрепил прилегавшую к храму башню Барис и назвал ее в честь своего римского покровителя Антонией; восстановленный им город Самарию переименовал в честь Августа Севастией и в честь его же назвал великолепный приморский город Кесарию, ставшую впоследствии римской столицей Палестины. Все это только сильнее настраивало против него собственный народ. Но чтобы заглушить народный ропот, а вместе с тем и удовлетворить свою страсть к строительству, он в восемнадцатый год своего царствования приступил к перестройке храма и в полтора года воздвиг новый великолепный храм... Но это только на время могло утешить чувство недовольства и раздражения в народе, а вместе с тем не устранило и опасений Ирода за прочность своего престола. Поэтому он продолжал с кровожадною жестокостью истреблять всех, кто только навлекал его подозрение. Настала страшная эпоха убийств, казней и пыток. Опасаясь всех и каждого, Ирод, это безжалостное чудовище, как называет его Иосиф Флавий, с яростью обрушивался на всякого, кто только приходил с ним в соприкосновение, и жертвой его ярости и подозрительности между многими пали даже три его собственных сына, любимая его жена Мариамна, тесть с тещей и шурин его, первосвященник Аристовул. Убийства через повешение и сожжение, убийства через растерзание и утопление, убийства тайные на основании признаний, вымученных невыносимой пыткой, дела бесстыдной скотской похоти — вот чем наполнены летописи этого царствования.

Подавленный всеми этими ужасами, народ терпел, и в нем сильнее, чем когда-либо возрастало желание и вместе с тем ожидание истинного сына Давидова, который бы низверг этого кровожадного похитителя престола... В это самое время как громом поразили его [царя Ирода] своим известием восточные мудрецы, издалека пришедшие в Иерусалим поклониться не ему, Ироду, а новорожденному Царю Иудейскому, истинному Сыну Давидову, звезда Которого взошла на востоке»[1]. Истинным Сыном Давидовым и новорожденным Царем Иудейским А. П. Лопухин называет Иисуса Христа.

Действительно, во время римского владычества иудейский народ, познав на своем горьком опыте непрочность могущества земных царей, с нетерпением ожидал Царя, обещанного Богом, — Мессию, Сына Божиего, Который водворил бы всюду мир и правду. Народ жаждал слышать слова и пророчества о Мессии, содержащиеся в Священном Писании. Поэтому повсеместно, особенно по субботним дням, сходился в места собраний (синагога — *греч.*), где ученые «книжники» читали и толковали эти слова, а народ слушал и внимал, вынашивал их смысл в своих сердцах и передавал от одного к другому. Все напряженно ожидали Спасителя, Истинного Царя. Такое

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 350–352.

ожидание достигло своей наивысшей точки во времена царствования Ирода, и именно в его времена оно было удовлетворено Богом — в Вифлееме Иудейском родился Спаситель мира.

С момента возвращения евреев из вавилонского плена под руководством священника Ездры формируется канон (правило — *греч.*), т. е. свод официально принятых к употреблению книг Ветхого Завета, содержание которых считается богодухновенным. Вместе с Малахией исчезла практика пророческих явлений и проповедей, а значит и устного предания, соответственно усилилось значение исполнения письменно зафиксированного Закона, т. е. буквы Закона, буквализм. Большую роль стали играть так называемые фарисеи (отделенные — *евр.*), составившие особую партию в иудейском обществе. О них отчасти мы уже сказали в главе «Закон Ветхого Завета». «Это были правоверные законники, принимавшие весь закон, проповедовавшие веру в загробную жизнь, поддерживавшие в народе веру и благочестие, а вместе с тем и пламенный патриотизм, что давало им огромное влияние на народ. Но отличительной их особенностью было то, что они не ограничивались одним законом Моисеевым, а считали необходимым соблюдать и все те предания, которые с течением времени образовались вокруг этого закона в качестве дополнений и разъяснений к нему. Так как эти предания почти исключительно относились к внешней обрядовой стороне закона, то она-то по преимуществу и сделалась предметом главного внимания фарисеев»[1].

Православная Церковь, вслед за своим Главой — Иисусом Христом, учит о пагубности обрядоверия, т. е. придания обрядам, составляющим внешнюю, *хотя и неотъемлемую*, но все же второстепенную сторону богослужения, первостепенного значения. Не ради обрядов совершается богослужение и не обрядами достигает оно своей цели. Обряд — это лишь форма, которая в пределах, допустимых благочестием, вполне может изменяться, и с течением времени, в соответствии с разного рода обстоятельствами, действительно изменяется. Намного более важное значение имеет внутренняя сущ-

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 354.

ность богослужения — посвященность Единому Богу Творцу в каждом дыхании, каждом движении, каждом слове и каждом помышлении. Важны намерения и духовное состояние совершающих служение. Важно сокрушение сердец о собственных грехах. Важно отречение от собственной воли и предание себя в волю Божию. Обряды необходимы настолько, насколько они способны обеспечить стройность, лаконичность, благоговейный ход, чин (т. е. порядок), полноту церемониала богослужения. Поэтому Церковь дорожит исторически сложившимися, отработанными на ее многовековой практике формами богослужения (строем Литургии, вечерней и утренней службы, различных молебных пений и т. д.). Но обрядоверие, придающее форме сакральное значение, уповающее на форму, творящее из этой формы идола, является злейшим врагом истинного богослужения, ибо по сути своей уподобляется магии.

Фарисейство споткнулось о собственный буквализм и слишком усердное почитание человеческих, временных по своей сути, установлений. Этот буквализм затмил для него истинную суть Закона Божиего. «Сюда относились постановления о самом строгом, доходившем до мелочности, соблюдении субботнего покоя, о различении чистой и нечистой пищи, об омовениях, одежде и так далее. Чтобы удобнее исполнять все эти многочисленные предания, фарисеи выделились в особый класс или общину, чуждавшуюся общения с остальным народом, к которому они относились с высокомерным презрением как к „людям земли“ (амгаарец) и „неучам“. Лучшею стороной фарисейства была их ревность к распространению религии Иеговы, и в этом отношении они сделали весьма много, подготавливая через своих прозелитов почву и для распространения христианства среди языческих народов. Но их обрядовая мелочность, холодное бездушие, ханжество, высокомерие и возмутительная лицемерность, прикрывавшая маскою набожности самые безнравственные деяния, и были теми их недостатками, которые навлекли на них молниеносное обличение Христа: „Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры“»[1].

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 354.

Другую крайность представляли собой саддукеи, составлявшие партию, получившую наименование в честь своего вождя-основателя Садока. Саддукеи признавали в качестве священного текста только Пятикнижие Моисея и никакого значения не придавали обрядам, отличаясь религиозным вольнодумством, отрицанием бессмертия души, неверием в существование духовного мира, загробной жизни и всеобщего воскресения мертвых. Ад и рай для них были абстрактными и аллегорическими понятиями. Они отрицали всех пророков и всех праведников, не веруя в их божественную одухотворенность. Материальный достаток и уровень социального положения служили для них показателем покровительства Божиего. Их главной целью был контроль над политической властью в стране и собственное положение в структуре этой власти. Саддукеи, таким образом, по сути своей являлись материалистами (хотя внешне это не всегда можно было заметить).

Подобием фарисеев в истории России явились, например, русские старообрядцы, упорствовавшие в частностях и букве, впавшие в глубокое обрядоверие. Хотя всякий может заметить и в лоне Церкви людей, которые в силу своего характера склонны то к фарисейству, то к саддукейству.

Наиболее неприятным для религиозного благочестия иудеев того времени было то, что партия саддукеев захватила в свои руки должность первосвященника и произвела из своей среды целый ряд первосвященников, являвшихся фактически неверующими людьми, придававших политическим мотивам первостепенную роль и не обращавших внимания на религиозно-нравственное благочестие. Некоторую параллель этой ситуации можно провести с фактами русской истории Петровской эпохи, когда к управлению Церковью, благодаря протекции царя Петра I, пришли люди протестантствующие и политиканствующие, исказившие веру и благочестие, одним из которых был епископ Феофан (Прокопович). Превосходство политических целей над религиозно-нравственными не может не сказываться отрицательно на духовно-нравственном состоянии народа. Так произошло с Русской Церковью и с русским

народом во времена Петра I. Так происходило и с иудейским народом в I в. до Р. Х.

Состояние упадка духовности в религиозных верхах вызвало рождение многочисленных сект, религиозных направлений в среде иудеев, не согласных с таковым положением дел. Например, представители секты «ессеев» избегали городской жизни и составляли общины отшельников, воздерживавшихся от брачной жизни и светских удовольствий. Они вели строгую жизнь, проводя время в трудах и молитве, отрицали рабство, войну и торговлю. Еще более строгие правила соблюдали члены общины «ферапевтов» (целителей), считавших себя теми избранными, кто призван исцелить народ от духовных недугов. Они изнуряли себя непрерывным чтением Закона Моисеева и молитвой, позволяя себе съедать лишь только вечером немного хлеба. Эта секта была особенно распространена среди иудеев Египта.

С 1947 по 1964 гг. в пещерах района Кумран, что в Иудейской пустыне, были найдены многочисленные рукописи, оказавшиеся древними списками ветхозаветных текстов, а также небиблейскими религиозными произведениями. Распространенным является мнение о том, что эти рукописи были спрятаны в глиняных сосудах, где и хранились около двух тысяч лет, между 66 и 70 гг. по Р. Х. одной из общин-сект, которая находилась в этой местности во время продвижения десятого римского легиона по долине реки Иордан к Иерусалиму. Этот легион имел целью подавление иудейского восстания. Перед лицом опасности отшельники якобы позаботились о том, чтобы надежнее укрыть священные тексты, которые и были обнаружены в наше время.

Существуют различные версии относительно происхождения жителей Кумрана. Кто-то считает, что Кумран — это одно из мест поселения ессеев, а кто-то даже пытается обнаружить связь с первыми христианами. Исходя из одной из версий считается, что «иудеи Кумрана верили, что они последние из оставшихся верующих. Члены общины употребляли названия, которые указывали на завет Господа со Своим народом.

Так они назывались „избранными“, „святыми Всевышнего“, „сыновьями света“, „святым народом“, „бедняками паствы“ и „общиной Израиля и Аарона“. Они верили, что они были теми, кто хранит закон Бога, и желали жить в соответствии с ним. Они изучали закон (тору) и пытались его толковать, согласуясь с тем методом, которому учил их „учитель праведности“ (или „праведный учитель“); учитель (скорее всего, основатель общины.—*Свящ. С. К.*) показал им путь святости и то, как надо жить, чтобы служить Господу в этот переломный момент... Члены общины ожидали прихода эпохи Мессии. А до тех пор им полагалось подчиняться суровым законам общины, чтобы быть готовыми принести искупление за Израиль, который отвернулся от Бога, и за весь мир.

Община была устроена по образцу общежительного монастыря. <...> Первыми в иерархии были священники, старейшины и остальные верующие. Верующие были разделены на тысячи, сотни, полусотни и десятки. На совет из двенадцати членов, три четверти которого составляли священники, была возложена обязанность блюсти порядок в общине. Если кто-то хотел стать членом общины, ему надо было пройти многочисленные ступени искуса. <...> В общину принимались мужчины и женщины, брак и семейная жизнь не запрещались.

Жизнь в общине выражалась в разного рода действах, главными из которых были крещение и общая трапеза с молитвой. В них принимали участие все члены общины, занятия которых были разнообразны: там были гончары, писцы, переписчики, земледельцы. Отводились отдельные часы для молитвы, медитации (размышлений.—*Свящ. С. К.*) и часы труда. В течение всей ночи члены общины изучали закон (тору), будучи разделены на три „стражи“, или „караула“ (смены). Если же члены общины нарушали установленный порядок, то несли наказание. <...> Это была „апокалиптическая“ община, члены которой с напряженным вниманием ожидали быстрого ниспровержения зла и воцарения Царства Божия на земле.

Первые поселенцы Кумрана верили, что конец света очень близок, они решили, что тот самый миг настал, когда римляне вторглись в Палестину в 63 г. до Р. Х. Однако по непонятным

причинам они на какое-то время покинули Кумран и переселились в Дамаск, откуда и вернулись после смерти Ирода. Они пребывали в Кумране до 68 г. по Р. Х., когда римляне начали подавление восстания иудеев»[1].

Такая точка зрения на сущность кумранских находок основывается на содержании свитков, которые были опубликованы первыми из обнаруженных текстов и повествуют об указанной общине (скорее всего, ессейской). Описание жизни общины, согласно текстам, и приводит Н. Василиадис. Место обнаружения свитков, находящееся неподалеку от кумранского поселения, в соответствии с научной гипотезой объединилось с самим поселением, а остальные свитки, содержащие тексты Священного Писания, были отнесены к результатам работы секты по сбору и переписыванию священных текстов. Это, как было сказано, наиболее распространенная в печатных изданиях версия интерпретации данных, полученных в результате исследований кумранских находок.

Однако существует и другая версия, имеющая веские основания. Она была высказана преподавателем Московской духовной академии, священником Дмитрием Юревичем. По его мнению, развалины кумранского поселения никогда не были монастырем или подобием монастыря, как считал католический священник Ролан де Во, руководивший научной археологической экспедицией в Кумране. Это поселение никогда не принадлежало древнеиудейской секте. Скорее всего, это было загородное поместье одного из знатных иудеев, о чем говорит его типично хозяйственное устройство. Вместе с тем поместье было хорошо укреплено и являлось фортификационным сооружением. В нем занимались сельским хозяйством и ремеслами. На территории Кумрана было найдено множество предметов роскоши и деньги, что не может сочетаться с версией о нахождении здесь общины аскетов.

Кроме того, ни одно из помещений Кумрана невозможно определить в качестве скриптория (места для переписывания книг). Была найдена лишь одна чернильница, тогда как тек-

[1] *Василиадис Н.* Указ. соч. С. 293–295.

сты написаны более чем пятьюстами различными почерками. Напрашивается вывод о том, что тексты Кумрана — это вовсе не результат деятельности монастырских писцов, а часть фонда крупнейшей библиотеки древней Иудеи. Таковой могла быть библиотека Иерусалимского храма, вывезенная в Кумранские пещеры незадолго до начала осады города римлянами в 68 г. по Р. Х.[1]

В Кумране было найдено 900 текстов. Все они датируются III в. до Р. Х. — началом I в. по Р. Х. Из них «ессейскими» оказались лишь несколько десятков, являясь совершенно незначительной частью «спецхрана» большой библиотеки. Причем «учитель праведности» оказался персонажем лишь сектантских свитков и, таким образом, никакого отношения к Мессии, как предполагали некоторые, не имел. В то же время несектантские тексты исполнены пророчеств о грядущем Мессии и свидетельств ожидания Его иудеями — современниками той эпохи.

Библейские тексты Кумрана, являясь самыми древними из сохранившихся текстов на еврейском языке, подтвердили достоверность текста Септуагинты, совпадая с ним даже в мелочах, и убедили ученых в том, что Септуагинта — более достоверный источник, чем позднейшие масоретские тексты.

Кроме того, как уже нами было указано, небиблейские тексты Кумрана, созданные незадолго до Рождества Христова, очень точно отражают настроения той эпохи, будучи исполнены свидетельствами о чаянии народом Спасителя.

Однако Спасителя ожидали не только иудеи. Это ожидание приобрело мировые масштабы. Во-первых, этому способствовало иудейское рассеяние. В результате Вавилонского пленения и персидского владычества возникли три крупнейшие иудейские диаспоры вне родины: вавилонская, сирийская и египетская.

Замечательную оценку иудейского рассеяния дал А. П. Лопухин: «Вавилонский плен, кроме своего значения

[1] *Юревич Д., свящ.* Мнимые тайны Кумрана // Фома. 2005. № 3 (26). С. 76–79.

как наказания иудейскому народу за его неверность завету с Иеговою, имел еще другое, более важное и глубокое знание для всего человечества. Для него избранный народ жил более или менее отчужденно от остального мира и свет истинной религии лишь изредка... проникал за пределы собственно Земли Обетованной. Теперь с приближением „исполнения времен“ свет этот должен был ярко засиять для всех живущих во тьме и сени смертной, т. е. для всех языческих народов... И этому великому делу оказали чудесное содействие те грозные ассиро-вавилонские завоеватели, которые, сами не сознавая того, послужили могущественным орудием высшего промышления Божия. Переселяя цвет избранного народа в свою страну, бывшую центром языческой религии и языческого просвещения, они вместе с тем переселяли к себе миссионеров и проповедников истинной религии, которая должна была рассеять тьму заблуждения... С этого времени иудейский народ сделался народом как бы всемирным... Эти иудеи, жившие вне Палестины... оказали глубокое влияние на последующую судьбу языческого мира»[1].

Завоевание Александром Македонским Востока еще более усилило рассеяние иудеев, но уже не вынужденное, а происходившее по собственной их воле. Иудеи имели покровительство лично от Александра. В это время проявился и получил развитие предприимчивый к торговле и наукам дух иудеев рассеяния, объединенных на чужбине в крепкие общины, сплоченные религиозной верой и связанные с такими же общинами в других странах, а особенно с Иерусалимом. У этих общин, располагавшихся в различных частях света, нередко был разным язык (еврейский, арамейский, греческий и т. д.), но вера отцов накрепко их объединяла. Они верили в Единого Бога на основе Закона Моисеева и Священного Писания. Согласно пророчествам, содержащимся в Писании, они все ожидали Мессию, о Котором и проповедовали всюду, где только появлялись. К началу новой эры иудеи уже находились

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 257–258.

в Египте, Месопотамии, Армении, Малой Азии, на островах Средиземного моря, в Греции, Македонии и т. д.

Характер торговой предприимчивости двигал иудеев в Рим и даже в Испанию. Много иудеев было переселено в Рим Помпеем в качестве пленных, где по освобождении они и их потомки сделались римскими гражданами и жили в отведенном специально для них квартале. Самым важным пунктом иудейского рассеяния была Александрия Египетская, ибо она являлась научным центром античного мира.

Во-вторых, всемирному ожиданию Мессии способствовал и перевод Священного Писания Ветхого Завета, пронизанного пророчествами о Спасителе, на греческий язык, ставший со времен Александра Македонского языком международного общения. Перевод сделал это Писание доступным каждому образованному и грамотному человеку.

В-третьих, все указанные тенденции усилились в несколько раз во времена мирового господства Римской империи, ибо в ее пределах перемещение товарных и информационных потоков достигло небывалых до того масштабов и скоростей. Великолепные военные дороги соединили между собой многие страны. Римские войска стабильно обеспечивали относительную безопасность торговых путей, усиливая культурное взаимообщение регионов империи.

Началось активное взаимодействие народов в области религии, литературы, искусства и торговли, какого еще не знала история человечества.

В-четвертых, господство Римской империи, способствовавшее универсализации взглядов, мировоззрений и культур в рамках складывавшегося единого пространства, поколебало основы просвещенного античного язычества. «В Риме пришли в столкновение между собою всевозможные языческие культуры,— писал А. П. Лопухин,— и их бесконечное разнообразие по необходимости должно было привести к убеждению, что языческие боги составляют лишь произведения самих народов и отнюдь не в состоянии удовлетворить присущей человеку потребности в безусловной истине

религии»[1]. Разнообразие культов и мировоззрений дезориентировало человека и убеждало его либо в отсутствии истины вообще, либо в необходимости ее поиска где-то вне мира языческих представлений.

Многие язычники того времени теряли веру и надежду на будущее. «Сильнее всего это сказалось на самих римлянах, вера которых в своих богов уже раньше была подорвана распространением греческих философских сочинений, прямо издевавшихся над олимпийцами как над измышлением детского разума. Но так как *человек не может быть без религии*, то началось томительное искание истинного Бога, и в поисках Его перебраны были все известные тогда религии и культы, и чем таинственнее был культ, вроде египетского, тем больше он имел приверженцев»[2].

Не правда ли, описанная ситуация весьма соответствует тому положению, которое мир переживает сегодня. Процессы глобализации способствуют смешению традиций, религиозных и культурных начал. Европа, потеряв Христа, увлеклась исламом, буддизмом или магией. Она, став атеистической, не может оставаться таковой и далее, ибо атеизм лишает человека смысла жизни. Люди вновь бросаются на поиски этого смысла и блуждают в дебрях множества разных религий и культов: от одного к другому, не находя утешения в истине. «И эта религия хороша, и эта тоже хороша. Бог один, а разные религии — это лишь разные пути к Богу»,— внушает глас либерализма. Но сердце человека определенно знает, что двух истин быть не может, а тем более трех или десяти... Если истин десять, то это уже не истины, ибо истина только одна. Любое отклонение от нее — уже не истина. Человек сегодня либо вынужден признать, что истины нет вообще, что она относительна, и искать удовольствий, обретая в них временное и ложное утешение, либо все-таки искать истину среди этого хаотического смешения, отбросив всякий либерализм и взывая к ней, прося ее об откровении.

---

[1] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 263.
[2] *Лопухин А.П.* Указ. соч. С. 263–264.

Но вернемся к состоянию римлян перед Рождеством Христовым. «В это же время многие стали невольно обращать внимание и на таинственного Иегову, религия Которого поражала изверившихся в своих богов язычников тем сильнее, что она отвергала всякие символы для изображения этого Бога. Иудеи пользовались этим и приобретали себе прозелитов и приверженцев, среди которых были и члены знатных римских фамилий и даже члены императорского дома (императрица Поппея Сабина). Прозелиты разделялись на два класса: „пришельцев врат“ и „пришельцев правды“, отличавшихся между собой степенью принятия веры. Для первых достаточно было общей веры в Иегову с принятием „Ноевых законов“, а от вторых требовалось полное подчинение всем постановлениям закона Моисеева. Большинство язычников ограничивалось первой ступенью, но было много и таких, которые вполне принимали веру иудеев.

Этому движению еще более способствовало нравственное падение языческого мира как неизбежное следствие падения религиозного. Вместе с языческими культами Востока в Рим вторгался тот безнравственный тлен, который был неразлучен с ними. Отсюда началось ужасное общественное разложение, приводящее лучших людей к отчаянию (Рим. 1, 26 и далее). Не видя никакой отрады в настоящем и потеряв надежду на будущее, люди задыхались от духовной пустоты и искали себе исхода или в безумных оргиях наслаждений, или же в самоубийстве, которое сделалось самым обычным явлением. Знаменитый философ Сенека, удрученный печальной действительностью, указывал на самоубийство как лучший способ избавиться от невыносимого положения. Но самый инстинкт самосохранения противодействовал принятию такого ужасного способа, и потому большинство искало другого исхода и находило его в присущей человеческому сердцу надежде на лучшее будущее.

Лучшие язычники стали надеяться, что откуда-нибудь должно было прийти спасение, если не от людей, то свыше.

И надежда эта как раз совпала с тем ожиданием Избавителя мира, которое все сильнее разгоралось в иудейском мире и все шире распространялось через иудеев среди языческих народов. По свидетельству римских историков Светония и Тацита, в то время между римлянами и другими языческими народами ходила широко распространенная молва, что на востоке скоро появится могущественный царь, который покорит себе весь мир. Римские поэты воспевали ожидаемое появление чудесного избавителя. Вергилий в своей знаменитой четвертой эклоге воспевал младенца, который должен был восстановить золотой век. Младенец этот снизойдет с неба, и на земле водворится мир. Щедро будет он изливать свои дары. Стада не будут бояться львов, ярмо снимется с шеи пашущего вола, и земледелец уже не будет работать в поте лица своего. Это славное мечтание римского поэта, несомненно, было отголоском знаменитого пророчества Исайи, что „родится Младенец, Которому нарекут имя: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности“, и тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя поведет их (Ис. 9, 6; 11, 6).

Все, таким образом, показывало, что приблизилось исполнение времен. Собственно среди иудеев ожидание пришествия Спасителя достигло наивысшего напряжения. Древние предсказания пророков сделались предметом самого тщательного изучения и истолкования, и самой любимой книгой была книга пророка Даниила с ее точнейшими определениями касательно времени явления Мессии. <...> Ожидание это было до такой степени живо, что самые правители израильского народа во времена Маккавеев принимали власть лишь условно, „доколе восстанет Пророк верный“ (1Мак. 14, 41). В народе все невольно чувствовали, что пришло исполнение времен... При появлении всякого выдающегося проповедника или пророка все невольно спрашивали, не он ли Христос (Ин. 1, 19–20; Мф. 11, 3). Даже полуязыческие самаряне ожидали, что скоро придет

Мессия, который разрешит все спорные вопросы между ними и иудеями касательно религии (Ин. 4, 25).

Многие при этом не ясно представляли себе, в каком виде явится Мессия, и ожидали увидеть в Нем просто всемирного завоевателя, который покорит иудеям весь мир и оснует вечную монархию иудейскую. Но все более просвещенные духовно люди ожидали в Нем истинного Мессию, который искупит человека от рабства греху, сотворит мир в возмущенной душе, призовет к Себе всех нуждающихся и обремененных, откроет вековечную истину спасения и оснует вечное царство Божие...»[1]

Последнее замечание А. П. Лопухина является весьма важным в вопросе о том, почему Христос, Которого так ревностно ждали иудеи, оказался ими же и отвергнут.

«...Рукописи Мертвого моря (кумранские манускрипты) очень ясно свидетельствуют о том, почему, дождавшись Христа, иудеи Его отвергли,— пишет преподаватель Московской Духовной академии священник Дмитрий Юревич.— Среди свитков Кумрана были найдены рукописи „Мессианский сборник“ и „Мессия неба и земли“. Это — свод библейских пророчеств и небиблейских текстов, которые показывают, *какого именно Мессию* ждали иудеи. И здесь опять же Кумран не дал ничего нового. Мессия из небиблейских текстов Кумрана — это политический и военный вождь, который чудесным образом победит всех врагов и поработителей Израиля и поставит иудеев во главе народов мира.

Интересно, что среди рукописей присутствует библейская книга пророка Исайи и содержатся пророчества о том, что Мессия, будучи Богом, станет человеком, бессемянно родившись от девственницы, что Он возьмет на Себя грехи мира и добровольно примет смерть за людей. На эти пророчества постоянно ссылаются авторы Евангелия. Но идея страданий Мессии не пользовалась популярностью у иудеев. Ни в одной из кумранских небиблейских рукописей нет описания страданий Спасителя за грехи Своего народа — только описания Его власти, славы и могущества.

Евангельский Христос, Который пришел освободить людей от рабства греху и Который говорил: „Царство Мое не от мира сего“, совершенно не соответствовал тому идеалу Мессии, которого ждали в Иудее на переломе эпох. В этом смысле Кумран не добавляет ничего нового к тому конфликту между Иисусом и религиозными учителями Израиля, о котором говорит Евангелие и который в итоге завершился Голгофой...»[1]

И всеми ожидаемый Мессия пришел. Он пришел именно так и именно таким, как о Нем писали и говорили пророки, а особенно пророк Исайя — ветхозаветный евангелист.

[1] *Лопухин А. П.* Указ. соч. С. 363–366.

[1] *Юревич Д., свящ.* Указ. соч. С. 7–79.

ПРИМЕРНАЯ ХРОНОЛОГИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ[1]

Дата до Р. Х.	Событие
5508	Сотворение мира
3246	Всемирный потоп
2716	Вавилонское столпотворение
2115–1940	Годы жизни Авраама
между 2040–2000	Призвание Авраама и исшествие его из Харрана в землю Ханаанскую
между 2040–2014	Гибель Содома и Гоморры
2015–1835	Годы жизни Исаака
1965/1916–1808/1769	Годы жизни Иакова-Израиля
между 1825–1786	Переселение Израиля и его рода в Египет
между 1610–1571	Исход израильтян из Египта во главе с Моисеем
между 1568–1531	Смерть Моисея. Вступление в Землю обетованную
ок. 1524	Разделение земли Ханаанской между коленами Израилевыми
1568/1531–1080/1075	Эпоха Судей израильских. Борьба за Ханаан, продолжившаяся при первых царях Израиля

[1] Составлена на основании русского перевода текста Септуагинты, вошедшего в издание Библии, подготовленного Российским Библейским обществом в 1995 г., а также расчетов, приведенных в указанных работах А. П. Лопухина, Н. Василиадиса и историко-статистическом разделе «Краткого путеводителя по Библии» (М., 2007), составленного Т. С. Олейниковой и рекомендованного Отделом религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви к использованию в образовательных учреждениях.

Дата до Р. Х.	Событие
1080/1075–1060/1055	Царствование Саула (первого израильского царя)
1060/1055–1020/1016	Царствование Давида
1020/1016–980	Царствование Соломона
между 1017–1013	Начало строительства Иерусалимского храма
980	Распад еврейского царства на Иудейское и Израильское. Воцарение Ровоама и Иеровоама I
956–954	Авия, царь иудейский
954–913	Аса, царь иудейский
913–888	Иосафат, царь иудейский
888–881	Иорам, царь иудейский
875–936	Иоас, царь иудейский
836–807	Амасия, царь иудейский
804–755	Озия, царь иудейский
740–736	Иоафам, царь иудейский
736–724	Ахаз, царь иудейский
722	Падение Израильского царства, покорение его ассирийским царем Салманасаром
724–696	Езекия, царь иудейский
696–641	Манассия, царь иудейский
640–608	Иосия, царь иудейский
596–586	Седекия, последний царь иудейский
597	Начало вавилонского пленения иудеев
586	Разрушение Иерусалима и сожжение Иерусалимского храма Навуходоносором
539	Взятие Вавилона персами
538	Указ Кира об освобождении переселенных народов, в том числе и иудеев
537–536	Возвращение иудеев в Палестину. Начало строительства второго Иерусалимского храма

Дата до Р. Х.	Событие
516	Завершение строительства второго Иерусалимского храма
453	Восстановление Иерусалима
332	Вступление в Иерусалим Александра Македонского
285–247	Правление Птоломея II Филадельфа, одного из правителей эллинистического Египта
271–132	Перевод книг Ветхого Завета на греческий язык 72-мя иудейскими толковниками (Септуагинта)
224	Воцарение Антиоха IV Епифана в Сирии. Подчинение Иудеи сирийским правителям
168/165	Восстание Маттафии Маккавея
165–63	Правление династии Маккавеев в Иудее. Иудейское теократическое государство
64/63	Подчинение Иудеи Риму. Взятие Иерусалима Помпеем
ок. 20	Реконструкция Иерусалимского храма царем Иродом

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Афанасий Великий, святитель.* Творения: репринт / Афанасий Великий.—М., 1994.—Т. 2.

2. *Авдиев, В. И.* История Древнего Востока: учебник для студентов исторических факультетов вузов / В. И. Авдиев.—М.: Высшая школа, 1970.

3. *Барбур, И.* Религия и наука: история и современность / И. Барбур.—М.: Паломник, 1999.

4. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I—VIII веков. Ветхий Завет.—Т. 1: Книга Бытия 1–11.—Платина-Москва: Братство Преподобного Германа Аляскинского–Валаамское Общество Америки, 2004.

5. Библейская энциклопедия.—М.: ЗАО «Международная книга», 1998.

6. Библейская энциклопедия: репринт.—М., 1990.

7. Библия. Любое издание.

8. Библия. Брюссель, 1989.

9. *Буфеев, К., священник.* Православное вероучение и теория эволюции. В защиту святоотеческого учения о сотворении мира, жизни и человека / К. Буфеев.—СПб., 2003.

10. *Василий Великий, святитель.* Беседы на Шестоднев / Василий Великий.—М., 2000.

11. *Василиадис, Н.* Библия и археология. Свято-Троицкая Сергиева Лавра / Н. Василиадис. — 2003.

12. *Вейник, В.* Почему я верю в Бога. Исследование проявлений духовного мира / В. Вейник.—Минск: Белорусский Экзархат, 2002.

13. *Вертьянов, С. Ю.* Происхождение жизни: факты, гипотезы, доказательста / С. Ю. Вертьянов.—М.: Свято-Троицкая лавра, 2006.

14. *Вертьянов С. Ю.* Общая биология: учеб. для 10–11 кл. общеобразовательных учреждений / С. Ю. Вертьянов; под ред. акад. РАН Ю. П. Алтухова.—М.: Свято-Троицкая лавра, 2006.

15. *Вигасин А. А.* История Древнего Востока: учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов / А. А. Вигасин.—М.: Дрофа, 2006.

16. *Войно-Ясенецкий Л., архиепископ.* Наука и религия / Л. Войно-Ясенецкий.—М.: Феникс. Троицкое слово, 2001.

17. *Волков П. В.* Потомки Адама / П. В. Волков.—М.; СПб.; Новосибирск: Общество святителя Василия Великого; Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2003.

18. Всемирная история / под ред. Ю. П. Францева, И. М. Дьяконова, Г. Ф. Ильина, С. В. Киселева, В. В. Струве.—М., 1955.—Т. 1.

19. *Вулли, Ч. Л.* Ур Халдеев / Ч. Л. Вулли.—М., 1961.

20. *Гиш, Д.* Ученые-креационисты отвечают своим критикам / Д. Гиш. —СПб., 1995.

21. *Голубцов, А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике.—СПб.: Сатисъ, 2006.

22. *Громыко, М. М.* О воззрениях русского народа / М. М. Громыко, А. В. Буганов.—М.: Паломник, 2000.

23. *Гудинг, Д.* Мировоззрение / Д. Гудинг, Д. Леннокс.—Ярославль: ТФ Норд, 2001.

24. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В. Даль.—СПб., 1998.—Т. 2.

25. *Даули, Т.* Библейский атлас / Т. Даули.—М.: РБО, 2000.

26. *Деларм, Ж.* Основные события Древнего мира / Ж. Деларм.—М.: 2004.

27. *Дрэйн, Дж.* Путеводитель по Ветхому Завету / Дж. Дрейн.—М.: Триада, 2003.

28. *Дьяченко, Г., протоиерей.* Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко.—М., 2001.

29. *Ефрем, Сирин.* Творения. Т. 6: Толкование на Книгу Бытия: репринт / Ефрем Сирин.—М., 1995.

30. *Зубов, А. А.* Палеоантропологическая родословная человека / А. А. Зубов.—М., 2004.

31. *Иванов, А. В.* Руководство к изучению книг Священного Писания Нового Завета / А. В. Иванов.—СПб., 2002.

32. *Иванов Н., протоиерей.* И сказал Бог... : опыт истолкования Книги Бытия / Н. Иванов.—Клин.: Фонд Христианская жизнь, 1999.

33. *Иванов, П., свящ., Давыденков О., свящ., Каламов С.* Христианство и религии мира: учеб. пособие для учащихся средних школ, лицеев, гимназий: репринт / П. Иванов, О. Давыденков, С. Каламов—М., 2000.

34. *Ильин, И.* Основы христианской культуры / И. Ильин.—СПб., 2002.

35. *Иоанн, Дамаскин.* Точное изложение православной веры: репринт / Иоанн Дамаскин.—М., 1998.

36. *Иоанн, Златоуст, святитель.* Беседы на Книгу Бытия: в 2 т. / Иоанн Златоуст: репринт.—М., 1993.

37. *Иоанн, Златоуст, святитель.* Творения / Иоанн Златоуст.—М., 1995.—Т. 6. Кн. 2.

38. *Иоанн, Кронштадтский.* Полное собрание сочинений: репринт / Иоанн Кронштадтский.—СПб., 1994.—Т. 1.

39. *Иосиф, Флавий.* Иудейские древности: репринт / Иосиф Флавий. —М., 1994.

40. Каноны, или Книга правил святых Апостолов, святых соборов Вселенских и Поместных и святых отцов.—Монреаль, 1974.

41. *Кареев, Н. И.* Учебная книга древней истории / Н. И. Кареев.—М., 1997.

42. *Косидовский, З.* Библейские сказания / З. Косидовский.—М.: Политиздат, 1975.

43. *Керн, К., архимандрит.* Антропология св. Григория Паламы / К. Керн.—М.: Паломник, 1996.

44. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Слово пастыря: Бог и человек. История спасения / митрополит Кирилл.—М., 2004.

45. Книга Бытия. Ветхий Завет / пер. с древнеевр.—М., 2002.

46. Книга Иеремии. Плач Иеремии. Ветхий Завет / пер. с древнеевр.—М., 2004.

47. Книга Исайи. Ветхий Завет / пер. с древнеевр.—М.: Братство Преподобного Германа Аляскинского–Валаамское Общество Америки, 2004.

48. *Колпаков, С. В.* История Древнего мира: учеб. для 5 кл. общеобразовательных учебных заведений / С. В. Колпаков, Н. А. Селунская.—М.: Дрофа, 2002.

49. Краткий научно-атеистический словарь.—М.: Наука, 1969.

50. Краткий путеводитель по Библии / сост. Т. С. Олейникова.—М.: Центр преподобного Серафима Саровского, 2007.

51. *Кураев, А., диакон.* Может ли православный быть эволюционистом? / А. Кураев.—Клин: Христианская жизнь, 2006.

52. *Кураев, А., диакон.* Ответы молодым / А. Кураев.—М.; Саратов: Издательство Саратовской Епархии, 2003.

53. *Лопухин, А. П.* Библейская история Ветхого Завета: репринт / А. П. Лопухин.—Монреаль, 1986.

54. *Лосский, В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви / В. Н. Лосский.—М.: Центр СЭИ, 1991.

55. *Ляшевский, С., протоиерей.* Библия и наука / С. Ляшевский.—М.: Паломник, 2001.

56. *Макдауэлл, Дж.* Неоспоримые свидетельства: исторические свидетельства, факты, документы христианства / Дж. Макдауэлл.—М.: Протестант, 1992.

57. *Макдауэлл, Дж.* Свидетельства достоверности Библии / Дж. Макдауэлл.—СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2003.

58. *Матвеев, К.* Пять жизней древней Сури / К. Матвеев, А. Сазонов.—М.: Амрита-Русь, 1989.

59. *Мейендорф, И., протоиерей.* Введение в святоотеческое богословие / И. Мейендорф.—М.: Путь, 2001.

60. *Мерперт, Н.* Очерки археологии библейских стран / Н. Мерперт.—М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2000.

61. Непознанный мир веры.—М.: Сретенский монастырь, 2005.

62. *Нюстрем, Э.* Библейский словарь / Э. Нюстрем.—Торонто: Сторінок, 1979.

63. *Олейникова, Т. С.* Краткий путеводитель по Библии / Т. С. Олейникова.—М.: Омега, 2007.

64. *Осипов, А. И.* Православное понимание смысла жизни / А. И. Осипов.—Киев: Издательство им. Святителя Льва, 2001.

65. *Осипов, А. И.* Путь разума в поисках истины: основное богословие / А. И. Осипов.—М.: Сретенский монастырь, 1999.

66. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.—М., 2001.

67. *Остапенко, М. А.* Образ совершенного человека в православной антропологии / М. А. Остапенко.—Екатеринбург: ОМТА, 2004.

68. Правила Православной Церкви.—М., 2001.

69. *Преображенский, В., епископ Кинешемский.* Беседы на Евангелие от Марка / В. Преображенский.—М., 2003.

70. П*ушкарь, В., архиепископ.* Священная библейская история / В. Пушкарь.—СПб.; Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2004.

71. *Райт, Дж. Э.* Библейская археология / Дж. Э. Райт.—СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003.

72. *Роуз, С., иеромонах.* Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди / С. Роуз.—М.; Платина (Калифорния), 2004.

73. *Роуз, С., иеромонах.* Православный взгляд на эволюцию / С. Роуз.—СПб., 1997.

74. *Саплина, Е. В.* История Древнего мира: учеб. для 5 кл / Е. В. Саплина, Б. С. Ляпустин.—М., 2003.

75. *Сарфати, Д.* Несостоятельность теории эволюции / Д. Сарфати.—М., 2002.

76. Святоотеческая христология и антропология: сб. ст.—Пермь, 2002.

77. *Симеон Новый Богослов.* Творения / Симеон Новый Богослов.—М., 1993.—Т. 1.

78. *Слободской, С., протоиерей.* Закон Божий: руководство для семьи и школы / С. Слободской.—М., 2000.

79. Сокровищница духовной мудрости. Антология святоотеческой мысли.—М., 2003.

80. *Струве, В. В.* История Древнего Востока / В. В. Струве.—Л., 1941.

81. *Сурова, Л. В.* Методика православной педагогики / Л. В. Сурова.—Клин, 2002.—Ч. 1.

82. *Сысоев, Д., священник.* Летопись начала / Д. Сысоев.—М., 2003.

83. Той повеле и создашася: современные ученые о сотворении мира.—Клин, 1999.

84. Требник: в 2 ч.—М., 1991.

85. *Феофан Затворник, святитель.* Толкование посланий Апостола Павла. Послание к римлянам / Феофан Затворник.—М., 1996.

86. *Феофилакт Болгарский.* Толкования на послания Апостола Павла / Феофилакт Болгарский.—М., 1993.

87. *Фиолетов, Н. Н.* Очерки христианской апологетики / Н. Н. Фиолетов.—Клин, 2000.

88. *Хергозерский, А.* Обозрение пророческих книг Ветхого Завета / А. Хергозерский.—М., 1998.

89. *Чепмен, Д.* Загадочные и удивительные: двадцать живых примеров, опровергающих теорию эволюции / Д. Чепмен.—М., 2000.

90. *Чернышев, В. М.* Религиоведение / В. М. Чернышев.—Киев, 2003.

91. *Шанский, Н. М.* Школьный этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. Л. Боброва.—М., 1997.

92. Шестоднев против эволюции: в защиту святоотеческого учения о творении: сб. ст.—М., 2000.

93. *Шестун, Е., протоиерей.* Педагогика русской цивилизации / Е. Шестун // Православная культура. Концепции, учебные программы, библиография.—М., 2003.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное издание

Священник Сергий Коротких

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА:
ОСНОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НОВОЙ ЭРЫ)

Методическое пособие для учителей
Часть II

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректоры *Е. А. Алексеева*, *В. И. Виноградова*,
Т. С. Кирина, *Н. В. Солнцева*
Оригинал-макет подготовили *Л. В. Семенова*, *С. И. Захаров*

Подписано в печать 18.09.20012 г.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Old Standard».
Усл. печ. л. 20,5. Уч.изд. л. 15,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 9980.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Тел.: 8(495) 745-84-28, (49638) 20-685
www.oaompk.ru, www.oaompк.рф

В этом издании предпринимается целостная и системная попытка соединить научение истории с отечественным духовно-нравственным и культурным наследием.

Огромная работа проведена по органическому соединению материала по истории Древнего мира с библейской историей. Библейская история, нередко воспринимаемая детьми как сказочный миф, будучи связанной с археологическими, лингвистическими, естественнонаучными сведениями и фактами, воспринимается совершенно иначе — как впечатляющая панорама ранней истории человечества, его духовного возрастания.

Автору удалось остаться в рамках светского образования. Он стремится помочь детям и педагогам сформировать свою образованность в сфере основ национальной культуры. Наша культурная идентичность определена двухтысячелетней историей христианской цивилизации. Знать и воспринимать православие как национальную культуру во всей ее уникальности и богатстве очень важно в нашу эпоху, когда всепоглощающая глобализация, с одной стороны, и стремление отстоять свою этнокультурную идентичность, с другой, становятся предметом раздора. Серьезное погружение детей в комфортную среду родной культуры поможет сформировать личность, уверенно стоящую на твердой основе тысячелетней традиции и в то же время — личность толерантную, с уважением и пониманием относящуюся к ценностям иных цивилизаций.

А. В. Камкин,
д-р ист. наук, проф., зав. каф. теории и истории культуры Вологодского государственного педагогического университета, чл.-кор. РАЕН

ISBN 590537413-9
9 785905 374135